

Россия. В поисках себя...

макс вебер

О РОССИИ

Макс Вебер (1864–1920) — ключевая фигура в европейской мысли. Его «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) и монументальный свод его творчества «Хозяйство и общество» (1922, посмертно) остаются в центре напряженной академической и общественной дискуссии и определяют содержание всемирной истории, социальной и экономической истории Запада, а также обществоведения и прежде всего социологии власти, права и религии. Вебер принципиально углубил представления о роли идей и умонастроений в эволюции общества. Ему принадлежат важные интерпретации капитализма, демократии, бюрократии.

макс вебер

О РОССИИ

ИЗБРАННОЕ

Москва
РОСПЭН
2007

Вебер М**В 26**

О России: Избранное / Перевод А. Кустарева. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - 159 с. - (Россия. В поисках себя...).

В сборник включены сокращенные версии двух больших эссе, полные тексты или фрагменты газетных статей Макса Вебера, прямо касающиеся России. Вебер анализирует в них общественно-политическую ситуацию в России в 1905-1906 и 1917-1918 годах. Вебер обсуждает перспективы либеральной демократии и конституционной монархии в России, оценивает разные социальные силы в российском обществе и характер русского революционного движения.

Книга предназначена всем, кто интересуется политической историей России.

© А. Кустарев - перевод, 2007
 © А. Кустарев - предисловие, 2007
 Л «Российская политическая энциклопедия», 2007

ISBN 978-5-8243-0860-0

XXXXXXXXXX

Предисловие. А. Кустарева.....	5
К положению буржуазной демократии в России.....	14
Переход России к псевдоконституционализму.....	56
Переход России к псевдodemократии.....	104
Внутреннее положение и внешняя политика.....	128
Прусское избирательное право.....	131
Русская революция и мир.....	134
Ганс Дельбрюк, Макс Вебер, Макс граф Монсела, Альбрехт Мендельсон-Бартольди. Замечания к докладу Комиссии союзников и ассоциированных стран по вопросу ответственности за начало войны.....	141

ЧННЖф

ЧННЖф

XXXXXXXXXX

Среди огромного наследия Макса Вебера есть несколько работ о России. В 1906 году в своем журнале Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik (приложения к XXII и XXIII томам) Вебер опубликовал две большие работы - «К положению буржуазной демократии в России» («Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland») и «Переход России к псевдоконституционализму» («Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus»).

Они были впервые переизданы в 1989 г. в полном собрании сочинений Вебера (Zur russischen Revolution von 1905 (Schriften und Reden 1905-1912) // Gesamtausgabe. Bd. 1/10. Tübingen, 1989).

Полный русский перевод этих двух очерков помещен в нескольких выпусках «Русского исторического журнала (РГГУ)» за 1998-2001 годы.

Резюме этих работ неизменно включались в том политических статей Вебера (Gesammelte politische Schriften) вплоть до последнего издания 1988 г. Русский перевод этих двух сокращенных версий (с незначительными дополнительными сокращениями) был опубликован в журнале «Синтаксис» (№ 22 и № 23, 1988 и 1989 гг.). Для настоящего издания перевод исправлен и заново отредактирован.

Резюме двух больших очерков Вебера составляют основу этого сборника. В сборник включены также статьи Вебера 1917-1918 годов. Это «Переход России к псевдodemократии» («Russlands Übergang zur Scheindemokratie», первоначальная публикация в газете «Die Hilfe» от 27 апреля 1917 г.), отрывок из статьи «Внутреннее положение и внешняя политика» («Innere Lage und Aussenpolitik, Frankfurter Zeitung» от 3 февраля 1918 г.), отрывок из статьи «Прусское избирательное право» («Das Preussische Wahlrecht», первоначальная публикация в газете «Europäische Staats- und Wirtschafts-Zeitung» от 21 февраля 1917 г.) и

статья «Русская революция и мир» («Die Russische Revolution und der Friede», первоначальная публикация в газете «Berliner Tageblatt» от 12 мая 1917 г.).

В этот сборник включен также меморандум Версальской комиссии по вопросу о виновности в войне, написанный Вебером и подписанный четырьмя видными профессорами (включая его самого).

Наряду с этюдом о «протестантской этике» и очерками о политической проблематике Германии после Версаля русские штудии Вебера оказываются самыми яркими образцами его «ситуативных анализов». В центре внимания Вебера политическая обстановка в России после царских манифестов от 6 августа и 17 октября 1905 года. Фактура очерков Вебера охватывает время до роспуска первой Думы в июле 1906 года.

Вебер обсуждает конституционный проект «Союза освобождения», царские манифесты 1905-1906 годов и новую редакцию Основных законов, то есть, в сущности, российскую (октроированную) конституцию, избирательный закон и выборы в первую российскую Думу, проблематику аграрной реформы в России, практику выполнения конституции. Значительная часть второго очерка Вебера представляет собой пионерный анализ состояния, как мы выразились бы теперь, «гражданского общества» на примере России.

Обращение Вебера к современным ему политическим процессам в России объяснялось разными обстоятельствами. Во-первых, его совершенно исключительным аппетитом на фактуру. Во-вторых, очевидной энергетической мощью и драматизмом того, что происходило в России на его глазах. В-третьих, - и это самое важное - его озабоченностью перспективами «свободы» и либеральной конституции (если угодно, конституционализма) в мире.

Общественно-политическим идеалом Вебера было то, что В. Моммзен (комментируя Вебера) именует «либеральное общество» и что сам Вебер именовал «буржуазной демократией», определяя самого себя как «буржу-

азного демократа». Но Вебер опасался, что «порыв» западной цивилизации к «свободе» иссякает и уникальному феномену Запада как «привою» должен отыскаться «подвой», если и не «клон», образно говоря. Или иначе: кто-то должен «принять эстафету», «реанимировать» либерально-демократическую систему ценностей и соответствующие ей практики или разработать новые практики, если старые окажутся неадекватны. Кто же? Может быть, Россия?

На примере России Вебер оценивает возможности зарождения идеологии и практики «свободы» не в сфере религиозного переживания, как это было в Европе в эпоху раннего модерна, а в сфере политической программы и политического процесса¹.

Начав свой анализ российской политической конъюнктуры в преддверии революции с осторожным оптимизмом, Вебер кончает свои очерки скорее в пессимистических тонах. Как ему кажется, в 1906, а затем и в 1918 году, поворот всемирно-исторического значения в желательном для него духе в России вроде бы намечался, но сорвался.

И не только потому, что у «партии свободы» в России не оказалось достаточной социальной базы, на что позднее многие обращали внимание и без помощи Вебера и что лежало на поверхности. Совсем не так тривиальны наблюдения Вебера за поведением династии и двора, бюрократии и крупного капитала. И особенно интересны его суждения о перспективах аграрной реформы и необходимой для ее осуществления политической структуры и «стилистики власти». Эта операция в интерпретации Вебера выглядела невыполнимой в России, как он сам выражается, «легальными средствами».

¹ Подробнее об этом см.: Кустарев А. Макс Вебер, русская революция, вестернизация // Космополис. № 3(13). 2005.

Согласно наблюдениям Вебера, процесс «либерал-демократизации» российского общества сорвался в ходе политического процесса, то есть там же, где и обозначился. И эволюция российского общества переходит в руки другой агентуры. Происходит дальнейшее смещение социо-культурной эволюции от автономного культурогенеза через автономный же политический процесс в сторону рационального проекта. И, соответственно, инициатива переходит от *социальной силы* через (или минуя) *политическую силу* к чему-то совсем новому и современному - рациональной организации. Образ такой организации возникает у Вебера при рассмотрении методов («технологии») современной революции.

Мы задним числом знаем, что именно этот сценарий оказался вполне реалистическим и, более того, осуществился. Победила ленинская «партия нового типа», то есть рациональная организация, которая, опираясь (корректно или нет) на марксизм, осуществила фундаментально рациональный проект, получивший название Великой октябрьской социалистической революции, а затем приступила к осуществлению другого рационального проекта под названием «строительство социализма», посадив всех именно в веберовскую «железную клетку».

Если в первом из двух очерков 1906 года Вебер больше говорит об эмансипации российского общества и о российском освободительном (либеральном) движении, то во втором очерке его прежде всего интересует модернизация российской монархии, а именно перспективы превращения самодержавия как российского варианта абсолютной монархии в конституционную монархию¹.

Такое впечатление, что этот очерк Вебера представляет собой первый в его творчестве этюд к его будущей «социологии власти».

¹ Подробнее об этом см.: Кустарев А. Макс Вебер о модернизации русского самодержавия // Полис. № 2. 2006.

Вебер существенно модифицирует проблему разделения и ограничения власти. Будучи противником «монократии», он смотрел на проблему разделения властей в системе господства иначе, нежели либерал-демократическая традиция (восходящая к Локку или Монтескье). Считая, что неуклонная формальная рационализация управления все равно глубоко преобразует проблематику сдержек и противовесов, он мало интересовался такими вещами, как «народная воля», избирательное право, демократия и конституция (как текст или документ - Urkunde).

Гораздо важнее, как он думал, разделение ролей между аппаратом власти (бюрократией) и политическим руководством. В духе этого подхода Вебер критикует формулу взаимного позиционирования думы, царя и правительства в структуре российского государства. Он полагал, что если в этой формуле появляется институт «премьер-министра», то этот премьер-министр должен быть подотчетен думе, а не царю. Вебер был горячим поклонником парламентской системы английского типа.

Непарламентский характер обновленной русской монархии (считать ее конституционной или псевдоконституционной, как выражался сам Вебер) был зафиксирован в конституции, что Вебер и считал врожденным пороком нового российского порядка.

Однако, интерпретируя русскую конституцию не в формально-правовом, а в социологическом плане, Вебер еще больше, чем ее формулой, интересовался возможностью эволюции российского государственного строя. Эта эволюция, согласно его анализу, определялась несколькими обстоятельствами.

Во-первых, неуклонным ростом влияния бюрократии в силу общей рационализации жизни и профессионализации всех общественных практик, как предполагала концепция самого Вебера. Этот процесс, строго говоря, шел повсюду. Усиление этого фактора в Германии, в частности, заставляло Вебера опасаться, что модернизация

ция монархий, вовремя не отказавшихся от своего старорежимного статуса, то есть не ставших парламентскими, может теперь принять не предусмотренный ни либералами, ни консерваторами XIX века оборот. В России в особенности эта тенденция выглядела роковой в силу уж очень позднего появления сил, способных генерировать контртенденции.

Крайне настороженное и даже враждебное отношение Вебера к бюрократии, между прочим, объяснялось не только тем, что бюрократия не способна выдвинуть из своей среды политического лидера, но и тем, что бюрократия кристаллизуется в корпорацию-сословие с собственными интересами и не нейтральна. При этом, однако, она не обязательно совершенно самостоятельна. Даже чаще всего ее интересы совпадают с интересами какого-либо из господствующих сословий. В Германии, например, прусского земельного сословия («юнкеры»).

Это чрезвычайно релевантно для России. В России государственная бюрократия и земельное сословие (дворянство) были прямо-таки сиаемскими близнецами.

Во-вторых, тенденцией крупной буржуазии держать руку «абсолютной» власти, как это и было в европейских монархиях - от раннего модерна до капиталистического империализма. Вебер: «Крупные капиталисты, конечно, *всегда* будут против Думы вместе с бюрократией; они жертвуют при этом всеми своими *формальными* правами».

В-третьих, особенностями политического поведения главных агентур и прежде всего самой Короны. Они затрудняют или даже фатально блокируют корректировку реального государственного строя на исторически значительный отрезок времени.

В-четвертых, новый государственный строй в России устанавливался в разгар острого общественного и политического кризиса и в том виде, какой он принял, не мог этот кризис разрешить; а мог только усугубить. Фактически в очерке Вебера речь идет о том, что Россия вступила

в конституционный кризис, понимаемый как кризис легитимности, что этот кризис имеет все шансы стать хроническим и неизбежно завершится радикальной революцией.

Можно сомневаться, что анализ Вебера был вполне корректным во всех деталях, но хорошо известно, что именно так и произошло.

Милюков интерпретирует задним числом (1929 г.) эту фатальность так: «...переход от вотчинной монархии прямо к республике оказался несравненно более легок, чем переход к парламентской монархии». Милюков явно читал Вебера, и его формула дает яркое резюме того, о чем более изощренно размышлял, наблюдая за российским конституционализмом, Макс Вебер.

Так виделись Веберу перспективы российского общества в 1905-1906 годах. Интересно, что после своих очерков 1906 года Вебер, похоже, совершенно потерял интерес к России, а его восприятие событий 1917 года целиком определяется проблемой заключения мира с Россией и перспективами выхода России из войны. Следует помнить, что их содержание и тон сильно определяются политической конъюнктурой Германии того периода. Несмотря на это, его большая газетная статья «Переход России к псевдодемократии» вызвала у позднейших комментаторов намного больший интерес, чем две большие штудии 1906 года.

Так случилось потому, что в заметках Вебера 1917-1918 годов содержится интерпретация Февральской и Октябрьской революций и некоторые «предсказания», что всегда соблазнительно обсуждать задним числом.

Так же как в 1906 году он называл российскую конституцию «псевдоконституцией», Вебер называет февральский режим «псевдодемократией». Февральский переворот он расценивает только как устранение от власти неспособного монарха, а приход большевиков к власти считает скоропреходящим эпизодом.

Немногочисленные комментаторы этой работы по большей части указывают на то, что Вебер, суливший большевикам скорую потерю власти, как будто бы очевидно и впечатляюще ошибся. Здесь не место разворачивать дискуссию по этому поводу, но заметим, что оценка Вебером Октябрьской революции и сущности первоначального большевистского режима вовсе не так однозначна и допускает некоторые нетривиальные реконструкции, особенно если анализировать этот прогноз Вебера в контексте двух более ранних его очерков о России, его социологии власти и общей историософии. Прогноз Вебера - не такая легкая добыча для критиков, как это кажется на первый взгляд. В любом случае эта неудача Вебера, если он действительно был так уж не прав, несущественна по сравнению с его более ранней трезвой оценкой *исторических* перспектив русской революции как длительного эпизода всемирной истории и звена в процессе вестернизации.

Нет необходимости настаивать на том, что в русских штудиях Вебера содержатся какие-то сенсационные откровения по поводу смысла, или, как предпочитают говорить более экзальтированные мыслители, «тайны» русской истории. Но его русские штудии, особенно с учетом основного корпуса его идей, позволят внести серьезные коррективы в привычные представления о политическом процессе в России в начале XX века, о ходе русской революции и даже о послереволюционной эволюции России. По меньшей мере они могут быть использованы при обсуждении тех новых представлений, которые еще будут предложены, поскольку настоящее обсуждение русской революции, надо думать, только теперь и начинается. Будем надеяться, что ведущая роль в этом обсуждении наконец-то перейдет к самим российским историкам и социологам и они смогут лучше использовать идеи Вебера и его работы о России, чем это сумели сделать несколько поколений западных советологов.

Во времена Макса Вебера, как и теперь, впрочем, обществоведы-генералисты игнорировали Россию, оставляя ее на откуп профессиональным «россиеведам». В этом отношении Вебер, можно сказать, выглядит прямо-таки белой вороной. Он, кажется, первым на Западе понял, какое значение имеет Россия для будущего европейской цивилизации и как важно учитывать опыт России при проверке концепций всемирной истории и социальных макроструктур. К сожалению, он в этом отношении долгое время оставался в одиночестве. Россиеведение и обществоведение сейчас почти так же изолированы друг от друга, как и в его время. Некоторый прогресс в этом отношении был достигнут между концом 70-х и началом 90-х годов не без помощи социологии власти Вебера, но его русские штудии поразительным образом все равно остались при этом не востребованы нигде, включая даже Германию.

Какие уроки можно было бы извлечь из русских штудий Вебера, если бы они были внимательно прочитаны и адекватно восприняты 70, 50 или 30 лет назад, судить теперь трудно. Но у каждого времени своя оптика. И теперь русские штудии Вебера (даже только они сами, вне зависимости от всего остального его наследия) интересны не только как ранняя и опережающая интерпретация русской революции, но и в разных аспектах общей политологии и нормативной политической теории: теорий революции, конституции, монархии или демократии; теорий модернизации и глобализации.

А Кустарев

К XXXXXX
буржуазной XXXXXXXXXX в XXXXXX¹

Проект [конституции], который мы собираемся обсуждать, вполне можно упрекнуть в том, что он совершенно лишен «исторической логики». В самом деле, подобный экстракт из современного интернационального конституционного права выглядит в данном случае как явление «внеисторическое». Впрочем, что можно считать в сегодняшней России подлинно «историческим»? Если исключить Церковь и крестьянскую общину, которыми мы займемся особо, не останется ничего, кроме абсолютной власти царя, унаследованной от татарских времен; то есть системы власти, которая после распада «органической» структуры, определявшей облик России XVII-XVIII веков, буквально повисла в воздухе свободы, принесенной сюда ветром, вопреки всякой исторической логике. Страна, еще каких-то 100 лет назад напоминавшая своими наиболее укорененными в национальной традиции институтами монархию Диоклетиана, не может найти такую формулу «реформы», которая имела бы местные «исторические» корни и была бы при этом жизнеспособной. Наиболее жизнеспособный, авторитетный в общественном мнении и доказавший свою эффективность институт это земство, но он же наиболее чужд старомосковской идее сословно-органического общества,

¹ Перевод по: Zur Lage der burgerlichen Demokratie in Russland // Gesammelte Politische Schriften Tubingen, 1988. S. 33-68. Сокращенный вариант.

где обязанности распределены по сословиям. Земство - современный орган самоуправления, существующий уже 40 лет. За это время он был уже однажды перестроен. Поначалу в земствах были представлены только землевладельцы (включая крестьян). Теперь это многосословный институт, что и отражено в его структуре. Судить о достижениях земств я не берусь. Оценивать их работу по состоянию дорог и мостов, как это обычно делают западно-европейские путешественники, неуместно по тем же экономическим соображениям, что и в Америке. В России, как хорошо известно, неизмеримо больше, чем в Америке, верят в «систематичность» и всеобщую теорию. Но обе страны похожи друг на друга в том отношении, что и там и там местное самоуправление сильно занято народным образованием. А идеализм российских земцев и их готовность на материальные жертвы ради высоких целей заслуживают глубокого уважения; этим они, кстати, напоминают восточнопрусских сословных представителей образца 1847 года. Даже в теперешнем плачевном состоянии и разрываясь между самыми разнообразными видами деятельности: народными школами, медицинским и ветеринарным обслуживанием, строительством дорог, налогообложением, статистикой, земледельческим образованием и «призрением» (в случае голода) - земства все же демонстрируют вопреки всем трудностям замечательные достижения (насколько позволяют судить материалы, доступные за границей). И это должно бы положить конец всем разговорам о том, что русские якобы «не созрели» для управления в условиях свободы. Понятно, что по сравнению с земствами «государственная власть», несмотря на все свое превосходство по части бюрократической «техники»¹, кажется попросту парази-

¹ Но следует категорически предостеречь от бездумного представления о таких людях, как Плеве, как о театральных злодеях и мракобесах. Дело совсем в другом. Система, которой они служили, имела железную логику. Эту «просвещен-

том, единственный смысл которого в том, чтобы поддерживать существующий баланс политических сил в обществе. У нее нет почти никаких функций, кроме некоторой финансовой политики, и она смотрит с глубоким недоверием на своих конкурентов. Поэтому земствам пришлось добывать свои успехи в борьбе с постоянной об-

ную бюрократию с ее рационалистической прагматикой управления совершенно естественно раздражает то, что она считает «халатностью» и непрактичным «упрямством», «узостью интересов», «ограниченностью» и эгоизмом, «утопическими мечтаниями» «интеллигенции» и органов самоуправления и «болтовней» прессы. Все это в их глазах только мешает гармонии между властью, стремящейся осчастливить народ, и народом, питающим к ней соответствующее уважение, чего требует утилитарная «государственная польза». Эта система «превратила жизнь в ад», и в этой атмосфере известие об убийстве Плеве привело мирных кабинетных ученых в состояние истерического восторга. Кто это видел, тот способен только на «критику» системы. Но с утилитарной точки зрения у этой системы обнаруживаются серьезные достоинства. Впрочем, не только в этом дело. Как и во всех таких случаях, дорога в этот «ад» вымощена самыми благими намерениями, и все они без исключения хорошо документированы. Когда на основании этих документов будущий историк будет восстанавливать картину российского старого режима, то она получится не менее лучезарной, чем картина французского старого режима до 1789 года - при всех его существенных отличиях - в изображении модной ныне школы историков. Историк не нуждается в жизни при таком режиме. Среди государственной бюрократии, особенно на ее нижних этапах, но и на верхних тоже, сосуществуют разнообразные политические взгляды, включая и самые радикальные. Только самая «руководящая инстанция» была в последние 25 лет решительно на защите интересов полиции. В сегодняшних условиях пафос критики всей системы в том, чтобы сдвинуть ее в сторону «просвещенного» абсолютизма. Но это невозможно. Попросту потому, что существовавший до сих пор режим уже был просвещенным насколько вообще может быть просвещенным абсолютизм, в интересах самосохранения, при современных условиях.

струкцией со стороны государственной полиции, от которой зависело выполнение принятых земствами решений. Ревность государства ощущалась все сильнее и в конце концов стала постоянной помехой. Государство, например, запрещало увеличивать налоговые отчисления на школы, создать благотворительную организацию рядом с насквозь коррумпированным государственным Красным крестом во время войны, а также пыталось перевести в свое ведомство работу по призрению. Земства все больше и больше превращались в пассивные целевые объединения, выполняющие предписания правительства и вынужденные нести тяготы, возложенные на них тем же правительством. Распространение земской системы на Малороссию и Белоруссию не состоялось. И наконец, Плеве в последние годы своего правления обнаружил серьезные намерения вообще разрушить земскую систему и заменить ее государственной бюрократией.

* * *

Конституционные демократы безусловно поддерживают принцип «всеобщих равных прямых тайных выборов». Это отличает их от других, более правых конституционных групп, поддерживающих цензовый принцип или не прямое голосование. А также от антибюрократической славянофильской группы Шипова с ее предложением создать на основе существующих земств совещательный орган народного представительства для контроля над финансами. Требование такого избирательного права - самый дискуссионный элемент проекта. После того как правительство 25 лет неустанно дискредитировало земство и поскольку в проекте нет больше ничего «исторического», для демократов такая избирательная система - естественная компенсация. Есть и еще одно обстоятельство, ныне повсюду мешающее сторонникам принципиальных реформ. Капитализм, порождающий классы, делает для реформаторов невозможным откры-

венно и с чистой совестью соглашаться на дифференцированное избирательное право. Противоречия между классовыми интересами в обществе и классовое положение в обществе пролетариата наносят специфически буржуазным реформам удар ножом в спину. Такова повсюду судьба реформаторов. Ведь только если в обществе преобладает ремесло, у массы трудящихся остается, по крайней мере теоретически, шанс сохранять «самостоятельность», и тогда можно, не кривя душой, считать, что, несмотря на цензовые ограничения избирательного права, все, включая «несамостоятельных», будут так или иначе представлены. В России городские «средние сословия» в западноевропейском смысле этого слова были очень слабы, не только по историческим причинам. Теперь, когда капитализм и здесь начал свою работу, всякая защита избирательного ценза означает для реформаторов одно: они остаются офицерами без солдат. Рабочие в городах, разумеется, никогда не дали бы себя на этом провести. А в сельской местности, там, где существует община, цензовое избирательное право потребовало бы значительного произвола: община признает равное право голоса за каждым главой домохозяйства - это его «историческое» право. Самодержавие еще могло бы, если бы действовало своевременно, навязать обществу какую-то схему ограниченного избирательного права, например с образовательным цензом, или схему с правом больше чем на один голос. Но партия реформы могла предложить только то, что она и предложила в проекте. Если бы она поступила иначе, самодержавие получило бы возможность при первом же сопротивлении со стороны Думы использовать против Думы рабочих. Старый режим долгие годы прибегал к этой тактике (по меньшей мере с видимым успехом), чтобы запугать подозрительно относящиеся к либералам имущие классы. А если бы демократическая партия согласилась на полное или частичное цензовое отстранение от выборов крестьянской массы, то реакция получила бы на свою сторону и крестьян, поскольку не-

нависть сельских масс обернулась бы против «цензовой» элиты - помещиков и прежде всего кулаков и других групп «сельской буржуазии». Крестьянство никоим образом не считало царя виновником своих бедствий. Злодеями в их глазах были до сих пор чиновники и в будущем стала бы Дума, в которой широкие крестьянские массы, поставленные цензом ниже любой группы городского пролетариата, не принимали бы никакого участия. Уже теперь реакционная аристократия и государственное чиновничество упорно распространяют слухи, что цель либералов - не допустить крестьян в Думу. Особенно отчетливо эта демагогическая политика проявилась в проекте «Булыгинской Думы». По Манифесту от 6(19) августа избирается орган, консультирующий законодательство и контролирующий государственные счета. Выборы идут таким порядком. В 26 больших городах и в губернских избирательных собраниях выбираются выборщики. А те уже выбирают депутатов в Думу, причем из своей среды, чтобы в Думу попало поменьше интеллигенции. В губерниях учреждены три курии: крупные частные землевладельцы, города, крестьянство. Это деление выглядит в каждой губернии по-своему. В первых двух куриях установлен весьма плутократический ценз. Рабочие в результате почти полностью лишены голоса. А выборщики от крестьян выбираются на волостных сходах, где все домохозяева равны. Иными словами, ценза не существует только для крестьян, то есть самой неграмотной части населения. Кроме того, выборщики от крестьян, в отличие от других курий, могут выбрать из своей среды одного депутата до того, как они будут выбирать остальных депутатов вместе с остальными выборщиками. Таким образом, у крестьян в Думе лишний 51 представитель (по числу губерний в Европейской России), а в корпусе выборщиков вместе с цензовиками по землевладению они составляют больше 2/3. Манифест 17(30) октября постановляет «раз и навсегда», что впредь ни один закон не вступит в силу без согласия Думы, что в оставшееся время

нужно предоставить избирательное право всем, кто «до сих пор был его лишен», и что «вновь созданный законодательный порядок» позаботится о «дальнейшем развитии» «принципа» «общего» избирательного права. Поэтому совершенно правильно пишет Петр Струве в предисловии к проекту конституции, что любая другая избирательная система в России уже «опоздала». Идея «прав человека» и требование «четырёхстепенного» (всеобщее прямое тайное равное голосование. - АК) избирательного права - вот на какой основе объединились в «Союзе освобождения» радикальная буржуазная и пролетароидная интеллигенция (часть последней составляли социалисты-революционеры). Непреклонная решимость держаться этих идей только и спасала интеллигенцию от раскола.

Но отвлечемся, если это в наших силах, хотя бы на секунду от этой ситуации. И тогда даже убежденный демократ или социал-демократ усомнится в том, что разумно провозглашать первоочередной задачей такое избирательное право в такой стране и в такой момент¹.

Каковы же будут последствия такого избирательного права? Это самый больной вопрос, и тут среди русских демократов существуют самые разные точки зрения. Прежде всего есть сомнения, не опасно ли фактически передавать земства под контроль самой неграмотной части населения, как бы ни была настоятельна необходимость усилить представительство крестьянства, которое теперь в земствах в меньшинстве и полностью лишено влияния. В этом случае, скорее всего, неизбежна полная бюрократизация земского управления, и, как бы ни были значительны достижения «третьего элемента», он станет лишь проводником централизации по француз-

¹ Лассаль, как известно, выступал за всеобщее избирательное право. Социал-демократическая партия критиковала его, в частности, в предисловии (официально-партийном) к сборнику его статей в 60-е годы.

скому образцу. «Экономическая независимость» тех, для кого работа в земстве была почетной обязанностью, гарантировала независимость земства в целом от «верхних инстанций». А при нынешнем хозяйственном порядке не допустила бы и вмешательства любого парламентарного партийного правительства, пока крестьяне связаны аграрным коммунизмом своих общин. Взгляды на то, какие последствия будет иметь всеобщее равное избирательное право для Думы, тоже расходятся. Я знаю русских демократов, которые, например, говорят: *fiat justitia, pereat mundus*. Иными словами, пусть массы угрожают культурному прогрессу, мы должны думать только о справедливости. Наш долг - предоставить народу избирательное право и, таким образом, сделать его ответственным за собственные действия. Дескать, даже крайняя охлократия будет не так страшна, как «черная сотня», нанятая чиновничеством, почуявшим, что его власть - под угрозой. Как бы то ни было, лучше погрузиться в культурные сумерки на несколько поколений, чем допустить политическую несправедливость. Будем надеяться, говорят эти демократы, что со временем воспитательная сила избирательного права принесет должные плоды. В подобных взглядах стихийно выражается вера Соловьева в этически-религиозное своеобразие политической миссии русского духа, на что мне прямо указал один из представителей подобных взглядов. Абсолютное неприятие «этики успеха» даже в приложении к политической сфере в данном случае означает: возможна только борьба за «правду», или, иначе говоря, «святое самоотрицание». Но коль скоро то, что считается положительным «долгом», исполнено, этический вакуум заполняется библейской заповедью, глубоко укоренившейся в душе всего русского народа, а не только таких людей, как Толстой, заповеди «непротивления злу насилием». Резкие смены бешеной активности и полного подчинения обстоятельствам вытекают из того, что этически нейтральное не признается существующим или чем-то таким, что может иметь «ценность», а

стало быть, и заслуживать активности. Этот подход свойствен панморализму соловьевской доктрины «святости», так же как и этически ориентированной демократии. Между тем рядом с этими идеологическими экстремистами мы видим немало думающих иначе - их, вероятно, даже большинство. Они, как и некоторые иностранные наблюдатели, допускают, что конституционные намерения нынешнего режима искренни, и видят доказательство этому как раз в том, что режим не хочет давать избирательное право политически необразованным массам. Но некоторые из вождей русской демократии настаивают, что есть особо важные экономические причины, в силу которых массы, получив избирательное право, неизбежно будут следовать - политически и культурно - идеалам свободы. Общий аргумент сводится к указанию на воспитательную функцию избирательного права, которая, впрочем, коль скоро речь идет о равном избирательном праве, может реализоваться лишь при условии известных «исторически-эволюционных» предпосылок. Чисто же политическая аргументация ограничивается указанием (в преамбуле к проекту конституции) на политический опыт Болгарии, где введение всеобщего избирательного права, по мнению авторов проекта, было успешным. При этом забывают об отличии малой страны от великой нации, вынужденной иметь свою «мировую» политику, и об отличии традиционного положения священного - в национальном и религиозном отношении - русского царя от наемно-импортированной болгарской монархии.

Теперь следует категорически подчеркнуть, что во всех других отношениях (кроме избирательного права. - АК.) проект конституции вовсе не отличается «радикальным» характером. Авторы отвергают с полным основанием модные ныне разговоры о том, что парламентаризм себя «изжил»¹, но проект конституции в целом щадит по-

*

¹ Эта болтовня сейчас особенно неуместна, потому что тут требуется критическое сравнение эффективности парла-

ложение царя. В нем не нашлось места для выборных служащих, кроме «мировых судей». Он не знает парламентского суверенитета на английский манер. Ему чужда также идея господства парламентского большинства во французском стиле. Эта оглядка на монарха отличает конституционных демократов от более левых радикальных групп. Последние, если они и не республиканцы, хотят все же обеспечить принцип народного суверенитета созывом учредительного собрания и с помощью контроля парламента над ходом политической жизни. Готовность конституционных демократов сохранить монархию объясняется не только «реальнополитической» необходимостью, но и убеждением, что только монархия олицетворяет империю как единство в условиях, когда национальностям предстоит получить широкую автономию (об этом мы будем говорить позже). С этой оглядкой на царя проект не может осуществить полное разделение исполнительной и законодательной власти по американскому образцу. Поэтому авторы проекта пытаются создать нечто в некоторых отношениях действительно новое. Они предлагают «Верховный трибунал», стоящий за пределами судебных структур. Он будет 1) рассматривать: апелляции по действиям правительства, противоречащим конституции, и по судебным приговорам, ссылающимся на формально корректные, но, по существу,

ментарно-демократических стран и режимов личной власти. А даже в той области, где режимы личной власти особенно эффективны, а именно во внешней политике, они проигрывают. О достижениях германской дипломатии может судить только тот, кто хорошо знает документы. Но и без них видно, что она попросту не в состоянии последовательно преследовать долговременные цели, если монарх будет постоянно нарушать ее порядок шумными вмешательствами, опасным разглашением, телеграммами и беспорядочными нападками. Вся энергия дипломатии уходит на то, чтобы постоянно выправлять стратегический курс, или она заражается склонностью к этому театральному стилю.

неконституционные законы; апелляции могут быть поданы от имени частных лиц и от высших судебных инстанций (конституционных); примечательно, что авторы проекта считают этот институт копией американского Верховного суда - ошибка тем более странная, что в России хорошо известна знаменитая книга Джеймса Брайса; 2) [этот орган будет проверять] результаты выборов и 3) рассматривать - усиленный судьями из кассационной палаты - политические обвинения против министров, выдвинутые одной из палат. Эти обвинения наряду с обвинениями против всех служащих в обычных судах могут влечь за собой только увольнение и запрещение заниматься служебной активностью в течение пяти лет. Согласно проекту они возможны в случаях намеренного нарушения конституции и «серьезного ущерба государственным интересам» через злоупотребление, превышение полномочий или небрежение обязанностями. По замыслу парламентская процедура «вотума недоверия» должна была приобрести вид судебного процесса, где решение принимается на основании объективных критериев. Но ведь вещественное содержание «государственных интересов» не может быть объективным. Оно зависит от идеалов и интересов, а стало быть, и «ценностных суждений», на основе которых возникают политические партии. Строго формальная задача защиты конституции и обязанность решать юридически, что «имеет силу», с одной стороны, и в то же время выражение политического предпочтения тому, что «должно иметь силу», с другой стороны, - эти две задачи оказываются в одних руках, и это само по себе сомнительная идея. Конечно, авторы проекта могут сослаться на то, что и формальные решения по конституционным вопросам фактически принимаются аналогичным образом: когда американский федеральный суд решил спорный вопрос, кто будет президентом, в пользу Хейеса, голоса разделились точно по партийной принадлежности. Никто сегодня не сомневается, что решение было неверным, но зато оно позво-

лило избежать гражданской войны. Во втором проекте этого института уже нет, и учредительный съезд партии коммунистических демократов удовлетворился, комментируя Манифест 17(30) октября, требованием возложить ответственность на министров и предоставить Думе возможность обсуждать не только правомочность, но и целесообразность действий правительства. Но оставим попытки правовой критики проекта, проблематичного во многих отношениях. Займемся вместо этого такими сторонами проекта, которые бросаются в глаза иностранцу. И это в основном политические аспекты. С этой точки зрения интереснее не то, что в проекте есть, а то, чего в нем нет.

• • •

«Политический индивидуализм» западноевропейской идеи «прав человека» (что отстаивает, например, Струве) имеет разные корни. Один из его «идеальных» корней - религиозные убеждения, не признающие человеческого авторитета, поскольку такое признание означало бы атеистическое обожествление человека¹. Эти убеждения при современной форме «просвещения» вообще уже не могут широко прижиться. Помимо этого, «политический индивидуализм» - продукт оптимистической веры в гармонию индивидуальных интересов свободных личностей, а она

¹ Сравни известное сочинение Еллинека о «Правах человека и гражданина», мою работу в этом Archiv'e, Bd. XX, No. 1, и Bd. XXI, No. 1, и еще, конечно, интерпретацию протестантизма, которую дает Трель в хиннеберговском коллективном труде «Die Kultur der Gegenwart». Работы Еллинека сильно повлияли на Струве, который их цитирует. Родство экономической и политической этики русских рационалистических сект с пуританизмом уже заметили Леруа-Болье и др. Но для самой многочисленной из них, а именно собственно «раскольников», характерна «аскеза в миру» совершенно иного свойства.

ныне разрушена навсегда развитием капитализма. Эти стадии формирования принципа «индивидуализма» Россия уже не может наверстать: специфически буржуазный индивидуализм внутри самого класса «образованных и имущих» уже преодолен и не может завоевать мелкую буржуазию, тем более массы. В самом деле, что может побудить массы, которым всеобщее избирательное право даст власть, поддержать движение, выдвигающее чисто материально обусловленные буржуазно-демократические требования, содержащиеся в программе «Союза освобождения», а именно: 1) гарантия свободы индивида; 2) конституционное правовое государство на основе избирательного права, организованного по четырем сословиям; 3) социальные реформы по западноевропейскому образцу; 4) аграрная реформа.

* * *

Среди городского рабочего класса, подвергшегося также обработке со стороны христиан-социалистов и социал-революционеров (в радикальном духе), и среди «свободных профессий» оценивали шансы буржуазной демократии как весьма сомнительные, хотя их собственные программы содержали все радикальные реформы западноевропейского типа. Что же касается собственно «буржуазии», которая согласно характеристике Шульце-Геверница была некогда настроена националистически, то часть фабрикантов сильно сдвинулась к либералам и даже демократам, что было естественно, после того как несколько лет правительство Плеве старалось настроить рабочих против «интеллигенции»: 11 рабочих барачников, где концентрировались участники гапоновского движения, были построены на средства правительства¹. Между

¹ Крупнейшие петербургские фирмы подали 31 января старого стиля записку министерству, где говорилось, что «те-

тем в партии конституционных демократов совершенно нет громких имен из этой среды. Как мы видели, с земским движением им не по пути, а в антипротекционистской программе «Союза освобождения» для них нет совершенно ничего привлекательного. Большинство их представителей еще в начале 1905 года придерживались реакционных социально-политических взглядов и рассчитывали на репрессии, хотя, конечно, между ними не было полного единодушия. Было немало случаев, когда фабриканты требовали гарантировать права коалиций. Очень многие из них теперь принадлежат к «Партии правопорядка» (о ней позже) или близкому ей «Союзу 17 октября». Впрочем, после приобретенного опыта они уже не готовы так безоговорочно поддержать правительство и реакцию против либералов. Когда на одном собрании «Торгово-промышленного союза» в Петербурге представитель «партии правопорядка» потребовал присоединиться к правительству в борьбе против «совета рабочих депутатов», другие выступавшие резко возражали, настаивая, что «общество» должно вести борьбу независимо. Дескать, если Союз теперь будет искать защиты у правительства, то придет время, когда другие будут искать той же защиты против него.

Наконец, мелкая буржуазия, чьи позиции, как всегда, наименее определены и понятны, по большей части не готова к союзу с либералами из-за своей враждебности к евреям. Правда, не следует забывать и обстоятельства, толкающие ее в противоположном направлении. Например, в больших городах и некоторых других «неблагонадежных» местах от дворников требуют вести слежку за жильцами. Для домохозяев это чревато непосильными

перь только глубокие реформы политического характера, а не административное вмешательство в трудовые отношения будут способны вернуть рабочих в рамки закона». В том же духе высказались и московские крупные промышленники («Право», с. 588).

для них издержками и ответственностью. Кроме того, принудительная паспортная система и практика административного выселения и обысков (часто ночных) создает нетерпимую зависимость граждан от продажных и самовольных чиновников. В ближайшее время протест против этой системы будет перевешивать все другие соображения. С системой, которая нуждается в подобных методах, длительный компромисс невозможен.

Но для будущего конституционно-демократического движения и, что еще важнее, для самых главных элементов его программы, а стало быть, для перспектив свободного «развития» в западноевропейском духе решающей была и остается позиция крестьянства. Даже если цензовое избирательное право даст либералам большинство, реакционное правительство всегда сможет использовать крестьянство, коль скоро крестьянство реакционно, в качестве дубинки против непокорной Думы. На деле крестьянство - главный объект буржуазно-демократической пропаганды. Петр Струве рассчитывает, что, когда крестьянин привыкнет к «праву» не только в объективном смысле, но и в субъективном, то есть к «правам человека» в духе английского индивидуализма, он станет «личностью». Вновь и вновь настойчиво подчеркивается, что центральная проблема - это аграрная реформа, что политические реформы должны и будут благоприятствовать ей, а она в свою очередь будет благоприятна для политических реформ. Но все это еще не значит, что само крестьянство будет настроено демократично. Петр Струве и авторы проекта (конституции. - ЛК) полагаются на экономические интересы крестьянства, требования которого реакционное правительство удовлетворить не может. Какие же требования самих крестьян и сторонников аграрных реформ в интересах крестьянства?

Уже февральское собрание земства занималось аграрным вопросом. На нем опять муссировалась ставшая уже характерной для либеральных реформаторов идея о «дополнении крестьянского надела». Все же остальное

было оставлено для экспертного обсуждения. А программа «Союза освобождения» предложила (март 1905 года) следующие существенные принципы аграрной политики: 1) отменить выкуп земли наполовину к 1906 году и полностью к 1907 году; 2) наделить земель безземельных и малоземельных за счет раздела монастырских, удельных и кабинетских земель, а если понадобится - за счет экспроприации земли у частных владельцев; 3) создать государственный земельный фонд для плановой колонизации; 4) провести реформу арендных отношений, так, чтобы сделать мелиорацию выгодной для арендатора, и урегулировать судебную процедуру касательно арендных платежей, чтобы «обеспечить интересы работающих» и для решения споров между ними и землевладельцами; 5) распространить трудовое законодательство на сельскохозяйственных рабочих «с учетом особенностей сельских работ». За этим следует еще несколько пунктов в откровенно физиократическом духе. Среди них - постепенная отмена косвенного налогообложения и развитие прямого налогообложения на основе прогрессивного подоходного налога, отмена таможенного протекционирования некоторых производств, но одновременно «решительная помощь в развитии производительных сил народа»: провозглашается, что постепенное снижение импортных пошлин «улучшит положение сельского хозяйства и поможет расцвету⁷ промышленности». Петр Струве, критикуя проект с точки зрения его значения для бюджета, отклонил полную отмену косвенных налогов, назвав эту идею результатом «редакционного недосмотра». Между тем именно этот пункт популярен у тех сельских хозяев, которые изъявляют готовность следовать либеральному направлению. Петиция (похоже, что подлинная) 56 «грамотных» и 84 неграмотных «буржуазных» сельских хозяев из Херсонской губернии требовала отмены налогов на чай, сахар, машины и спички. Ей вторят другие петиции, столь же очевидно подписанные крестьянами и во множестве публикуемые в газетах. Но совер-

шенно очевидно, что сегодня в России прогрессивный подоходный налог не будет достаточен, чтобы заменить собой пошлины и налог на потребление. Не говоря уже об экономических соображениях - для него попросту нет моральных оснований. По этой причине он оказывается сейчас невозможным даже в Соединенных Штатах. Остается также совершенно непонятно, из каких средств будут финансироваться столь обширные и глубокие реформы. Однако вернемся к самим реформам.

Немецкие читатели, должно быть, заметили, что пока я еще ни разу не упомянул характернейший институт российского аграрного строя - общину или мир. Крестьянский вопрос стоит сейчас остро не только, конечно, в областях, где господствует поземельная община¹, то есть в Центре, на востоке Черноземья и везде к востоку и северо-востоку от них. Напротив, аграрная проблема характерна для всей обширной империи от Балтийского моря до степи; в Малороссии она так же жгуча, как и в Московской губернии. Но все же именно аграрно-политические проблемы русского народа-гегемона прямо или косвенно связаны с поземельной общиной, и эта проблематика охватывает зону, где сосредоточена самая компактная группа крестьян и для которой характерна хроническая массовая нищета. Эта «идеальная» Россия - «универсальная» тема российской политической жизни; ее дальнейшая судьба уже не одно десятилетие доминирует в социально-политических спорах и партийном строительстве. Эта тема владеет воображением масс, так же как и социальных политиков всех мастей, гораздо больше, чем заслуживает по своему прямому практическому значению. Не здесь ли следует искать объяснения тому, что программа либералов парадоксальным образом

¹ Поземельной общиной, или «классической поземельной общиной», мы здесь понимаем систему, где землепользователь получает свою долю, скажем, пахотных земель не как семейное наследство, а по воле общины как результат передела.

хранит по этому поводу молчание. Несомненно, это означает уступку, с одной стороны, тем славянофилам, которые приняли взгляды политического либерализма, и народникам, а с другой - социалистам, социал-революционерам и сторонникам земельной реформы, поскольку и те и другие, хотя и по разным причинам, не хотят открытого наступления на поземельную общину, тогда как те, кто придерживаются либерально-экономических взглядов, в особенности сторонники индивидуализма, как Струве, прошедшие хорошую марксистскую школу, должны считать «утопическими» попытки связать аграрную реформу с сохранением общины. Помимо этого, замалчивание общины объясняется тем, что законодательная обработка проблемы общины заняла бы не меньше десятилетия, а для практических политиков сейчас важнее более насущные аграрно-политические задачи. Но все равно, масштабная аграрная политика с первых же своих шагов столкнется с проблемой поземельной общины. (В полном тексте этого эссе иначе: поэтому, а также, как мы уже говорили, в силу своего принципиального значения можно определенно утверждать, что партиям придется гораздо серьезнее заняться своим отношением к общине, чем, по понятным причинам. -A/C)

* * *

Этим же объясняется и сдержанность демократов при обсуждении этой проблемы. Прежде всего живучесть поземельной общины, при том что решения о перераспределении земли всегда есть результат ожесточенной классовой борьбы, объясняется не только экономическими интересами классов; здесь сказываются глубоко укорененные в общественном сознании «естественно-правовые» представления. Совершенно очевидно, что решения о новом переделе земли далеко не всегда принимаются голосами тех, кто рассчитывает при этом улуч-

шить собственное положение, и тех, кого заставляют голосовать палкой и угрозами. Столь же верно и другое: как раз переделы, составляющие, по-видимому, важнейший элемент этой аграрной демократии, весьма часто остаются на бумаге, во всяком случае, в том, что касается их «социально-политической» роли в жизни общины. Экономически сильные крестьяне сдают землю в аренду, продают или получают ее в личное наследство (правда, только в пределах общины), не опасаясь никаких переделов: более слабые общинники находятся у них в руках как должники, и всякий передел лишь укрепляет положение богатых. А поскольку передел касается только земли, но не касается скота и фондов, то эта система вполне сочетается с самой безудержной эксплуатацией. И по мере повышения цен на землю и углубления социальной дифференциации возрастает радикализм возмущенных масс как раз вследствие расхождения права и практики. А самое интересное то, что этот коммунистический радикализм обостряется именно тогда, когда положение крестьян улучшается, их тяготы ослабевают и община получает в свое распоряжение больше земли. Потому что там, где связанные с наделом повинности превышают доход, землевладение еще и сегодня рассматривается как обязанность, от которой каждый общинник пытается уклониться. Там же, где, наоборот, доход выше повинностей, массы настроены в пользу передела. Таким образом, массы больше всего заинтересованы в переделе, а имущие крестьяне, наоборот, не заинтересованы в областях с лучшими землями. Отмена налогов и повинностей, а также выкупной цены земли должны, таким образом (при сохранении общины), усиливать коммунистические настроения и обострять социальный конфликт. Известно, например, что немецкие крестьяне на юге России установили более строгие общинные порядки, когда правительство увеличило их земельные владения. Причины этого в высшей степени понятны. «Округление наделов» не могло иметь никакого

другого результата, кроме укрепления коммунистических настроений. Социалисты-революционеры, по-видимому, возлагают надежды именно на эту логику процесса. У них есть для этого все основания.

И тем не менее сегодня для подлинного сторонника аграрной реформы программа округления наделов представляется неизбежной. Партия конституционных демократов также включила в свою программу (пункты 36-40) соответствующие требования «Союза освобождения» и либерального «Аграрного съезда», даже с некоторыми уступками требованиям эсэров. Среди них: 1) компенсация за земли, изъятые у помещиков, должна определяться не на основе рыночной цены, а на основе «справедливой цены» (пункт 36); 2) законодательная гарантия возобновления аренды, компенсация (при известных условиях) за мелиоративные работы и судебная инстанция (по ирландскому образцу) для снижения «несоразмерно высокой» арендной платы (пункт 39); 3) аграрная инспекция для контроля за внедрением в сельское хозяйство трудового законодательства. Принципы передачи крестьянам изъятой у прежних собственников земли (в личную или общинную собственность или владение) должны «учитывать местные особенности землевладения и землепользования».

Одним словом, если реформа, предлагаемая буржуазными демократами, будет проведена в жизнь, то среди крестьян значительно усилятся аграрно-коммунистические и социал-революционные настроения, которые и сегодня уже так сильны, что по меньшей мере крестьянскую массу не удастся склонить на сторону индивидуалистической аграрной программы в духе той, которую в свое время предлагал П. Струве. Русская ситуация своеобраз-

разна тем, что в России по мере «капиталистического» развития, повышения стоимости земли и ее продукта наряду с формированием промышленного пролетариата и распространением настроений «современного» социализма будут распространяться и настроения «архаичного» аграрного коммунизма. Отнюдь не ясно также, в каком направлении пойдет в России «духовное развитие».

Дух народничества, все еще присущий всем оттенкам «интеллигенции» всех классов общества и политическим программам, когда-нибудь будет преодолен. Но возникает вопрос: а что придет на его место? Такому трезвому пониманию вещей, который свойствен социал-реформистскому либерализму, будет нелегко без тяжелой борьбы наложить узду на широкую русскую натуру. Потому что романтический радикализм социалистически-революционной интеллигенции имеет еще одну сторону: по характеру он близок, несмотря на протесты своих представителей, к «государственному социализму», и от него лежит очень короткий путь в авторитарно-реакционный лагерь. Быстрое превращение крайне радикальных студентов в крайне «авторитарных» чиновников, как сообщают нам главным образом нерусские, но добросовестные наблюдатели, не обязательно объясняется (если действительно имеет место) их личными врожденными свойствами и низким стремлением заработать себе на кусок хлеба. Не случайно имеет место и обратное превращение: убежденные, казалось бы, сторонники прагматического бюрократического рационализма в духе Плеве и Победоносцева превращаются в радикальных социалистов-революционеров. Прагматический рационализм этого направления в принципе есть как раз тот образ мышления, которому свойственно страстное стремление к «делу» в духе абсолютной социально-этической нормы. Аграрный коммунизм оказывается идеальной почвой, на которой происходит постоянное качание между идеей

«творческого акта» «сверху» и «снизу», между реакционной и революционной романтикой.

Как же поведут себя крестьяне на выборах? Конечно, крестьяне упорно сопротивляются влиянию консервативных чиновников и духовенства. Сильнее всего и легче всего это сопротивление объяснимо не в районах крайней нужды, а на юге - в казачьих областях, в Черниговской и Курской губерниях. В них, а также в некоторых областях промышленных районов, несмотря на весь контроль со стороны полиции или аппарата предводителей дворянства, крестьяне на сходах принимают самые радикальные петиции (под ними стоят тысячи подписей), требуя устранить бюрократический контроль и учредить институт выборных народных представителей. Решающий элемент этих документов не имеет, разумеется, ничего общего с идеями современного парламентаризма. Они рассчитаны на то, чтобы установить прямую связь с царем в обход бесчисленных чиновников. Иными словами, крестьяне хотят, чтобы бюрократический аппарат самодержавия был устранен, но - и тут славянофилы правы - не имеют ни малейшего желания заменить его бюрократией под контролем парламента. Антибюрократические настроения в настоящее время довольно сильны. В нескольких случаях крестьяне на сходах отвергли «лояльные» резолюции, предложенные чиновниками. В других случаях крестьяне принимали эти резолюции в присутствии чиновников, а потом отказывались от своего решения или отправляли обратно памфлеты, посланные им реакционными ассоциациями. Все же мало вероятно, что эти настроения определяют исход выборов - этого будет мало, чтобы преодолеть давление со стороны чиновников. Избирательный закон даже в версии 11 декабря предполагает исключить предвыборную агитацию. Хотя он и разрешает собраниям избирателей и выбор-

щиков «предварительные обсуждения» кандидатов в Думу без присутствия полиции, но допускает к участию в этих собраниях только тех, кто имеет право голоса, и выборщиков (вход на собрания контролирует полиция!). Удивительным образом исключение сделано только для чиновника (предводителя дворянства или его представителя), который руководит выборами, даже если он сам не избиратель и не выборщик. Сохраняется принцип выборов «из числа своих» или «из числа тех, кто уполномочен участвовать», хотя известно, что практическое применение этого принципа в Америке серьезно снизило уровень законодательных органов, что, собственно, и было целью такого регулирования. В городах все это по большей части всего лишь формальность. Но, что такой надзор за избирательными собраниями означает в сельской местности, говорят сами крестьяне, а их главное требование как раз и состоит в том, чтобы устранить надзор со стороны гражданских чиновников. Правительство, одержимое сиюминутным эффектом, таким образом, бесповоротно уступило наиболее удобный (и законный) пропагандистский аргумент радикалам. Власти, вероятнее всего, «охотятся» за консервативными крестьянскими представителями, но каждый крестьянин будет знать, что они его не представляют: ко многим причинам, по которым крестьянин ненавидит бюрократию, добавится еще одна.

Никто не может, таким образом, сказать, как поведет себя крестьянство на выборах в Думу. В общем, иностранцы предполагают, что Дума окажется крайне реакционной; русские же, несмотря ни на что, надеются на крайне революционный характер Думы, полагаясь в основном на крестьянство. Те и другие имеют основания для своих расчетов; оба прогноза имеют равные шансы оправдаться. В европейских революциях нового времени крестьянство переходило от самого крайнего радикализма к безучастности и даже прямо к политической реакции, как только его непосредственные экономические претензии были удовлетворены. На самом деле нет ника-

кого сомнения в том, что, если самодержавие решит насильственным или полунасильственным образом «заткнуть глотку» крестьянам землей или если крестьяне в условиях анархии сами возьмут землю и смогут удержать большую часть ее, интерес к форме правления у крестьян угаснет. Поэтому представители буржуазной демократии, в частности Струве, предпочли бы, чтобы реакционное правительство не смогло удовлетворить требование крестьян относительно земли. Этот вариант возможен, поскольку удовлетворение этих требований угрожало бы не только дворянству, но и великим князьям и, наконец, самому царю. Интересы крестьян несовместимы с инстинктом самосохранения этих могущественных сил. Но следует помнить, что при всех огромных размерах владений императорской семьи масштабы дворянского землевладения намного больше, и ненависть крестьян направлена в особенности против дворянства. Далее, проблема в том, какие требования крестьян и в какой мере мог бы удовлетворить сам демократический режим. Струве горячо возражает против простой конфискации земли. Однако программа конституционных демократов предлагает, что изъятая земля не должна компенсироваться по ее рыночной стоимости, а с «буржуазной» точки зрения это уже означает «конфискацию»: принцип определения стоимости земли по доходу с нее, применяемый у нас при оценке наследства, здесь опять вывернут на революционный манер. И уже предложение Чупрова заставляет князя Трубецкого опасаться, что либеральное дворянство может податься в лагерь Шипова. Так или иначе, часть дворянства, которое само по себе очень неоднородно (по словам министра образования, при Николае I «растянулось от ступеней трона до крестьянских изб»), при нынешних обстоятельствах склоняется к тому, чтобы отдать землю. «Лучше жить в усадьбе без земли, чем, как теперь, на своей земле словно в осажденной крепости», - сказал князь Долгоруков на либеральном аграрном съезде в Москве. Но съезд аграрных предприни-

мателей, собравшийся за закрытыми дверями в декабре 1905 года в Москве, потребовал безоговорочных репрессий. Как бы там ни было, для нерепрессивного правительства земля обойдется в колоссальные деньги. Есть обширные пространства для колонизации, особенно на юго-востоке и северо-востоке огромной Империи, если удастся мобилизовать серьезные средства для ирригации или расчистки лесов (в Сибири). Отмена выкупных платежей, налоговые льготы для крестьян, расходы по Цивильному листу для компенсации царской семьи, потеря ренты с удельных земель, расходы на мелиорацию - все это означает колоссальное уменьшение государственных доходов и увеличение расходов. Одним словом, бюджетная проблема не знает прецедента. Сверх всего, появление множества новых земельных собственников-крестьян само по себе не решит аграрную проблему. Более того, если это будет единственная мера, то это лишь замедлит «технический прогресс»¹. Поскольку нетрудно предвидеть глубокое разочарование среди крестьянства даже после того, как все требования крестьян будут удовлетворены, и поскольку крестьяне при нынешнем состоянии дел никак не «проводники» или «столпы», но «объект» аграрной политики, партия, решившая проводить аграрную реформу законными средствами, окажется в незавидном положении.

Путь русской социально-реформистской либеральной демократии - это путь самоотречения. У нее нет вы-

¹ Прежде всего, в областях, где выращивают зерновые на экспорт, из-за краткости вегетационного периода любая политика, ориентирующаяся на крестьян, должна учитывать производственные проблемы сельскохозяйственного предприятия. Вымирание кустаря и домашних крестьянских производств в результате развития капитализма и возрастающая потребность в денежных средствах для покрытия потребностей - и тут народники совершенно правы - представляют собой проблему самого существования крестьянского хозяйства.

бора. По моральным соображениям и поскольку старый режим ведет себя так демагогически, она может требовать только безусловного всеобщего и равного избирательного права. Но ее собственные идеи могли бы стать политически влиятельными лишь в условиях избирательной системы, подобной земской. Им приходится выступать за аграрную реформу, в результате которой возникнет экономическая практика и возобладают экономические отношения не в духе технико-экономического «прогрессивного» волюнтаристского социализма, но, в сущности, в духе архаического крестьянского коммунизма. Это приведет не к отбору наиболее продуктивных в «деловом» смысле хозяйств, а к «этическим» обусловленному равенству жизненных шансов для всех. Таким образом, развитие индивидуалистической культуры западноевропейского типа, что большинство самих демократов считает в конечном счете неизбежным, замедлится. Сытые немцы, самодовольно считающие себя «реалистическими политиками» и приходящие в смятение от одной мысли, что они могут оказаться не на стороне «победоносного дела», конечно, будут взирать свысока на такое развитие событий. Потому что, разумеется, у либерального движения попросту нет достаточно сил для борьбы, на что вновь и вновь не без злорадства указывают крайние социалисты-революционеры. В самом деле, никто не знает, что сейчас творилось бы в стране, если бы самодержавие не было запугано убийствами Плеве и великого князя Сергея Михайловича. Либералы могут лишь надеяться на то, что офицерство в конечном счете не пожелает повернуть оружие против людей, с которыми оно фактически связано семейными узами. На самом деле часто оказывается эффективной тактика, рекомендуемая либералами. В отличие от эсэров, делающих ставку в отношениях с армией на взрывчатку и вооруженное сопротивление, они предлагают мирное неповиновение. Конечно, против решительного военного руководства все это не будет так эффективно, а нынешнее восстание в Москве

будет очень благоприятно для укрепления дисциплины в армии. Есть, разумеется, еще один, специфически «буржуазный» элемент давления, но он находится не в руках самих русских либералов. Без угрозы со стороны иностранного финансового капитала - не прямой и буквальной, но угрозы по существу - Манифест 17 октября никогда не был бы обнародован или во всяком случае был бы отменен. Страх перед возмущением масс или мятежами в армии и ослабление авторитарного режима в результате поражения на востоке были бы недостаточны, если бы не сочетались с холодным и твердым давлением банков и биржи на самодержавие. С этим приходится считаться таким политикам, как Витте и Тимирязев. И когда социал-демократическое «Начало» называет графа Витте «агентом биржи», за этим примитивным ярлыком скрывается известная правда. В вопросах конституции и внутреннего управления убеждения Витте крайне неопределенны. В любом случае, он часто противоречил сам себе. У него также появилась скверная привычка: когда люди, вполне заслуживающие доверия, воспроизводят его слова, он уверяет, что его «неправильно поняли», и это касается не только конфиденциальных разговоров, но и переговоров с партийными представителями. Витте, безусловно, мыслит «экономически». Витте, например, «хватило духу» взять на себя тяжкий грех (в глазах как реакционной бюрократии, так и революционной демократии) защиты частного крестьянского землевладения. Его теперь ненавидят славянофилы, а царь терпит его только по причине его «незаменимости». Несомненно, что он настроен «капиталистически», так же, как и либералы образца Струве. В отличие от Плеве, пытавшегося править, опираясь на массы, руководимые авторитарным режимом, против «буржуазии», Витте, конечно, охотно нашел бы общий язык с имущими классами против масс. Он и, вероятно, только он способен сейчас поддержать кредит и валюту России, поскольку готов проявить к этому волю. Он, несомненно, хорошо понимает, что для этого Россия

должна превратиться в правовое общество с конституционными гарантиями. Если бы он мог, он, вероятно, принял бы необходимые внутриполитические меры, с тем чтобы не подвергать опасности дело своей жизни - превратить Россию в реальную финансовую державу. Вдобавок предполагается, что если в России установится «подлинно» либеральный режим, то укрепится союз с Францией. Однако все эти мотивы ни для Витте, ни для царя и его окружения недостаточны, чтобы, пренебрегая всем, встать на путь либерализации. И остается лишь догадываться, при какой мере напряжения они дрогнут и соблазняются на идею военной диктатуры как предшественника некоего псевдоконституционализма. В ближайшем будущем дело может принять именно такой оборот. Если хотя бы 1/10 офицерского корпуса и войск (на самом деле это скорее будут 9/10) останутся верны правительству, даже самые массовые восстания останутся бесплодными. Биржа откликнулась на первую кровь на улицах Москвы повышением курса акций, и все происшедшее с тех пор показывает, как возросла уверенность реакции в себе и как изменилось настроение Витте. Хозяйственная разруха здесь, как и повсюду, после крушения политических иллюзий приведет к тому, что воля пролетариата к борьбе угаснет. И внешнему наблюдателю кажется весьма вероятным, что к власти придет правительство, выражающее волю нейтралистского чиновничества. Ибо социальные силы, на которые режим опирался до сих пор, без сомнения и теперь лучше организованы, чем это кажется на первый взгляд. Их возрождение становится все более вероятным. Тем более что сектантский и торгашеский дух «профессиональных социалистов» - даже в условиях бандитского террора со стороны дрожащего за свою шкуру полицейского чиновничества - направляет энергию своих сторонников против конкурирующих (в борьбе за свободу) буржуазно-демократических партий. Именно на этом пути, как мы хорошо знаем в Германии, разворачивается во всей красе склонность некоторых

общественных групп к высокопарному обличительству, политически совершенно бесплодному и блокирующему всякую возможность политического воспитания. Они будут чувствовать себя триумфаторами и в том случае, если верх возьмет реакция, и в том случае, если большинство имущих перейдет в лагерь «умеренных» партий. В обоих случаях они смогут еще на протяжении целого поколения, как и у нас в Германии, отводить душу, тешась приятной мыслью: «Каких только негодников нет на свете».

» * .

Партия правового порядка предлагала Витте помощь штрейкбрехеров в случае предстоящей забастовки работников почты и телеграфа. К этим группам примкнули умеренные депутаты Думы и земцы, собственно буржуазия - банкиры и крупные промышленники, а отчасти люди, вроде Красовского, не стремившиеся поначалу к конституции, а добивавшиеся законной гарантии свободы личности и печати, не думая, впрочем, о том, как это практически возможно без конституции. Все эти группы объединяет, кроме признания Манифеста 17 октября, на который, как известно, староконсервативные чиновники ответили налетами Черной сотни, может быть даже надеясь на его отмену, откровенный религиозный индифферентизм. В остальном же наверняка только одно: все они безусловно хотят «спокойствия» и будут согласны на все, что поможет обеспечить спокойствие. Петербургский «Союз правового порядка», например, выступает за то, чтобы предоставить избирательное право евреям и тем самым «успокоить их». Петербургские цензовые избиратели после долгих дебатов высказались за автономию Польши по тем же соображениям. На других собраниях цензовых избирателей в разрез с радикальным требованием отделения Церкви от государства требовали сохранить преподавание Закона Божьего, поскольку это необходимо для поддержания порядка. И так далее. В общем

они будут довольны всеми уступками, которые царь сочтет возможным им сделать. Можно думать, что подобные настроения усиливались крестьянскими и военными бунтами, угрозой всеобщей забастовки и популярностью путчизма в среде социал-демократии. И само собой разумеется, что правительство и особенно Витте рассчитывают, что общество, напуганное анархией, в конце концов, как выразился Витте, «само запросит порядка». И тогда, добавили бы мы, освободится место для лозунга «Обогащайтесь!». К тому делу и шло. Естественно, подобное развитие событий было в ущерб конституционной земской демократии. «Эпоха земских конгрессов кончилась», - сказал князь Долгоруков, подавая в отставку. В самом деле, время «идеологического джентри» позади - материальные интересы вновь выступают на сцену и начинают играть «нормальную» роль. Из игры при этом исключаются политически настроенный идеализм (слева) и мечтающее о расширении земского самоуправления умеренное славянофильство (справа). Ни то ни другое не должно огорчать Витте. Несмотря на все это, выжидательная политика Витте, возможно, объяснялась тем, что ему приходилось обделывать чужие дела или у него просто не было возможности для чего-то другого. В глазах двора (и в большой мере на самом деле) Витте - просто человек, занимающий место, и его нельзя заменить, потому что он пользуется уважением на бирже и потому что он умен и образован. Насчет позиции, которую занимали близкие к двору элементы в правительстве, никогда не было никаких сомнений. Высшие чиновники в тех областях, где, согласно надежным и не опровергнутым сообщениям, полиция пыталась спровоцировать гражданскую войну, были в некоторых случаях, с оглядкой на границу, наказаны, но их, так сказать, «спустили по лестнице, ведущей вверх». У нас нечто похожее произошло с теми депутатами Рейхстага, которые угробили в парламенте проект Восточно-центрального канала. А граф Витте не предпринял никакой серьезной попытки (не

исключено, что у него и не было для этого возможности) как-то подавить бескомпромиссный обструкционизм провинциального чиновничества, попросту не желавшего верить в то, что конституционный режим продлится сколько-нибудь долго. Либералы видят в этом недостаток «честности»: не лишено оснований, но не вполне точно. Как говорится, «чем богаты, тем и рады» - помехи для соответствующих мер надо искать выше. Многие меры Министерства внутренних дел, о чем можно судить по газетным сообщениям, действительно ведут к тому, что массы возбуждаются, а власти опускают вожжи и ждут, когда страх перед «красным» террором достигнет того уровня, при котором созреет время для террора «белого». Не следует думать, что такая политика пронстекает исключительно из слабости и неуверенности. Существует потребность - отомстить за 17 октября. Эта политика приводила и по замыслу ее инициаторов еще приведет в долгосрочной перспективе к несомненной дискредитации всех освободительных движений, в особенности буржуазно-конституционного антицентрализаторского либерализма, чье влияние на общественное мнение и роль в органах самоуправления уже давно вызывают ненависть реакционной и рационалистской государственной бюрократии. Очевидно, что в случае временного воцарения полной анархии либерализм имеет еще меньше шансов на успех, чем в случае возрождения самодержавия, к чему, при данных обстоятельствах, приведет анархия.

Можно наверняка утверждать, что постоянная болезнь не только всех радикальных, но и любых чисто «идеологически ориентированных» политических движений состоит в исключительном умении «упускать возможности». Так, Витте в свое время отказался обсуждать частным образом с прусскими министрами «новой эры» законопроект об армии на том основании, что это не к лицу народному представителю. Так, в 1893 году либералы на какой-то час опоздали принять решение, которое они потом все равно приняли после роспуска Рейхстага.

В обоих этих случаях решалась судьба либерализма. Можно думать, что русские либералы с точки зрения их же собственной партийной политики заслуживают того же упрека - некоторые высказывания Витте прямо толкают нас к этому суждению. Так мне казалось еще осенью. Но чем больше я обдумываю положение дел, тем больше мне кажется, что либеральные политики правильнее оценивают свои возможности, что готов за ними признать граф Витте. В обоих только что приведенных примерах речь шла о сделках, «честно» предложенных либералам. А здесь даже «умереннейшему» конституционному земскому либерализму на деле не было предоставлено никакого «шанса», и совершенно очевидно, что у него не было ни малейшей возможности что-либо изменить. Так же мало мог сделать у нас в 1877 году Беннигсен, когда он отказался войти в правительство Бисмарка; у него были на это гораздо более веские причины, чем за ним признают историки. И так же, как Людовик XVI ни в коем случае не хотел быть «спасенным» Лафайетом, так и русский двор и бюрократия предпочли бы сделку с самим дьяволом союзу с земским либерализмом. Политическая неприязнь между группами одного социального слоя или между социально соперничающими «родственными» слоями оказывается часто - в субъективном плане - наиболее интенсивной.

Правительство сделало самый значительный «примирительный шаг», когда граф Витте предложил Московской управе прислать к нему на совещание представителей земской партии. Это совещание состоялось 27 октября по старому стилю при участии Головина, князя Львова и Кокошкина. Разница во взглядах сводилась к следующему. Витте хотел, чтобы вопрос о всеобщем равном и тайном избирательном праве решала Государственная дума, расширенная за счет представителей рабочих, и обещал в этом свое содействие. А делегаты земства настаивали, что единственный способ восстановить спокойствие в стране - это созвать Учредительное собрание на основе такого избирательного права. Но за этим очевидным разногласием, кроме старого недоверия земцев к

правительству, стояли и другие помехи: сперва в силе был Трепов, а позже Дурново, которого вполне уважаемые люди обвиняли в открытых письмах в газеты во взятках, «хотя и незначительных - 1200-1500 рублей», сообщая при этом подробности каждого отдельного случая¹. Кроме того, либералы требовали детализации Манифеста 17 октября в строго конституционных терминах, а ее все не было. Уверения Витте, что он чувствует «духовную близость» к конституционно-демократической партии, не могли вызвать доверия в этих обстоятельствах, в особенности потому, что все помнили его «конфиденциальную записку» 1899 года, где он говорил о несовместимости земства с самодержавием и тем самым задержал более широкое распространение земской системы. Но, прежде всего, положение России требует настоящего «государственного мужа», а амбиции династического правителя не оставляют места для крупного реформатора, даже если бы он нашелся, как всегда в подобных случаях, и в частности как у нас в Германии.

Полное впечатление, что не было ни одного момента, когда у царя появились хотя бы признаки устойчивого и искреннего понимания по отношению к тем, о ком он неизменно в течение полугода говорил в «непарламентских» выражениях. Если это обстоятельство принимать как данное, становится ясно, что Россия «не созрела» для

---

¹ Ходят и частные разговоры о совершенно конкретных случаях со ссылками на людей, заслуживающих абсолютного доверия. Дурново явно не может опровергнуть эти открыто произносимые обвинения в суде. Несмотря на все это, он был недавно награжден и продвинут по службе. Сила, но также и слабость царизма в сравнении с идеологами в том, что он - в отличие от них - может найти и должен находить «применение» такого рода «джентльменам». Царизм ни минуты не может обойтись без плебейского мошенничества таких своих клевретов, и царь должен пожимать руку таким людям, с которыми ни один независимый гражданин не будет здороваться.

настоящей конституционной реформы, но дело тут не в либералах. Приходится признать, что при таких обстоятельствах никакое взаимное «понимание» между правительством и земским либерализмом не будет иметь ни малейшего политического смысла, если оба они не имеют каких-то внешних гарантий. Представители либерализма могут только «сохранить чистоту мундира», после того как их «миссия», в том объеме и смысле, которые теперь в принципе возможны, будет выполнена. Вполне возможно, что в ближайшем будущем им придется смириться с тем, что по-своему блестящее движение земского либерализма, которым Россия может гордиться так же, как мы Франкфуртским парламентом, пока становится «достоинством истории», во всяком случае в его нынешнем виде. Возможно, что эта участь лучше, чем участь «мартовского министерства» (прусское либеральное правительство в 1848 году, пытавшееся остаться у власти за счет компромиссов. -АК). Только так сможет «идеологический» либерализм остаться на почве своих идеалов и сохранить свою потенцию от посягательства внешних сил. Именно так сможет восстановиться распавшееся в свое время единство двух интеллигенций: «буржуазной» интеллигенции, сильной своим имущественным положением, образованием и политическим опытом, и «пролетарской», хорошо чувствующей настроение масс и исполненной духом борьбы. Последней придется отказаться от недооценки того действительного значения, которое имеет столь «антипатичный» ей «буржуазный» элемент. Надо думать, что это и произойдет вследствие предстоящих ей разочарований. О разрушении народнической романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Ее место, несомненно, займет в основном марксизм. Но работу над необъятной и основополагающей аграрной проблемой не удастся осуществить только с помощью марксистских идей. Между тем именно эта работа и сможет опять сблизить разные слои «интеллигенции». Очевидно, что работу эту предстоит сделать ор-

ганам самоуправления, и уже поэтому для либерализма вопрос жизни - бороться с бюрократическим и якобинским централизмом и насаждать в массах старую индивидуалистическую идею «неотъемлемых прав человека», которые нам, западноевропейцам, кажутся чем-то вполне «тривиальным», как кусок хлеба тому, кто сыт.

Эта «естественно-правовая» аксиома не дает однозначных указаний на какую-либо конкретную социальную и экономическую программу. Не существует также неких единственных условий, благоприятных для нее. И уж во всяком случае ее совсем не безусловно предполагают «современные» экономические условия сами по себе.

Напротив, хотя борьба за «индивидуалистические» жизненные ценности должна учитывать «материальные» условия и следовать по пятам за их изменениями, «реализация» этих ценностей никак не гарантирована «экономическим развитием». Шансы на «демократию» и «индивидуализм» были бы невелики, если бы мы положились на «закономерное» действие материальных интересов. Потому что материальные интересы явно ведут общество в противоположном направлении. В американском «благожелательном феодализме», в германских так называемых «институтах благообеспечения» (Wohlfahrt - welfare - вэлфэр. - *АЛК.*), в русском фабричном уставе - везде выстраивается каркас будущих отношений крепостной зависимости. Остается лишь подождать, чтобы замедлились темпы технико-экономического «прогресса», чтобы «рента» вытеснила «прибыль», чтобы истощились ресурсы «свободных» земель и «свободных» рынков. Тогда массы станут послушными, и дворец нового рабства будет достроен. Усложнение хозяйства, расширение государственной и муниципальной компетенции, территориальное разрастание национальных популяций - все это ведет к увеличению массы канцелярской работы, появлению новых профессий и профессионального обучения в сфере управления, иными словами - новых каст. Американские рабочие, выступавшие против «Реформы граж-

данской службы», знали, что делали, - они предпочитали, чтобы ими правили выскочки с сомнительной моралью, нежели патентованные «мандарины». Но их протест обречен.

И пусть не беспокоятся те, кого терзает вечный страх, что миру грозит слишком много «демократии» и «индивидуализма» и слишком мало «авторитета», «аристократизма» и «почтения к службе»: древо демократического индивидуализма не раскинет свою крону под небеса - это уж точно. Весь наш опыт говорит о том, что история всякий раз неумолимо рождает новую «аристократию» и новый «авторитет», и к ним могут примазаться все, кто сочтет это выгодным - для себя лично или «для народа». Если дело только в «материальных» условиях и определяемых ими (прямо или косвенно) комбинациях интересов, то любой трезвый наблюдатель должен видеть: все экономические тенденции ведут к возрастанию «несвободы». Было бы совершенно смехотворно надеяться, что нынешний зрелый капитализм (этот неизбежный итог хозяйственного развития), каким он импортирован в Россию и установился в Америке, как-то сочетается с «демократией», а тем более со «свободой» (в каком бы то ни было смысле). Вопрос стоит совершенно иначе: каковы в этих условиях шансы на выживание «демократии», «свободы» и пр. в долгосрочной перспективе? Они смогут выжить лишь в том случае, если нация проявит решительную волю в своем нежелании быть стадом баранов. Мы, «индивидуалисты» и партийные сторонники «демократических» институтов, идем «против течения», против «материальных» обстоятельств. Кто хочет «идти в ногу» с тенденцией развития, должен как можно скорее отказаться от этих старомодных идеалов. Теперешняя «свобода» дала первые ростки при уникальном стечении обстоятельств и условий, и они никогда больше не повторятся. Назовем самые важные из них. Прежде всего, заморская экспансия - в кромвелевском войске, во французском Учредительном собрании, да и во всей нашей

хозяйственной жизни еще и сегодня веет этот ветер из-за морей. Но теперь уже нет незанятых частей света; огромные континентальные области - Россия и Америка - с их монотонными предрасполагающими к схематизму равнинами - становятся все более явно центрами тяжести населения в рамках западной культурной зоны, как когда-то в эпоху поздней античности. Во-вторых, своеобразие экономической структуры Западной Европы эпохи «раннего капитализма»¹. В-третьих, покорение жизни наукой, так сказать «возвращение духа в себя». Теперь рациональное оформление жизни, ведущее к уничтожению бесчисленных «ценностей», сделало свою работу: унификация внешнего стиля через «стандартизацию» продукции в нынешних условиях «экономизированной» жизни универсальна; наука же как таковая больше не способствует «универсальности личности». И наконец, в конкретных и своеобразных исторических обстоятельствах возникло особое религиозное настроение, породившее идеальные ценностные представления, которые в комбинации с бесчисленными и тоже своеобразными политическими обстоятельствами и материальными предпосылками определили «этическое своеобразие» и «культурные ценности» современного человека. Сможет ли какое-либо материальное, а тем более нынешнее «позднекапиталистическое» развитие сохранить эту своеобразную историческую атмосферу или создать ее заново? Ответ напрашивается. Нет ни тени намека на то, что во чреве экономического «обобществления» содержатся в зародыше «свободная личность» или «альтруистические идеалы». Есть ли признаки чего-нибудь подобного в идеоло-

¹ Что под этим имеется в виду, как мне кажется, в основных чертах характеризует Замбарт. Общепринятого исторического понятия на этот счет нет. Но я лишен характерного для нынешнего времени писательского тщеславия, побуждающего многих избегать чужой терминологии, как чужой зубной щетки.

гии и практике тех, кого, как им самим представляется, «материальные» тенденции ведут к победе? «Правильная» социал-демократия гонит вымученную массу на своего рода духовный парад, суля ей рай на земле вместо потустороннего рая, куда пуританин мог попасть, только сослужив в этом мире службу делу «свободы». Попутно этот земной рай оказывается чем-то вроде прививки от оспы для тех, кто заинтересован в статус-кво. Социал-демократия заставляет своих выкормышей подчиняться догмам и авторитетам, приучает их к бесплодным спектаклям массовых стачек и к бездейственному наслаждению злобной бранью своих присяжных журналистов - безвредной и даже смехотворной в глазах противника, а также к упоению «истерической аффектацией», полностью вытесняющей экономическую мысль и деятельность. На этой бесплодной почве, после того как «эсхатологический» момент движения остался позади, а поколение за поколением напрасно сжимали в карманах кулаки и рычали на небеса, не может взойти ничего, кроме уместной и духовной тупости.

А время не ждет: надо действовать «покуда еще день» (Иоанн 9:4). Если на протяжении ближайших поколений, пока еще не отжили окончательно свой век экономическая и духовная «революции», проклинаемая «анархия производства» и столь же поносимый «субъективизм», не удастся завоевать «неотчуждаемое» право человека выделиться из массы и стать свободной личностью (а только при таких условиях это возможно), то этого не удастся уже осуществить никогда - пусть мир при этом станет *хозяйственно* «завершен» и интеллектуально «насыщен». Во всяком случае, насколько нам позволяют судить наши слабые глаза, с трудом различающие сквозь непроницаемый туман контуры будущей истории человечества.

Россия теперь окончательно встала на путь европейского развития, каковы бы ни были в ближайшее время возможные тяжелые рецидивы. Властное проникновение западных идей разрушает здесь патриархальный и кон-

сервативный коммунизм, точно так же, как прибытие в Соединенные Штаты европейского, особенно восточно-европейского человеческого материала разрушает старую демократическую традицию, - в обоих случаях в союзе с силами капитализма. В некоторых отношениях, как позднее обнаружится, несмотря на все колоссальные различия в капиталистическом развитии, эти «сообщающиеся людские резервуары» вполне сопоставимы. Оба лишены «исторической» глубины. Оба «континентальны», и их горизонт открыт во все стороны. Но самое главное, что их роднит, в известном смысле это две последние возможности для возникновения спонтанной культуры свободы. «Тысячелетия пройдут, пока ты народишься, и еще тысячелетия в молчании ждут, чтобы увидеть, что ты будешь делать со своей жизнью», - эти слова Карлейля, выражающие страстную веру в человеческую индивидуальность и обращенные к каждому новому человеку, вполне приложимы к Соединенным Штатам и России в их нынешнем состоянии и к тому, что с ними будет на протяжении жизни ближайших поколений. И поэтому, несмотря на все национальные различия, включая - не будем об этом забывать - различия национальных интересов, мы смотрим с глубоким сочувствием на русскую освободительную борьбу и носителей свободы в России, независимо от того, какого они «направления» и к какому принадлежат «классу».

Их работа не останется бесплодной; об этом позаботится сама псевдоконституционная система. В самом деле, что касается негативной стороны дела, то, вероятно, надо согласиться с эволюционистами. Согласно их логике русское самодержавие, в том виде, в каком оно сохранилось до сих пор, то есть в виде централизованной полицейской бюрократии, как раз теперь, когда оно побеждает ненавистного врага, по всем очевидным признакам не имеет никакого другого выбора, кроме как рыть самому себе могилу. Так называемый «просвещенный» деспотизм

противоречил бы интересам своего же самосохранения. И все же, чтобы сохранить столь необходимый ему престиж, самодержавию приходится браться с теми экономическими силами, которые в русских условиях оказываются носителями неудержимого «просвещения» и «разложения системы». Струве и другие, очевидно, правы: пытаюсь решить любую серьезную общественную проблему, самодержавие при этом смертельно ранит само себя.

Пока эти строки набираются, они несомненно уже устареют. Никто сегодня не знает, какие надежды либералов на реформу, освобождающую общество от пут бюрократического централизма, осуществляются, а какие, наоборот, рассеются, как мираж. Крушение надежд не обязательно будет означать неприкрытую реставрацию. Можно быть более или менее уверенным, что будет принято некое подобие «конституции», а вместе с ней появится больше свободы для прессы и личности. Поэтому даже самые решительные приверженцы старого режима отдают себе отчет, что если бюрократия задринивает все окна и двери, то в конце концов она сама принуждена двигаться наощупь в потемках. В то же время бюрократия, обращаясь к чужому опыту (например, германскому), может надеяться, что псевдоконституционализм в комбинации с какой-либо экономически ориентированной «политикой консолидации» (Sammlungspolitik) окажется более эффективным средством, чем неповоротливое самодержавие. Некоторое увеличение свободы передвижения в стране окажется неизбежным. После царства полного произвола, сумевшего разъярить известных своим послушанием мирных обывателей до такой степени, что они вышли на улицу и стреляли не в каких-нибудь «сильных мира сего», а в ничтожных злополучных полицейских, это может показаться не так уж мало. Но типичные и собственные элементы социально-реформистской буржуазной интеллигенции окажутся практически эли-

минированы как в плане программы, так и в плане личного участия в политике. В этом отношении бюрократия самодержавного режима и на этот раз, скорее всего, пожнет плоды своей долголетней демагогической политики: с одной стороны, поощрять капитализм, а с другой - сдерживать любое развитие буржуазной самостоятельности, в то же время натравливая общественные классы друг на друга. Конституционная и антицентралистская реформа, рассчитанная на сравнительно долгое время и способная хотя бы кого-нибудь умиротворить, оказывается сегодня трудноосуществимой при участии либеральной интеллигенции, даже если бы у монарха нашлись желание и потребность взять на себя роль реформатора. Но, разумеется, победа бюрократии в борьбе за власть (под маской конституционализма), хотя она и кажется теперь постоянному наблюдателю вполне вероятной, не станет последним словом русской истории, так же как прусская Landratskammer (палата земельных советов) в середине прошлого века не стала последним словом в истории Германии. Выборы могут привести к сговорчивому «народному представительству» - это ничего не будет значить. Крестьянство необозримой империи будет еще больше ненавидеть чиновников, даже если в империи воцарится гробовое спокойствие. Потому что трудно будет забыть то, что произошло, - события, обещания, надежды. Любое проявление слабости этой идущей по проволоке государственной машины вновь все приведет в движение. Пугающее убожество «духа», которое обнаружил якобы «сильный» режим, несмотря на видимую утонченность техники управления, надолго останется в памяти широких масс. Но теперешняя система, исходя из соображений собственной безопасности, не может принципиально изменить и своих методов правления. И ей придется, в согласии со своей давней политической традицией, допустить действие таких политических сил, которые будут продолжать разрушать ее саму и

толкать имущие слои в лагерь ее противников. Эти традиции - дальнейшая бюрократизация правления и полицейская демагогия. Но иллюзии и ореол, которыми она была окружена и которые маскировали роковые тенденции, теперь рассеялись. После того, что произошло между царем и подданными, ей будет трудно «сохранить лицо» и вновь повести игру в прежнем духе. Слишком многие узрели ее во всей наготе. Теперь они могут, смеясь ей в лицо, повторить слова Шиллера: «Фокусник, твоим трюкам - конец».

Чтобы понять поведение российского правительства, абсолютно необходимо иметь в виду, что Россия была государством-должником. Реакционеры уверяют, что русская Конституция родилась по настоянию евреев или в результате их происков - во всяком случае, без них тут не обошлось. Это так и есть. Конечно, причастны к этому были не жители русских гетто, которых изображали злодеями, а их титулованные родичи из мира высших финансов Берлина и Парижа, которым был доверен контроль над курсом российских ценных бумаг. Это было легко заметить по тому, как живо они реагировали на победу в Москве и последовавшее за этим подавление волнений в Прибалтике и во внутренних губерниях. Манифест 17 октября должен был принести успокоение, но этого не произошло. Курс ценных бумаг продолжал падать. Кровавая трагикомедия в Москве, напротив, привела к повышению курса: обладатели российских ценных бумаг тоже хотели «порядка», и граф Витте обронил двусмысленные слова, что, дескать, император может «взять назад» свои обещания. Но этот «пробный шар» не встретил радужного приема. В начале и середине января газета «Новое время» день за днем телеграфировала из Лондона, что в банковских кругах российский кредит будет устой-

¹ Перевод по: Max Weber. Russlands Ubergang zum Scheinkonstitutionalismus. Gesammelte Politische Schriften. Tubingen, 1988. S. 69-111.

чив только в том случае, если Россия перейдет к «конституционному» правлению. И было на то похоже. Было приказано соблюдать осторожность в отношении заграницы, и реакционеры это почувствовали. 23 декабря царь - уже во второй раз - принял депутацию «Союза русского народа». Ее страстные речи против разрушения единства царя и народа, против уничтожения векового порядка и против ликвидации неограниченной власти привели было в движение жидкую кровь Николая. В нескольких фантастических выражениях он заверил депутацию, что «скоро, скоро свет правды вновь забрезжит над русской землей» и т.д. Полная радостного восторга депутация передала эти слова в январские газеты на радость и утешение всех истинно русских. Но вскоре последовало официальное извещение, что депутации придется отвечать перед судом за разглашение несанкционированных сведений, касающихся двора. Замечания Витте, что такая романтика неуместна, когда пуст кошелек, было достаточно, чтобы поднявшая слишком рано голову «Божья благодать» вновь сникла перед безличной, но неумолимой силой денежного рынка, что и было более реалистично при данных обстоятельствах. Было много признаков этого. Сочли нужным официально опровергнуть, что в еврейских погромах поздней осенью и зимой принимала участие полиция. Но этого оказалось мало. К Пасхе нужно было разместить новый крупный заем, и понадобилось драконовским методом возложить на местных чиновников личную ответственность за предотвращение погромов. Эта мера помогла, и погромов не было. С писателями вроде Горького, которых хорошо знали за границей и чье преследование могло бы вызвать неудовольствие на Западе, несмотря на их «прегрешения», обращались значительно лучше, чем с теми, кого в Европе не знали.

Так, правительству в силу финансовых обстоятельств пришлось во внутренней политике руководствоваться «двойной меркой». Сам царь никогда всерьез не думал

превратить Россию в «правовое» государство или, как было несколько наивно сказано в Октябрьском манифесте, обеспечить «действительные» гарантии личной свободы. Это как бы разумелось само собой и обнаруживалось при каждом подходящем случае. Царь понимал только интересы полиции. Это вполне совпадало с интересами полицейской бюрократии старого стиля. Кроме того, безжалостные репрессии могли убедить биржу, что власть в стране достаточно «сильна». С другой стороны, бесконечные и безуспешные поездки финансовых чиновников за границу явно имели целью убедить банкиров, что Дума действительно будет выбрана и созвана; только в этом случае можно было думать о размещении действительно солидного займа. Так или иначе, было необходимо, хотя бы ради формального исполнения обещаний, данных 17 октября, разработать проект конституции настолько, чтобы у зарубежной публики, чье мнение было существенно для банкиров, по крайней мере возникло бы впечатление, что в России есть «конституционные» гарантии. Нужно было попытаться примирить внутреннюю «буржуазию» с интересами правительства, найти политические партии, готовые представлять интересы правительства в Думе, и добиться их победы на выборах. Но это было не так просто. Потому что среди самой бюрократии, вплоть до Государственного совета и Совета министров, а также в армии среди нижних и даже высших чинов находились убежденные сторонники либеральной перестройки государственной системы, а опыт демагогического правления Плеве породил недовольство и недоверие в «буржуазных» кругах. Оставалось лишь надеяться - и на этом стоял Витте, - что красная угроза всеобщей забастовки, восстаний и крестьянской войны может устранить все сомнения.

Внутри бюрократии и армии, по крайней мере на верхних уровнях, должны были медленно, но верно отделяться зерна от плевел, после того как позиция царя

окончательно прояснилась бы. Из правительства ушли демократически настроенный министр сельского хозяйства Кутлер и беспартийный министр торговли Тимирязев. В правительстве господствовал Дурново, после декабрьского восстания доверенное *лицо* царя. Он лично руководил репрессивной политикой. Его задача облегчалась тем, что большинство губернаторов практиковали репрессии по собственному почину, правильно понимая, что они тем больше угодят царю, чем больше отличатся на этом поприще. Закон для них был не писан. Сенатор Кузьминский, расследовавший активность таких чиновников, как Найхардт (Одесса) и Курлов (Минск), постановил, что они за свои действия должны быть наказаны. Но под давлением Дурново Первый департамент Сената постановил, что действия этих чиновников «отвечали намерениям правительства». Ревностные губернаторы не реагировали даже на предостережения или прямые запреты, исходящие от министров, в особенности от Витте, а в отдельных случаях от самого Дурново. После одного из таких случаев один из министров говорил в Совете министров чуть ли не извиняющимся тоном, губернатор, очевидно, полагает, что он обязан подчиняться только Совету министров в целом, но ни в коем случае не отдельным министрам. На местах установился административный произвол; страна распалась на региональные сатрапии. Согласно одному сообщению в прессе - не очень правдоподобному в деталях - Витте на заседании кабинета настаивал на смягчении политики репрессий и требовал установить контроль над произволом. Дурново сказал на это, что пришло время Витте уйти. Засим последовало гробовое молчание всего остального кабинета. Через несколько дней они, однако, пришли к некоторому соглашению. Но на самом деле для Витте это было лишь новым унижением: он оставался формально главой кабинета в том смысле, что распоряжения по департаментам исходили от него, но, как он однажды заметил, вся власть

была у Дурново - если бы тот захотел его (Витте) повесить, он мог бы сделать это в любую минуту. Реорганизация полиции (мы не вдаемся здесь в подробности), чистка среди работников почт, телеграфа и железных дорог¹ при одновременном весьма значительном увеличении жалования были первыми шагами вновь обретшей силу бюрократии.

* * *

Попытки прекратить убийства и в особенности бомбовый терроризм не удались, но и террористические акты не смягчили власть и не заставили ее отказаться от практики насилия; в результате ситуация выродилась в хроническую гражданскую войну, принявшую худшие формы - обе стороны не знали пощады, и гибли прежде всего невинные люди. От каждого взрыва погибали помимо намеченной жертвы совершенно непричастные люди. А войска, если они несли урон или случайно оказывались поблизости, на каждый взрыв или выстрел открывали стрельбу залпами по прохожим. Только во время выборов на пасхальной неделе, когда впереди забрезжила возможность займа и когда в тюрьмах обнаружилась нехватка места, начали выпускать массами на свободу людей, содержавшихся в заключении по 4-5 месяцев без предъявления обвинения. Этим хотели произвести хорошее впечатление. Непреклонная твердость заключенных снова и снова приводила к тому, что тюремные власти проявляли уступчивость и шли на соглашения с комитетами заключенных относительно разного рода послаблений режима.

¹ Для них по знаменитому образцу вводилась подписка о неучастии в каких бы то ни было организациях, не одобренных властями.

Наряду с варварски дикими и на самом деле безуспешными попытками прекратить крамолу в интересах самосохранения и восстановления репутации у кредиторов предпринимались и шаги к тому, чтобы создать за границей впечатление, будто Манифест 17 октября проводится в жизнь, и вместе с тем не пошатнуть серьезно весилие бюрократии. Манифест обещал: 1) действительную неприкосновенность личности, свободу совести, слова, объединений и собраний; 2) расширение избирательного права, о чем мы будем говорить позже; 3) принятие основного закона, согласно которому ни один закон не входит в силу без одобрения Думы, и «эффективное» участие Думы в контроле над законностью действий государственной власти.

* * *

Итак, все материалы, приведенные нами выше, указывают на то, что мера «свобод», действительно юридически обеспеченных к открытию Думы, была уже обеспечена старым режимом при министерстве Витте. Это было сделано из страха перед общественным мнением и в попытке восстановить утраченный в войне престиж. Надеялись также перетянуть собственников на сторону бюрократии, но так, чтобы в будущем она не утратила своей неограниченной власти. После того как Октябрьский манифест создал законодательную власть, ничего нового в духе обещанного переходное министерство больше не сделало. Формально разрешенный «явочный порядок» с помощью всех мыслимых юридических трюков пытаются подменить административным произволом. Это касается процедуры учреждения печатных изданий и союзов, проведения собраний, а также свободного выбора профессии. И прежде всего ничего не было сделано, чтобы устранить совершенно разнузданный, никаким правом не ограниченный произвол в отношении гражданской

личности. Вот характерное совпадение. Дума сотрясаясь от гнева во время дебатов по поводу обращения к ней царя и обсуждала требование амнистии всем так называемым политическим заключенным, а тюремные власти не могли пресечь манифестации и остановить приветственные телеграммы арестантов в адрес Думы. Но буквально в тот же день в газетах появилось сухое сообщение, что из петербургской тюрьмы «готовятся к отправке» 240 человек в административную ссылку, без суда и следствия. Что это все значит? Машина продолжает работать, как если бы ничего не случилось. И тем не менее многое произошло, и пути обратно нет. Официально даруются свободы, а затем, когда ими хотят воспользоваться, оказывается, что эти свободы - иллюзия. Эта неискренность должна неизбежно приводить к повторяющимся конфликтам и возбуждать угрюмую ненависть, создавая ситуацию, бесконечно более опасную, чем унижительные, но открытые репрессии в прошлом. Именно это, похоже, и происходит с «конституцией», которую, хотя и в двусмысленных выражениях, обещал Манифест 17 октября. Прежде чем мы займемся тем, что бюрократия сделала с этим обещанием, вспомним, что главный представитель бюрократического рационализма Витте вместе с двусмысленным конституционным Манифестом, дававшим неопределенные обещания, навязал царю немедленно вступившие в силу изменения в рабочем механизме так называемого «самодержавия», в результате чего навсегда изменилась сама его сущность.

Русской государственной системе вплоть до октября 1905 года были свойственны два абсолютно очевидных «зияния»: царские распоряжения не были скреплены министерством и не было кабинета министров в европейском смысле. Императорские законы, указы, распоряжения до введения основных законов от 23 апреля 1906 года, требующих «скрепления», подписывались лично императором либо имели пометку на оригинале собствен-

ной рукой Его Величества «быть по сему». Подробные министерские доклады, содержащие одновременно анализ и распоряжения, имели в конце примечание, что они получили высочайшее одобрение. Система рассмотрения законодательных распоряжений была примерно такой же, как при прусском дворе в начале XIX века. Этому должен был когда-то прийти конец. Но конца не было и не было. Первый после начала работы Думы санкционированный указ (от 8 июня о продлении осадного положения в Москве) не имел контрасигнации. На жалобы прессы последовало коммюнике в «Правительственном вестнике» (17 июня). Оно напоминало, что Сенат, который уже при старом режиме должен был заверять аутентичность распоряжений перед публикацией, делал то же самое относительно «скрепления» документа (нечто среднее между «утверждением» и «заверением»). Итак, все же было своего рода скрепление, хотя и не открытое, чтобы избежать всякого сходства с Западом. Сверх этого, «законы» подлежали «скреплению» не министерством, но «государственным секретарем», потому что после прохождения через обе палаты председатель Государственного совета представлял их прямо на рассмотрение царю (статья 65 Уложения о Государственном совете от 24 апреля 1906 года). Стало быть, и в этом случае вмешательство «ответственных» министров было формально исключено. Таким образом, совершенно очевидно, речь идет об отступлении от духа указа от 21 октября 1905 года.

Однако, несмотря на все маленькие хитрости, этот указ создал новую ситуацию, откуда уже нет дороги назад. С ним уже до «конституции» порядок принятия законов по крайней мере начал меняться, а порядок взаимодействия высших государственных органов на самом деле уже был существенно изменен. Еще больше, чем создание Думы, и даже больше, чем обещание не принимать законов без ее участия, славянофилов консервативного направления возмутило преобразование «совета министров»

указом от 21 октября 1905 года, поскольку оно приближало его к «кабинету» во главе с премьер-министром. До сего времени рядом с Государственным советом, состоящим из назначаемых пожизненно отставных служащих, часто очень старых и наполовину выживших из ума, существовали два института: комитет министров и совет министров. Первый состоял не только из министров, но и из других служащих. Пост председателя этого комитета был sinecurой; председатель даже не имел до последнего времени собственной канцелярии и не нуждался в ней. Он занимался не делами высокой политики, а, наоборот, улаживал текущие междепартаментские дела и рассматривал особые дела, например учреждение акционерных обществ. Совет же министров, согласно прусской терминологии, был коронным советом. Его возглавлял сам монарх, а в его отсутствие старший из министров. Он созывался приказом царя и обсуждал изменения в законах и важные политические решения, а также принимал резолюции по докладом «специальных комиссий», которые он так любил учреждать. Бывало, что эти «комиссии» обсуждали конкретные проблемы большого политического значения, а иной раз они собирались в тех случаях, когда этого просто хотел монарх. Совет министров состоял из начальников департаментов и людей, которых монарх назначал по собственному выбору, при участии секретарей Государственного совета. Не было ни премьер-министра, который мог бы контролировать доклады своих коллег государю, ни регулярных министерских консультаций по образцу, скажем, прусской практики. Помимо воли царя, вся междепартаментская жизнь зависела исключительно от настроения начальников и связей между ними.

Не будет преувеличением сказать, что страна была поделена на департаментские сатрапии. Оспаривая друг у друга сферы влияния, департаменты фактически находились в состоянии войны друг с другом и жили в атмосфе-

ре постоянных административных интриг. Перепадки между могущественными чиновниками порождали необъятную - на сотнях страниц - переписку. Эту переписку от имени нападающих и защищавшихся департаментов часто вели обученные в Германии ученые-эксперты, изучавшие для этого в поте лица всю мыслимую российскую и иностранную литературу по государственному праву, экономике и истории. Если иметь ключ к этой переписке, то она может оказаться пусть и не увлекательным, но вполне поучительным чтением. Удастся ли при такой системе обеспечить интересы страны? Знатoki, как русские, так и иностранные, нередко отвечают, что удается. Продажность и халатность русских чиновников при этом расцениваются как положительный элемент системы. Основания для этого таковы: если бы кто-то решил обратиться к 16-томному «Своду законов» за рецептами управления, то он немедленно понял бы, что эту беспорядочную груду статей невозможно считать эффективным правовым источником. Их соблюдение сделало бы немыслимой не только жизнь «современного» человека. Подобно тому, как это происходит с технической обструкцией на итальянских железных дорогах, вся система была бы приведена к полному абсурду. Во всяком случае, хотя бы только в интересах свободы индивидуальной деятельности (повторим это вместе с Леруа-Болье), как ее понимают в «буржуазных» кругах, любой самый грязный способ ускользнуть из сетей кошмарного бюрократического рационализма выглядел как нечто необходимое для защиты человеческого достоинства подданных. Не случайно чиновниками, вызывавшими столь страстную ненависть, были «педантичные» немцы, честно верившие в «святость» правил, установленных «системой», или неподкупные централисты-рационалисты вроде внушительной фигуры Плеве. Старая патриархальная система самодержавия могла функционировать только при од-

ном условии: те, кому надлежало править, должны были «править» спустя рукава.

Указ от 21 октября 1905 года означал просто исчезновение последних элементов самодержавия в старом смысле и установление власти модернизированной бюрократии. Между монархом и департаментскими начальниками теперь находится Совет министров во главе с председателем, который сам может быть министром, хотя и без портфеля (§ 3). Монарх уже не может привлекать *ad hoc* к участию в заседании Совета никого, даже Секретаря Государственного совета; только председатель Совета министров может приглашать на заседания сведущих лиц с правом совещательного голоса (§ 9). Монарх может председательствовать на заседаниях Совета министров, но только в порядке исключения (§ 5). Только Премьер-министр докладывает царю дела, требующие высочайшего утверждения (§ 7), а также те дела, по которым Совет министров не пришел к единодушному мнению (§ 16). Он имеет право требовать от всех департаментских начальников разъяснений и докладов всякий раз, когда ему это кажется необходимым, а все доклады, приготовленные департаментскими начальниками для монарха, должны сперва поступать на его рассмотрение (§ 17); он также имеет право присутствовать на докладе. И он должен выступать вместе с департаментским начальником в Государственном совете и в Думе. У него право входить в Совет министров с делами наряду с министрами, в чью компетенцию эти дела входят (§ 11). Все дела, поступающие в Государственный совет и в Думу, должны вноситься на рассмотрение Совета министров (§ 12), и ни один департаментский начальник не может решить ни одно дело «общего значения» помимо Совета министров (§ 13); исключения составляют лишь дела, касающиеся императорского двора, уделных земель, обороны и внешней политики, когда департаментский начальник решает, в каких случаях необходимо обращаться к председателю

Совета министров (§ 14). Назначения на высшие должности в центральной и провинциальной администрации должны проходить через Совет министров. Из этого порядка исключались опять-таки императорский двор, удельные земли, армия, флот и дипломатический корпус. Прежний комитет министров мало-помалу терял свои функции, а с созывом Думы полностью утратил свою компетенцию.

Совершенно ясно, что здесь происходит, - бюрократическая рационализация самодержавия во всей внутренней политике, теперь она оказывается сферой специалиста, а это означает при недостатке независимости у власти исключительное господство бюрократии. Автократ-самодержец (даже если он не такое ничтожество, как нынешний царь) получает все внутривластные проблемы на рассмотрение только после того, как их «разжевали» премьер-министр и Совет министров. В этом последнем консолидированы интересы бюрократии. Пользуясь французским парламентским жаргоном, можно сказать, что он похож на игрока в кегли; он может, когда захочет, сыграть «все девять», но зато ему потом придется взять на себя роль мальчика, подбирающего кегли. В роли премьер-министра Витте предложил либеральным политикам войти в «его» кабинет, и это было вполне в европейском духе. Предложение было решительно отклонено, но кабинет министров был сформирован заново. Поскольку Государственный совет (вспомним и о нем) не преобразован в парламентарный институт и поэтому не способен к более доверительному консультированию царя, только Совет министров остается его (царя) «прикрытием», по выражению Бисмарка. Все это означало, что монарх оказывается беззащитным против бюрократии, хотя в отдельных случаях он может вмешаться и принять какое-либо азартное решение вразрез с Советом, что в конечном счете может даже иметь серьезные политические последствия. Но в принципе царь исклю-

чен из служебной процедуры, и, по самому ее существу, его вмешательство было обречено на бессистемность. С другой стороны, и при таком порядке «машина продолжает работать, не уставая». В то же время война между департаментскими сатрапиями благоприятна для вмешательства царя. Но и тут его возможности ограничены лишь правом вето в делах, входивших в компетенцию Совета. В тех же случаях, когда царь создавал свое личное «параллельное» правительство (это бывает как будто бы и сейчас) из великих князей или других приближенных, его воздействие на большую политику оказывается опосредовано интересами разных клик или случайными обстоятельствами. Но при системе псевдоконституционализма монопольное положение Совета укрепляется неимоверно, — министры могут вертеть как хотят призрачным парламентом, созданным их же машиной управления и лишенным того влияния, которое он мог бы иметь, если бы был обеспечен правом. Совершенно иначе обстояло бы дело, как ни странно это может показаться, при юридически полном осуществлении «конституционной» системы. Именно в этом случае монарху было бы обеспечено фактическое господство над бюрократией. Потому что в таких условиях бюрократия — в определенных случаях — может рассчитывать на монарха в противостоянии парламенту, имея с ним общность интересов (Interessengemeinschaft). (Скруплезно следуя курсиву Вебера, это место следует понимать так: в первом случае мы имеем синкретизм монарха и бюрократии, а во втором случае возможны их политические альянсы *ad hoc*, что, как, вероятно, думает Вебер, предпочтительнее с точки зрения эффективности политического процесса. — АК.)

Такое положение вещей, когда все «находится в движении», трудно уложить в общую формулу. Но именно благодаря «подвижности» этой трудноопределимой системы позиции строго конституционного монарха при

ней часто оказываются сильнее (Пруссия, Баден). Да, чисто парламентарное «царство влияния» (Kingdom of influence) может вследствие своей самоограниченности обеспечить определенную меру позитивной систематической работы на пользу стране, чего не удастся достигнуть в «царстве прерогативы» (Kingdom of prerogative). Правовое же признание прерогатив Короны, наоборот, поощряет суетливое тщеславие или неумеренное самомнение монарха, его амбиции. А реальность современной жизни не допускает дилетантизма властителя, столь характерного, например, для эпохи Ренессанса. Что бы ни случилось теперь с «конституцией», царизму предстоит решать свою дальнейшую судьбу.

В этих условиях интересно предложение Шипова (апрель 1906 года). Оно имеет славянофильские корни. Шипов предлагает, чтобы Государственный совет состоял исключительно из представителей земств и других подобных корпораций. В отличие от нынешних скороспелых новшеств, идея Шипова в том, что Совет должен быть только совещательным органом при царе. Он должен быть независим от Думы, которой надлежит заниматься только законодательством. Теоретически это предложение покоится на отчасти верной мысли: Совет, как он задуман в законе от 20 февраля 1906 года, становится только тормозом для Думы и служит лишь интересам бюрократии, которая в силу того же закона располагает в Государственном совете абсолютным большинством. Царь же в этом органе, работающем и принимающем решения по парламентскому образцу, не имеет опоры. Поэтому чисто совещательный, не слишком большой орган, работающий в непосредственном контакте с царем, мог бы — так полагает эта теория — оказаться не только более влиятельным в смысле «позитивной работы» (с точки зрения представленных в нем кругов), но и более сильным инструментом в руках царя, умеющего им пользоваться, против бюрократии. Слабая сторона этой идеи в том, что ор-

гану, состоящему из 60-80 человек, будет определено не хватать «интимности».

Порядок, созданный указом от 21 октября, оказался роковым для власти Витте над бюрократией. Сделать значительным пост премьер-министра, который он себе создал, Витте не удалось, так же как у нас это произошло с Миквелем. Оба случая показывают, что даже такие блестящие умы и честолюбцы (каковыми были оба государственных мужа), лишенные, однако, того, что мы называем «политическим характером», оказываются вынуждены ради портфеля пожертвовать всем и в конце концов бесславно удалиться. После того как Витте с точки зрения биржи достаточно долго занимал свое место и после того как заем был получен, Витте исчез. Ему даже не удалось утвердить систему государственного кредита в том виде, какой он ей, несомненно, хотел придать. Он еще мог показать себя в январе, выступив против насквозь коррумпированного Дурново. Вместо этого он присоединился к Дурново, обрек себя, таким образом, на ненависть и презрение «общества», не завоевав при этом доверия царя. Так он потерял свой шанс стать «спасителем» (или, во всяком случае, крайне затруднил себе выполнение этой задачи). Но речь здесь, собственно, не о самом Витте. Несомненно, что по мере рационализации бюрократической машины и ее распространения вниз все славянофильские идеалы также подрубались под корень.

При этом, конечно, война «общества» с бюрократией не прекращалась. «Новое время» было единственным (насколько мне известно) изданием, пытавшимся уговорить графа Витте остаться: дескать, noblesse (!) oblige - трудно было выразиться более подходящим случаем (скорее всего, ирония. -ЛК.) образом. Точно также крупный капитал и банки были единственной стороной, помимо самого чиновничества, кто был заинтересован в господстве бюрократии под прикрытием псевдоконституционализма,

при условии, что им дадут возможность бесконтрольно делать деньги и ликвидируют «зубатовщину»¹. Однако бюрократия (и мы еще к этому вернемся) попала в сети собственных избирательных законов и не смогла помочь своим любимцам. Партия «торговли и промышленности», выражавшая классовые интересы буржуазии в самом строгом смысле слова, провела в Думу только одного депутата. Все остальное общество, независимо от партийных симпатий, было единодушно против превращения самодержавия в современную рациональную бюрократию. Страх перед «красным» террором на время объединил имущие классы, но даже он, как мы скоро убедимся (и это самое интересное в ситуации, возникшей во времени Переходного правительства), не в состоянии заставить российское общество пойти на поклон к «просвещенному», то есть бюрократически рационализированному, абсолютизму канцелярии, этому порождению современной бюрократической системы. Пропасть в обществе становится еще шире. Так что после окончательного крушения патриархального идеала славянофильской теории государства правовое ограничение бюрократии становится возможным лишь ценой хронической гражданской войны. Мы уже видели, что Переходное правительство не могло обеспечить даже видимости «спокойствия».

¹ Крупные капиталисты, конечно, всегда будут против Думы вместе с бюрократией; они пожертвуют при этом всеми своими формальными правами. У нас в Германии, например, перед заседаниями Союза социальной политики (осень 1905 года) некоторые представители картелей поистине восхитительным образом заклинали «государство», что оно должно действовать с ними совместно во имя единых интересов, «воспитывать» (sic!) их и т.п., отлично понимая, что в этих взаимных объятиях они будут в роли Брунгильды, а государству, если оно будет слишком важничать, уготована роль короля Гунтера.

Не только «демократы», но и умеренные славянофилы (как Шипов) считали, что духу Манифеста 17 октября был нанесен ущерб, когда Государственный совет, до сих пор бывший чисто совещательным органом, получил такие же права, как Дума. Хотя в Государственный совет вошли представители дворянства, духовенства, земств, университетов, промышленных и ремесленных корпораций, император мог назначать равное число членов Совета по своему усмотрению, а назначаемый им же председатель Совета имел право решающего голоса. Члены Государственного совета могли уйти в отставку только по собственному желанию. Выдвижение «пэров» через изъятые из компетенции Думы министерства было невозможно. Это означало, что назначаемая бюрократия в Государственном совете может блокировать любое изменение в законодательстве. Все полномочия Думы при ближайшем рассмотрении оказываются умеренной модификацией закона от 6 августа, а именно: Дума, как и Государственный совет, получала право налагать вето на законы, принимаемые навсегда. Вся система отношений между правительством и народным представительством строилась на аксиоматическом предположении, что народное представительство - естественный враг государственной власти и всегда им останется. Тут обнаруживается мировоззрение, в котором часто упрекают демократов (например, в Германии): они, дескать, не могут воспринимать правительство иначе как врага народа.

Кодификация карикатуры на все еще такой влиятельный образ мыслей, как конституционализм, в долгосрочной перспективе может дать результаты, сильно от-

личающиеся от тех, на которые рассчитывают кодификаторы. С крестьянской хитростью и монгольским коварством изыскивает бюрократия, столь изощренная в каждом отдельном случае и столь бесконечно глупая политически, юридические петли, с помощью которых она могла бы поймать в сеть и заковать в цепи парламент. Но точно так же, как «лицемерие - это уступка порока добродетели», кодификация псевдоконституционализма - это унижительная дань, которую автократия платит конституционализму. Идея конституционализма от этого не пострадает, а авторитету Короны наносится ущерб. Корона на глазах у всех согласилась пойти на уступки системе, оскорбляющей ее достоинство и честолюбие. Лучше бы она честно и открыто попробовала бы настоящей конституции. Если бы эта «проба» действительно (как нам угрожают) привела бы общество в царство болтовни, упущенных возможностей и прикрытого псевдопарламентом господства клика, то Корона, сохранившая, несмотря ни на что, в сознании масс ореол святости и имевшая на своей стороне, помимо штыков, могущество «идеальных» сил (пусть и иллюзорное), могла бы перешагнуть через право и объявить «пробу» неудавшейся. В этом случае ее престиж вырос бы за счет престижа ее противников. Теперь же, когда парламент опутан колючей проволокой юридических ухищрений, дело обстоит совершенно иначе. Теперь уже парламент имеет возможность внушать массам, что попытка править вместе с Короной «не удастся». И если Думу разгонят и силой и обманом навяжут стране «палату земельных советов» (прусский термин *Landratskammer*. - АК), то пострадает «идея» царизма.

Булыгинский избирательный проект (от 6 августа 1905 года) предполагает в дополнение к земскому выборному представительству создать довольно сложную

систему представительства классов и сословий. В каждом избирательном округе (обычно он совпадает с губернией) есть параллельные системы выдвижения сословных представителей. Отдельно собираются представители землевладельцев; крупные помещики являются лично, а мелкие помещики (с нижним земельным цензом в 1/10 крупного поместья) посылают уполномоченных. В городах собираются представители домовладельцев и владельцев разного рода «движимого имущества»: торгового и промышленного капитала или иной «движимости», чья состоятельность выражается, например, в особо ценных жилищах. Третью избирательную курию составляют крестьяне в сословном смысле, то есть занесенные как «крестьяне» в налоговые списки. Таким образом, при выборах депутатов «крестьяне» оказывались в привилегированном положении: в каждом округе они выбирали депутата из своей среды, а помимо этого они еще выбирали выборщиков вместе с остальными классами. Для городских и сельских цензовых классов ценз был рассчитан так, чтобы ему (выраженному величиной налога или земельной площади) соответствовали те, кто владел имуществом в 30-50 тысяч рублей или получал бы доход минимум 3 тысячи. Удовлетворяющие этому требованию располагали голосом для выборов выборщиков. Мелкие собственники в сельской местности (только там), как уже говорилось, имели право выбирать в своей курии. Булыгинский проект фактически исключает из выборов пролетариат (не сельскохозяйственный) и «низ» средних слоев (ремесленников, рядовых чиновников), но прежде всего не обладающую никакой собственностью интеллигенцию. Интеллигенция также страдает больше всех из-за специальных мер против популярных «лидеров»: к выборам допускались только местные кандидаты, запрещалось выставлять одну кандидатуру в двух округах и т.п. Таким образом пытались объединить земельных собственников и крестьян, которых считали «авторитарно»

настроенными, для защиты интересов бюрократии. Выборщики, представлявшие «движимую» собственность, оказались объединены с двумя другими классами, и лишь несколько больших городов стали самостоятельными избирательными округами. Таким образом, власть должны были бы поделить крупные помещики и крестьяне, и теплое место в Думе получили бы «буржуазия» в специфическом смысле слова, а также городские аграрии-домовладельцы.

Манифест 17 октября обещал расширение избирательного права как раз в пользу тех классов, которые ущемляла эта система, и, казалось, сорвал все [эти] ухищрения. Бюрократия, однако, с большим искусством выискивала возможности обезвредить широкое избирательное право, которое ей пришлось допустить. Она пустила поток новых избирателей по одному каналу: резко возросло их число в разряде владельцев «движимости», то есть классе, численно ничтожном рядом с сельскими землевладельцами и крестьянами. В этой категории избирателей стало в 20 раз больше, тогда как число выдвигаемых ими выборщиков осталось прежним.

* * *

Если бы осенью 1904 года, перед падением Порт-Артура, или вместо «рескрипта» от 18 февраля 1905 года, очень неопределенного и вырванного почти силой, царь октроировал бы «конституцию» с цензовым и сословным (Klassen) избирательным правом и вслед за этим немедленно был бы создан представительный орган, то вполне вероятным результатом была бы «благодарная» буржуазная дума, готовая к далеко идущему сотрудничеству. Из-за династического тщеславия и интересов бюрократии этот момент был упущен. Если бы, по крайней мере, выборы в цензовую Думу по булыгинскому проекту были назначены на начало августа и было бы объявлено, когда Дума

соберется, то все же был бы возможен парламент, с которым Витте, еще окруженный ореолом, мог бы править страной. Этого не произошло; произошла, наоборот, октябрьская стачка, и после Манифеста 17 октября - очевидного и болезненного поражения царя - полное преимущество перешло на сторону демократических сил. С эгонстической точки зрения бюрократии выжидание было «тактически правильным», поскольку она хотела именно псевдоконституции, а не «честной» конституционной политики. Но после декабрьских событий и крестьянских беспорядков ситуация изменилась. Если бы тогда, в конце декабря, уже располагая избирательным законом и избирательными списками и имея основание рассчитывать на «имущие» круги, [власти] провели бы выборы, то весьма вероятно, что их результаты были бы намного благоприятнее, чем два месяца спустя. Но опять колебались, надеясь, что хотя вино и налито, пить его, возможно, даст бог, не придется. Тут подоспела и техническая сторона выборов, и важнейшие выборы вновь оказались отсрочены на несколько месяцев. Это межвременье поставило крест на всем, что надеялись осуществить с помощью законодательства.

Если законодатели рассчитывали уменьшить значение предвыборной агитации или партийности в этих выборах, то, несмотря на безрассудный отказ от участия в выборах крайне левых, они должны быть разочарованы. Партийная дисциплина в этой кампании имела большое значение. Да и агитация вследствие чрезвычайно запутанной избирательной системы и потому очень длительной кампании в конце концов достигла предельного накала. Разумеется, там, где она не была полностью подавлена, что, впрочем, оказалось не так легко сделать, как можно было бы думать. На самом деле русская ситуация оказалась теперь необычной в силу того, что все экономические и государственно-технические элементы западноевропейской «цивилизации» неожиданно и неопо-

средованно вошли в общество, оставшееся до сих пор (за исключением его верхнего слоя) вполне архаичным. Но еще больше было запрещенных собраний (по данным местных властей), а также вечеринок, вечерних докладов и лекционных циклов, на которые не удалось получить разрешение. Речь идет в основном об активности левых партий, но это касается и партий центра. А партийной пропаганде запрещенные события были еще больше на руку, чем официальные собрания. И городским массам, и крестьянам совершенно ясно (и в этом нет ничего странного), что если бюрократы что-то запрещают, то это должно быть непременно что-то стоящее, и бюрократы хотят это упрятать от народа. Занятно, что действия властей имели положительный побочный эффект медицинского свойства, не допуская нервной перегрузки агитаторов. Это в особенности относится к нашим русским коллегам-профессорам, чья работоспособность остается далеко позади нормы привыкшей к сибаритству немецкой профессуры. Ораторскому «напору» на собраниях соответствует такой же «напор» в публицистике. Трудно себе вообразить, какое количество статей, иной раз основанных на подробнейших статистических расчетах, особенно по аграрным проблемам, появляется в печати. Выкладки и выводы этих статей часто резко противоречат друг другу. Полемика идет не только между разными партиями. Непрерывную канонаду ведут между собой на страницах одной и той же газеты товарищи по партии. Прекращение собраний было для полумертвого оратора благодеянием, а для его партии эффективной рекламой, гораздо лучшей, чем произносившаяся речь, и к тому же бесплатной. И это имело значение при такой избирательной системе. Расходы на предвыборную кампанию были несообразно велики. Весьма значительны были даже выплаты правительства. В отличие от Франции и Англии, но так же, как в Германии, избирательные

списки составлялись ad hoc, то есть специально к данным выборам.

А во что такая техника выборов обходится партиям, видно невооруженным глазом. По этим соображениям (среди прочих) на Западе и пресса, и лучше всех организованные партии - как социалисты, так и клерикалы - предпочитают прямые выборы непрямым. При прямых выборах легче заинтересовать массы, и «демагогия» будет эффективнее при гораздо меньших расходах.

* * *

Прибегнув к жесткому формализму, правительство исключило из числа кандидатов в депутаты от крестьянства интеллигенцию, в частности «третий элемент», которого оно так опасалось. Благодаря тщательной фильтрации удалось понизить средний интеллектуальный уровень депутатов. Однако все эти ухищрения не коснулись самого опасного для правительства класса - «крестьянской интеллигенции». Скорее они укрепили ее позиции. Пока эта группа сама не исключила себя из борьбы безрассудным бойкотом, с ней, по убеждению самой же полиции, можно было справиться только насилем. А насилие, как всегда, обеспечивало рекламу жертве. Арестованные крестьянские уполномоченные уже из-под ареста посылали полиции телеграммы, в которых благодарили за помощь своему делу: у них были для этого все основания. Применение полицейской силы неизменно оскорбляет чувство справедливости русских крестьян. Несмотря на то, а отчасти потому, что они привыкли к ней и свыклись с необходимостью склоняться перед ней гораздо больше, чем крестьяне в других странах. Они не видят в применении силы ничего «благого», но видят жестокую реальность произвола власти, находящейся в руках их заклятых врагов. Что же больше определяло поведение крестьян на выборах - упрямо затаенный инстинкт справед-

ливости или страх перед полицией? Правительство уповало на страх и постаралось сделать свое дело как следует согласно собственным критериям.

Полная неудача на выборах при таких мерах была неожиданностью как для самого правительства, так и для его противников. И - объективно - этот исход столь многозначителен, что заслуживает тщательного анализа.

* * *

Неожиданно расцветшие профсоюзы, носители радикальных тенденций, были распущены. Правительство было не так настроено против профсоюзов, как тупой режим Путткамера у нас, и было более сдержано в обращении с профсоюзами. Но промышленность в то же время оказалась под сильным давлением, и в результате возникла целая армия безработных. В этих условиях фабрики, где дела снова улучшались, могли без особого труда основательно «фильтровать» рабочий класс. Настроение пролетариата резко упало; дело шло к тому, что даже чисто экономические завоевания революции будут потеряны. Фабрики, если они вообще работали (они еще закрывались до апреля), повсюду увеличивали продолжительность рабочего дня. Было похоже, что из всех революционных завоеваний рабочего класса осталось одно: рабочих теперь называли на «вы», а не на «ты». Но экономические трудности в российских условиях имели последствия, тесно связанные с аграрно-коммунистическим строем. Лишь часть, хотя и значительная, резервной армии трудящихся осталась в городе. Другая ее часть устремилась назад в деревню. Так агитаторы и социалисты, которых «отфильтровали» на фабрике, становились разносчиками радикальных идей в крестьянской среде. Но и само рабочее движение, несмотря на тяжелые условия, показало неслыханную живучесть и снова подымало голову, вопреки страху его вождей перед реальной силой властей.

Пожалуй, будет уместно рассмотреть здесь аграрную программу кадетов и возникающие вокруг нее разногласия. Хотя бы для того, чтобы дать представление о неслыханных трудностях, с которыми столкнется всякий, кто рискнет просто «вознамериться» что-то сделать в этой области. Сперва некоторые предварительные общие замечания.

Несомненно, что для всей страны, включая Крайний Север и районы новой колонизации, характерен (в «субъективном» плане) острый «земельный голод». Сильнее всего он в чисто аграрной зерновой зоне Черноземья и примыкающих к ней областях по западному берегу Волги, на юге Центральной России и по обоим берегам Днепра. Объективно земельный голод выражается в том, что в течение двух десятилетий, несмотря на снижение цен на зерно и сравнительно неизменную технику земледелия, аренда и цена на землю неуклонно и чрезвычайно быстро шли вверх. Спрос на землю происходил не из желания вложить в нее капитал с предпринимательскими целями, но из стремления обзавестись собственностью, гарантирующей человеку возможность прокормиться собственным трудом. Покупатель не гнался за прибылью; он надеялся удовлетворить элементарные потребности. В этом случае предел продажной цены сдерживался только платежеспособностью покупателя.

Если же считать, что нынешние деловые и хозяйственные качества крестьян будут меняться очень медленно, то увеличение размеров крестьянских хозяйств по любой цене - совершенно необходимое условие всего остального, в частности возможности для «самопомощи».

Увеличение земельных наделов с помощью покупки земли на открытом рынке или при посредстве банков достигло теперь значительного размаха. Но цена земли безусловно исключает эффективное использование куп-

ленной или арендованной земли по двум причинам. Во-первых, урожайность крестьянских земель уже сама по себе на 20% меньше урожайности поместных, которые крестьянин покупает; крестьянин, возможно, оказался бы в лучшем положении как сельскохозяйственный рабочий, чем как арендатор или собственник, даже если принимать во внимание только урожайность поместных земель. Но главное, во-вторых, это то, что неслыханная конкуренция между покупателями и арендаторами подымает цену намного выше капитализированной продуктивности даже поместной земли - можно сказать, что верхнего предела цены нет. Разумеется, в этих условиях доступ к земле получают вовсе не те, кто в ней больше всего нуждается. Естественно, возникает мысль принудительного ограничения цены, чтобы прекратить земельную спекуляцию и обеспечить действительно нуждающимся такой размер надела, который ликвидировал бы постоянную угрозу голода. Иными словами, речь идет об «экспроприации». При такой постановке вопроса возникает ряд проблем. Прежде всего, нужно решить, каковы должны быть нормы земельных наделов. На этот счет существуют следующие соображения. 1) Земельный надел должен быть достаточен, чтобы обеспечить использование рабочей силы крестьянской семьи. Это требование исходит из того, что «земля Божья и должна быть в распоряжении тех, кто сам ее обрабатывает; следовательно, каждому надлежит столько, сколько он может обработать». Эта цель в России недостижима; статистика не оставляет на этот счет никаких сомнений. Нужного количества земли попросту нет. Тем не менее не только социалисты-революционеры, но и некоторые известные специалисты по аграрной политике выступают за «трудовую норму». 2) Земля должна быть роздана согласно «потребительной норме», то есть размер надела должен обеспечивать элементарные жизненные потребности семьи (питание, жилище, одежда). Естественно, предполагается, что эта норма

должна быть приведена в соответствие с местными условиями. Принцип «трудовой нормы» исходит из «права на труд», принцип «потребительной нормы» - из «права на существование». Первый подход, как и сам принцип «права на труд», предполагает, что цель производства - доход. Он, таким образом, - революционное порождение капитализма. При втором подходе целью производства предполагается потребление. Принцип «потребительной нормы» существует в двух вариантах: а) земельная площадь должна быть достаточной, как если бы она обрабатывалась в принципе доступными современными методами; б) она должна быть достаточной в условиях реальной нынешней техники и средней эффективности - «обычной в данной области» (поскольку нельзя прямо поощрять ленивых и глупых - они опустят вниз среднюю продуктивность хозяйства). 3) Наконец, поскольку эти нормы (особенно 26) потребуют очень детальных предварительных исследований и неизбежны произвольные решения, предлагается принять «историческую» норму надела. И здесь возможны два варианта: а) за норму принимается максимальный надел на 1861 год с учетом местных особенностей; б) нынешний средний размер надела считается минимальным. Против первого варианта было соображение, что экономика России после 1861 года изменилась до неузнаваемости, и теперь эта норма будет выглядеть крайне произвольной и несправедливой. Проект, предложенный комиссией партии кадетов, остановил свой выбор на «потребительной» норме.

* * *

Проекты систематического отчуждения и распределения земельной собственности, конечно, не удастся так просто предать забвению. Но крайне сомнительно, что какой-либо из них хотя бы частично по решающим пунктам будет проведен в жизнь каким-либо правительством.

Даже умеренный проект кадетской партии выглядит как самовивисекция; в нем есть предложение, которое невозможно осуществить в нынешних условиях. Если же на момент наложения накладенных страсти и клубок конфликтов, который представить себе разными группами интересов внутри крестьянства при всеобщий передел земли, то станет ли систематический и потребует правительство, с одной стороны, ясно, что для этого чайно преданное идеалам демократии! стороны, чрезвычайно железной волей и способное; и с другой - надобное сопротивление. Из исторического предотвратить люпроведение самой реформы и затем из опыта следует, что арендных отношений на такой территории. Установление новых количестве заинтересованных участников и при таком только при условии деспотического глупиков возможно бильной экономики. Миллионы крестьянства и стаземлю у государства, образуют класс крестьян, арендующих штабов, которые знали разве что Древние колонны таких масская империя. Бюрократическое правительство Египет и Римрешить эту проблему, потому что не Жительство не может против аристократии и класса земель. Способно выступать А демократическому правительству бных собственников, лезной» авторитарности и беспощадно Удет не хватать «жестокости» крестьянства. Так или иначе, не слиянности в отношении ность того, что в России окажется все ком велика вероятный передел земли в широких Умозможным принудивольная продажа земли, пока идут в масштабах. Доброния, возможна по довольно низкой Црестьянские волнеказики, поддерживающие порядок, об ене. Дело в том, что довольно дорого, да и вся обстановка ходятся помещикам неустойчивой. Но необходимый для выглядит опасной и кредит вряд ли доступен, и крестьяне этого миллиардный же волнения опять улягутся, то в ус/ не покупают. Когда спроса на землю со стороны госудзювиях постоянного банка цены опять пойдут вверх; в нефтя и земельного которых областях за

15 лет они уже выросли в 5-10 раз, несмотря на падение цен на сельскохозяйственную продукцию.

Идея «дополнительных наделов» не безнадежна в принципе. Но в данных исторических условиях, к сожалению, скорее всего, она окажется неосуществимой. Препятствия на этом пути бесчисленны. Государственный корабль, отправившись в это плавание, поминутно может сесть на рифы, поскольку ему приходится плыть в статистических потемках, что мы и пытались выше показать (см. полный текст этого очерка. - АК) примерами резко противоречащих друг другу расчетов. Ко всем трудностям добавляется и то, что крестьяне политически «прогнулись», и сильные революционные партии, исполненные пылких надежд, оформляют в политические программы их фантазии. Чтобы найти действительное решение столь невероятно сложного вопроса на такой широкой основе, как этого хочет, например, партия кадетов, нужна кропотливая и беспристрастная обработка материала. Но при нынешнем накале не только социальных, но и чисто политических страстей, которые вожди крайне левой разжигают, используя надежды крестьян, такая работа совершенно исключена. Для этого, как и для многого другого, после политических перипетий последних 20 лет уже «слишком поздно». И при всем уважении к интеллектуальному потенциалу крестьян, производящему впечатление даже на русских наблюдателей антидемократического толка, было бы роковым самообманом думать, что они в состоянии сами провести большую аграрную реформу, будь у них оказалась бы такая возможность. Гениальный парвеню Наполеон или такой бюргер (у Вебера - Burger, что может быть и буржуа, и гражданин; любой из этих атрибутов Вашингтона выглядит здесь несколько таинственно. - АК), как Вашингтон, твердо контролируя армию и опираясь на доверие нации, возможно, смог бы поднять из земли Россию на мелкокрестьянской основе. Но этого не могут сделать леги-

тимные монархии, так же как и совсем юное парламентское государство, пытающееся выжить под политическим давлением и справа, и слева.

Если же будет осуществлена хотя бы частично реформа в духе кадетов, то (как я уже говорил выше) вполне возможен мощный подъем замешанного на «коммунистических» дрожжах «естественно-правового» духа. Это может привести к чему-то совершенно «небывалому», но, к чему именно, предвидеть невозможно. Во всяком случае, неизбежен глубокий экономический упадок на 10-20 лет, пока эта «новая» мелкобуржуазная Россия проникнется духом капитализма: тут придется выбирать между «материальными» и «этическими» целями.

К существенно другому результату приведет отчуждение земли, ограниченное земельными ресурсами, уже фактически находящимися в крестьянском пользовании на условиях аренды. Это возможно на основе административного регулирования аренды, начавшегося в 1896 году в виде превращения арендованной земли в собственность общин и крестьянских товариществ (что уже теперь практикует Крестьянский банк). Иными словами, речь идет о комбинации «законодательства» и практики Крестьянского банка. Этот путь экономически осуществим и лучше вписывается в существующее «общественное устройство», чем, например, ирландский земельный закон. Но индивидуальные собственники и свободные крестьянские кооперативы покупают гораздо чаще землю через Земельный банк, чем общины. Это указывает на «экономический отбор», что находится в прямом противоречии с естественно-правовым принципом и этическими ценностями аграрных программ социалистов-революционеров и даже, хотя и в выхоленном виде, кадетов. Как и следовало ожидать, все эти партии, сама крестьянская масса и ее идеологи среди интеллигенции этот путь отвергают. Даже когда эта аграрная политика была расширена на помещичьи земли, находившиеся на 1 января 1906 года в обработ-

ке крестьянским инвентарем, то есть когда закон превратил трудовые отношения в отношения трудовой аренды с фиксированной арендной платой и возможной позднее полной отменой аренды, она выглядела «консервативной». Идея же кадетов обеспечить поголовно всех малоземельных, именно поскольку они малоземельные, обязательным минимальным наделом - это революционная идея, и она намеренно такова. Но, может быть, ни один из двух путей не будет выбран, и русский крестьянин совершит свой крестный путь, полный страданий и гнева, пока, наконец, не победят отчасти современный капитализм, отчасти современное, пригнанное к рынку, основанное на собственном наследуемом участке мелкокрестьянское хозяйство и, таким образом, пока не ликвидируется последнее в Европе прибежище коммунизма и порождаемого им крестьянского «естественного» права. Политика тех, кто сегодня в России держит власть, толкает Россию именно в этом направлении, несмотря на серьезные уступки народничеству.

* * *

Хорошо видно, что все движения правее кадетов нередко слабо организованы, их предвыборная «техника» гораздо проще и в их распоряжении гораздо меньше одаренных и вместе с тем образованных агитаторов, готовых на жертвы. Главную интеллектуальную работу по части агитации в «Союзе 17 октября» выполняет доктор Пиленко, в прогрессивно-экономической партии это делает в одиночку профессор Озеров. Более важные политические фигуры Центра вроде Шипова в эти дела не мешаются. Торгово-промышленная партия и партия правового порядка полностью положились на состоятельность своих членов, а правые - на националистическую и антисемитскую демагогию. В то же время их положение в предвыборной борьбе внешне казалось более благоприятным, чем положение демократических партий,

трудности которых были столь значительны, что ЦК кадетов даже перед самыми выборами стал подумывать, не лучше ли бойкотировать Думу.

Серьезные трудности чинили им сами власти, но еще хуже было то, что изменилось настроение тех кругов, для которых закон о выборах был особенно благоприятен, - частных землевладельцев. Этот сдвиг был против демократов и в пользу партий Центра и консерваторов.

После подавления московского восстания и под впечатлением крестьянских беспорядков реакционные настроения стали перекидываться с бюрократии на «общество», то есть прежде всего в земства. Крестьянские волнения и угроза экономическим основам частного землевладения, а именно из этой среды происходили лучшие умы земского либерального движения, сыграли, конечно, свою роль. Это хороший пример того, как реальные условия влияют на идеологию имущего класса; он так же показывает, как гуманитарные идеалы вступают в конфликт с экономическими интересами и в какой мере они могут при этом устоять. Пока экономические основы господствующих в земствах землевладельцев не подвергались угрозе, они готовы были идти за многочисленными политическими и социальными идеологами, происходившими из их среды. Но, как только над ними нависла возможность быстрого физического и экономического упадка, освободилась дремавшая до поры неукротимая энергия противоречивых интересов. События вырывают их из повседневной рутины и чувствительно напоминают им о материальных основах их собственного существования; соответственно, их взгляды неизбежно и весьма существенно меняются.

Когда в середине января общественное возбуждение пошло на убыль, обнаружилась перемена в настроении заинтересованных групп, и сфера влияния идеологов существенно сузилась. Дворянство и частные землевладельцы, до сих пор следовавшие в фарватере прогрес-

сивно настроенных либералов, или просто политически пассивные, толпами повалили на земские собрания. И хотя в октябрьском съезде не захотело принять участие возглавляемое Гучковым «умеренное» меньшинство (их там было 15-20 человек), тенденция была ясна: материальные «классовые интересы» по всему фронту переходили в наступление.

* * *

Могло показаться очевидным, что союз правительства с привилегированными (формально и фактически) классами - естественный путь, который будет избран. Казалось логичным объединение с силами умеренного земского конституционализма, поскольку дворянство не было достаточной социальной базой для правительства. Этот путь также представлялся сравнительно легким. Но это было совсем не так. У земств недоверие к правительству в решающий момент все же перевесило страх перед революцией. У правительства ненависть к земствам оказалась сильнее желания найти союзника против революции. Бюрократия должна была пожертвовать частью своей произвольной административной власти. Это было необходимо для того, чтобы достичь какого-то взаимопонимания с имущими классами, но как раз это было выше ее сил.

Примером дикой ревности к земству было невероятное поведение Красного креста во время войны по отношению к организациям, которые земство хотело предоставить в его распоряжение. С тех пор ничего не изменилось. Теперь чисто филантропическая организация, созданная земством для помощи голодающим, подвергается мелочным придиркам и назойливому надзору. Правительство чинит всяческие препятствия земской филантропии: даже простые столы для раздачи бесплатного питания сплошь и рядом запрещаются, несмотря на

крайнюю нужду в продовольствии. Можно было делегировать репрессии против «третьего элемента» имущим слоям; «классовые интересы» всегда побуждали их выступить в «государственно-охранительном» духе, когда это было надо. Но что вместо этого делает бюрократия? Губернаторы и генерал-губернаторы *more solito*¹ вмешиваются во все и уже одной своей бесцеремонностью оскорбляют самолюбие земств. Бюрократия не может себе вообразить, что она когда-либо уступит долю своего всемогущества кому бы то ни было. Ответная реакция следует тут же. В октябре даже умеренные земские деятели (Шипов) отказались от министерских портфелей, предложенных Витте, потому что для них было немыслимо сотрудничество с Треповым и Дурново. В январе Витте разослал циркуляр, предлагавший земствам прислать доверенных представителей для участия в регулярном обсуждении политических вопросов. Почти все земства отказались это сделать, и Витте не оставалось ничего другого, кроме как официально объявить запланированные совещания «излишними». Обе стороны не могли работать вместе. Экономически либеральная бюрократия, возглавляемая Витте, полностью лишила политического значения своего ближайшего друга предпринимательскую буржуазию с помощью закона об избирательном праве и урезав ее представительство в Государственном совете. А самого характерного представителя этих кругов в правительстве Тимирязева третировали и в конце концов заподозрили в «зубатовщине». После этого и эти круги оказались для правительства политически бесполезными.

В таких условиях начались выборы в Думу. Первые результаты (выборы на волостные сходы и выдвижение «уполномоченных» от мелких землевладельцев на выборы выборщиков) поступили 21 февраля и как будто указывали на полную апатию и случайный исход выборов.

---

¹ Обычным образом (лат.).

Но в первые две недели марта многочисленные выборы в сельских городах закончились победой демократических списков выборщиков. С большим напряжением ожидался результаты выборов выборщиков в Петербурге (20 марта) и в Москве (26 марта). В обоих городах «Союз 17 октября» объединился с другими конституционно-монархическими партиями. К этому списку примкнула и бюрократия, и его победа ожидалась хотя бы в некоторых городских избирательных округах. Но, ко всеобщему удивлению, в столицах во всех округах победили конституционные демократы, даже там, где жили бюрократы, банкиры и рантье. Неожиданны были и масштабы победы. За демократов голосовали 2/3-3/4 избирателей при чрезвычайно высокой, несмотря на «бойкот», активности. За столицами последовал Киев, главный центр отчаянной монархической агитации, где самого профессора Пихно, редактора «Киевлянина», не выбрали в коллегию выборщиков, а за ним и другие независимо голосующие города Европейской России (за изъятием Польши). За исключением Екатеринослава, где победил «Союз 17 октября», Минска, где победил один сионист, и Риги, где в числе победивших оказался один буржуа-латыш. Явка на выборы показала, что бойкоту, объявленному крайне левыми партиями, не последовали ни домовладельцы-рабочие, ни влиятельные евреи, ни радикальная мелкая буржуазия. Масса убежденных социал-демократов голосовали за демократов. Этому были прямые свидетельства. Это видно и из того, что социал-демократы под впечатлением выборов отказались от идеи бойкота и на более поздних выборах выставили уже своих кандидатов. В Тифлисе даже демократы проиграли социалистам, которым удалось провести 9/10 своих выборщиков. Одновременно это показало, что победа демократов на выборах весьма ненадежна. Если бы крайне левые участвовали в выборах, то во многих больших городах демократы понесли бы большой урон и борьба шла бы между социалистами и

буржуазными классовыми партиями, а идеологическая демократия, так же как у нас в Германии, оказалась бы исключена из борьбы.

Очень скоро обнаружилось, что при нарастающей предвыборной агитации и в сельской местности бойкот проваливается не меньше, чем в городах. А слабое участие в выборах мелких частных землевладельцев, о чем уже говорилось выше, объясняется не этим. Только единицы крестьян бойкотировали выборы в самом начале. Демократы и здесь получили, как правило, подавляющее большинство в России, в Малороссии, в балтийских и кавказских губерниях. В областях нового заселения на юго-востоке и кое-где в Черноземье победили крайне левые. Почти повсюду крестьяне выступали единым фронтом с «городскими», голосуя решительно и неожиданно против «умеренных» кандидатов.

* * *

Ожидания правительства относительно позиции крестьянства и исхода выборов были обмануты. Как стало ясно уже в конце марта, оно оказалось лицом к лицу с антибюрократическими и радикальными, как социально, так и политически, элементами. Под впечатлением этого оно поспешило прежде всего взять «военный заем» для борьбы с «внутренним врагом» на условиях, продиктованных банками. А те понимали, что контролируют игру. Сперва они упорно настаивали на созыве Думы. А когда Дума стала реальностью, торопились заключить соглашение о займе до того, как Дума соберется, потому что было очевидно, что Дума не согласится на условия займа, которые можно было продиктовать беспомощному правительству, ставшему теперь легкой добычей банков. А поражение бюрократии и ее подчинение Думе имело бы необозримые последствия для государственных фондов и серьезно ухудшило бы условия сделки. «Новое вре-

мя» номер за номером жаловалось на то, что уже победа кадетов на выборах в Петербурге вызвала краткосрочное падение ренты на 1% и, стало быть, как считала газета, нанесла ущерб российскому народному хозяйству. Финансовое положение правительства было таково, что ему приходилось идти на поклон либо к Думе, либо к банкам. Правительство выбрало банки, согласившись фактически на любые условия: несмотря на то, что учетная ставка в конце января была 9% и могла в любой момент подняться до 10%, резервы Банка (государственного. - АК) уменьшились и чувствовался бойкот налогов со стороны крестьян. Возник и грозил увеличиться бюджетный дефицит: увеличилось жалование железнодорожникам и почтовым служащим, возросли расходы на содержание армии и дотации казакам, участились перемещения войск между гарнизонами, выросли расходы на полицию и на борьбу с голодом, наконец, государство потеряло часть своего имущества и налоговых поступлений. Невозможно хозяйствовать, когда казну так трясет. И вот правительство пошло на условия, которые представляют собой гротескный контраст даже ценам на государственные бумаги во время русско-японской войны (результат эффективной тактики крупных финансовых институтов на рынке акций) и оказываются чуть ли не самыми тяжелыми условиями, в которые когда-либо попадала сама Россия или любая другая великая держава. Но, так или иначе, заем был получен. После этого граф Витте стал первым человеком, который больше не нужен. Поскольку к тому же он делил дурную славу с министерством внутренних дел, иностранные банки тоже предпочли бы не допустить его сотрудничества с Думой. Было достаточно любого предложения - какого рода был этот предлог, теперь уже трудно установить, - чтобы кабинет Витте бесследно и бесславно исчез, а на его месте оказалась «коллегия» корректных, не слишком скомпрометированных в глазах «общества» консервативных служащих.

Настал день открытия Думы. В праздничной атмосфере, после роскошной церемонии царь на глазах у всего народа «неверными шагами» (выражение газет) поднялся на трон и зачитал совершенно бессодержательное «приветствие». Тронная речь, которой все ожидали, фактически не состоялась. Возможно в результате «безответственных» влияний, а возможно просто потому, что не нашлось никого, кто сумел бы подсказать царю, о чем он должен говорить. Обращение царя было воспринято с сильнейшим неудовольствием, потому что он ни словом не упомянул амнистию. Амнистии ждали все: в тюрьмах и в десятках тысяч деревень, страдавших от высылки и арестов. Амнистия была бы символом того, что практика наказаний без суда будет прекращена. К этому времени правительству уже пришлось вернуть из Сибири и Архангельской губернии ссыльных, выбранных депутатами в Думу. Председателем Думы стал профессор Муромцев, в свое время смещенный с профессорской должности. Его заместителем - профессор Гредескул, попавший до того под домашний арест, а потом на поселение в Архангельскую область. Тут же и вне всякой повестки дня под одобрительный шум присутствующих амнистии потребовал Петрункевич, ветеран освободительного движения, ставший в свое время председателем «Союза освобождения» при его нелегальном оформлении в Шварцвальде в Германии. И начался сам спектакль. Обе стороны понимали: последнюю точку в этом спектакле поставит «пуля». Официальный «правительственный вестник» опубликовал приветственную речь императора. Но продолжал игнорировать существование Думы. Казалось, как писала петербургская пресса, он никак не мог решить: считать ли Думу государственным институтом или революционным клубом. То же самое можно сказать и о «верхах» старой России. Перед началом заседаний Думы Муромцев, как того требовал закон, посетил царя. У него, Муромцева, от этой встречи осталось «хорошее впечатление». По-

еле дебатов об амнистии, во время которых все накопившееся раздражение вышло наружу (хотя приличия и соблюдались) и было принято ответное обращение Думы. Муромцев был снова приглашен к царю. На этот раз на именины. Его с безупречной вежливостью посадили на почетное место, но с ним не заговорил никто из значительных людей. Царь отказался сам принять текст ответа Думы и просил передать его министру двора. В крестьянской стране, где крестьяне как один требуют «прямого доступа» своих представителей к царю, этот шаг произвел глубокое впечатление. Вообще все происходящее не только разрушает романтический ореол царя в глазах крестьянской массы.

Скамьи для министров в Думе 16 дней пустовали, и это было вполне многозначительно, потому что правительство начиная с декабря всячески оттягивало созыв Думы до конца мая, в частности под тем предлогом, что оно само должно тщательно подготовиться к этому событию. Когда же Дума, наконец, собралась, правительство не вошло в нее ни с одним законопроектом. Вся деятельность Думы свелась к подготовке ответа на приветственную речь царя. Граф Гейден и несколько его товарищей заявили, что не согласны только с редакцией ответа, и покинули заседание, чтобы не нарушить единогласие. А единогласно принятый ответ содержал следующие требования: — четырехсоставная формула избирательного права (по тогдашнему русскому политическому слэнгу «четыре хвостка». — А/С); устранение произвола чиновников, разделяющего царя и народ, — чиновники должны быть поставлены под контроль парламента; ответственность министров; парламентарный режим; ликвидация Государственного совета; гарантии неприкосновенности личности; свобода слова, прессы, объединений, собраний и стачек; равенство всех перед законом; отмена смертной казни; рабочее законодательство; реформа налогов; бесплатная народная школа; перестройка самоуправления

«на основе всеобщего избирательного права»; распространение правовых отношений на армию; «культурная автономия» национальностей; амнистия всех осужденных по политическим, религиозным и земельным делам. Было дано согласие на: изменение избирательного права, хотя и не теперь, поскольку начала работать только что избранная Дума; рабочее законодательство; всеобщую школу; справедливое распределение налогов, в частности подоходных и на наследство; реформу самоуправления с учетом традиций нерусских народов; гарантии неприкосновенности личности и личных свобод, впрочем, с оговорками об «эффективном» пресечении злоупотреблений свободой; судебную ответственность чиновников; отмену внутренних паспортов; отмену сословных ограничений крестьянства и обеспечение крестьян землей через крестьянские банки из государственных земельных фондов, а также помощь в переселении — экспроприация земли исключалась. Все другие требования были более или менее определенно отклонены, в первую очередь требование амнистии. Было обещано лишь «тщательно изучить» обстоятельства всех еще не решенных судебных разбирательств.

* * *

Рассматривать предметную деятельность Думы нет особого смысла, потому что фактически она была сведена к нулю. Когда обструкцию со стороны правительства, наконец, удалось преодолеть и Дума начала работать, она продемонстрировала редкую энергию, неизвестную в других парламентах мира. Основная работа, конечно, шла не на пленарных заседаниях, о которых только и сообщала пресса, но в комиссиях. Уже беглый взгляд на еженедельный отчет о заседаниях комиссий дает представление о том, какая работа шла за кулисами. Все предложенные на рассмотрение комиссий законопроекты к

началу июля были почти подготовлены. Проект аграрной реформы обсуждался на заседаниях Думы две недели; по нему выступили почти 100 депутатов. Затем он был передан в комиссию, состоявшую из 91 человека. Она вместе с бесчисленными подкомиссиями работала четыре недели и придала проекту общий вид, удовлетворявший большинство: версия Думы в основном совпала с кадетской. Не то, что Дума обещала слишком мало деятельности, а то, что обещала слишком много, привело буквально в шок придворные круги: это сулило им большие неудобства в будущем. Попытались, было, поставить Думу в ложное положение, предложив ей проект 50-миллионного займа для смягчения последствий предстоящего тяжелого неурожая. Но Дума одобрила для начала 15 миллионов и пообещала в дальнейшем еще, отметив, впрочем, что необходимые средства должны быть сэкономлены, поскольку финансовый анализ Коковцова (в общем на редкость темный) не доказал, что заем действительно необходим. Большинство Государственного совета во главе с «группой центра» - после того, как Совет отклонил характерным образом предложение Самарина о поименном голосовании, - присоединилось к точке зрения Думы, и это было тяжелым ударом для правительства. Его положение становилось все более трудным: нужно было либо распускать Думу, либо подчиняться.

* * *

Тактически удобный случай для роспуска Думы представился, когда Дума раскололась, и кадеты оказались в изоляции. Правительство воспользовалось этим. Роспуск Думы и перерыв в работе Государственного совета произошли буквально перед обнародованием царского Манифеста, который даже по русским меркам выглядел поразительно. В нем указывалось, что Дума «вместо строительства законодательного» отклонилась от своей пря-

мой компетенции, занявшись расследованием деятельности «поставленных от Нас местных властей», а также предполагаемым несовершенством «основных законов, которые могут быть изменены только Нашею монаршею волею». Последнее утверждение было чистым вымыслом, поскольку Дума и не помышляла вырвать из рук императора его прерогативы. Право интерpellации в связи с незаконными действиями властей полагалось Думе по конституции. Что же касается законодательного творчества, то оно выражается не в речах в парламенте, а в работе комиссий, а по этой части ни один парламент в мире не делает сейчас больше, чем русский. Беда лишь в том, что он не угождает царю. Далее следовала оценка (неверная) думского разьяснения от 7/8 июля как «обращения к населению» - абсолютно незаконное утверждение. Столь же беспардонным выглядело утверждение, что этот «призыв» - еще не опубликованный - побуждает крестьян к восстанию. Далее обещается, что «пахарь русский без ущерба чужому владению получит законный и честный способ расширить свое землевладение», каковую задачу и должна будет законодательно решить будущая Дума; ее созыв назначался на 20 февраля (5 марта). Это означало, между прочим, что бюджет на 1907 год не будет принят в согласии с законом. Совершенно уж ни на что не похоже то, что мы видим в заключительной части документа, - «мы приведем ослушников закона к подчинению». В преамбуле Манифеста с фальшивым религиозным пафосом, который сегодня кажется таким неуместным привеском к монархическим декларациям, говорится, что император «неколебимо верит в милость Божию». Но затем Манифест добавляет, что «ожидания Императора были прискорбным образом обмануты». А в конце говорится, что теперь он решился положиться на людей: «Мы верим, что появятся богатыри мысли и дела и что самоотверженным трудом их воссияет слава земли русской». Допустим, что такое признание собствен-

ной импотенции может подвинуть «героев», таящихся где-то в неизвестности. Однако в полицейских условиях нынешнего режима вряд ли для них найдется место. Скорее это будут личности вроде бывшего министра Дурново, или генерала Трепова, или Столыпина, который теперь с поста министра внутренних дел должен передвинуться на пост премьер-министра. Во всяком случае, на них, вероятно, рассчитывает редактор Манифеста. Но как раз к ним подходит старое изречение «Саблей может править любой дурак».

Депутаты распушенной Думы (кроме умеренных) из Выборга подали протест против неконституционных действий правительства - принятия бюджета без обсуждения в Думе и пассажа в правительственном заявлении, где говорилось, что «императорская воля будет навязана каждому». Депутаты призывали к неуплате налогов (мы уже высказались критически относительно этого шага) и к отказу идти в рекруты. Насколько этот ход окажется пропагандистски успешным, будет видно. До поры до времени может сохраняться спокойствие, во всяком случае, пока никто ничего не предпринимал, но если массы, как это было прошлой осенью, выйдут из-под контроля вождей, тогда что? Курс русских бумаг не упал очень сильно. Но это потому, что банки, привыкшие иметь дело с режимом абсолютной власти, теперь вынуждены избавляться от своих запасов и, соответственно, «стилизуют» курс. Кого, однако, вводит в заблуждение обстановка на бирже и уступчивость парламента, созданного в атмосфере давления и обмана, тому помочь невозможно. Кажется совершенно исключено, - и наша хроника как будто должна была это продемонстрировать, - что этот режим сумеет найти какой-то путь к долговременному «успокоению» страны: она сама должна себя вытаскивать за волосы из болота. И она должна захотеть это сделать. И если мы отвлечемся от «тактической» стороны дела, то нетрудно увидеть, что наиболее вероятным долгосрочным последствием дей-

ствий правительства будет дальнейшее падение авторитета царя в крестьянских массах, хотя этот процесс пока может быть слегка замаскирован фальсификацией народного мнения на выборах.

На этом наша хроника кончается. Мы могли дать лишь очень приблизительную картину сложных и тонких обстоятельств, стоящих за недавними событиями, в особенности расстановки противоборствующих сил при дворе: даже в самой России об этом теперь недостаточно известно. Но в мои намерения не входило писать «историю» России в последние шесть месяцев. Моя задача была в том, чтобы показать социальную и политическую ситуацию, в которую русское общество привел полицейский абсолютизм, не отказавшийся своевременно от наследия Александра III. Положение усугубила и деятельность Переходного правительства Витте. Из этого положения российскому обществу теперь предстоит выбираться, и кто знает как. Надо заметить, что почти роковая, возможно, вынужденная склонность современных династических режимов оберегать свой «престиж» и «сохранять лицо» привела к тому, что они не дают своевременно то, что должны дать, а когда уступки вырываются у них одна за другой, они пытаются вернуть себе потерянный престиж безжалостным полицейским произволом. Сознание того, что жертвы приносятся тщеславию, парализует партии, которые пытаются остаться верными парламентарному решению проблемы; поэтому дикая форма, в которой левые партии поносят министров, не встречает со стороны этих партий решительного отпора. Пока не видно, на базе каких уступок со стороны правительства, приведшего своим поведением избирателей в крайнее бешенство, Дума могла бы выработать программу для сотрудничества с правительством. Не видно, как вообще окажется возможным править страной цивилизованным образом в зыбучем песке, куда ее затянула бюрократия. Мы убеждены, что при резком обострении классовых противоречий любая попытка опереться на имущих обернется реакцией.

Существует (и у нас в Германии тоже) жалкая привычка в случае таких тяжелых родов, какие теперь переживает Россия, искать «виноватых». Естественно, что о монархе и его окружении не позволяется даже думать в этой связи. Поэтому в моду входит «критика» парламентаризма - ведь эта такая по видимости легкая добыча для критики. В глазах немецких филистеров оказывается виноватой Дума. Говорят, что она оказалась политически «бессильной» и не сделала ничего «положительного». А чтобы слегка польстить немецкому читателю, добавляют, что русская нация «не созрела» для конституционного режима. Но сперва следует спросить, до чего созрели те, кто близок к трону и кто привел страну в ее нынешнее состояние. Девять месяцев режим только и делал, что с истинно монгольским коварством всячески мешал осуществлению дарованных Манифестом «прав». Только к середине июня (старый стиль) были сделаны первые, действительные предложения относительно скромных реформ. Легко было заметить, что они несут на себе печать земского либерализма: законопроект о мировых судах должен был наверняка пройти, а закону об аграрной реформе предстояло серьезное деловое обсуждение. Но самого главного правительство не сделало. Оно не дало гарантий против абсолютного произвола полиции, не отменило административный арест и высылку и не ввело ответственность всех чиновников перед независимыми судами, а без этого правительство не могло опереться ни на один слой населения. Роспуск Думы мог быть выгоден правительству только в одном случае, а именно если оно решилось (вероятно, так оно и было) фальсифицировать выборы. Чтобы оправдать полицейский произвол, ссылались на террористов. Но даже простая статистика показывает, что военное положение, то есть бесправие, только увеличивает число террористических актов и возбуждает симпатии к террористам. Точно так же как революция снизу невозможна без поддержки средних слоев, подавление насильственных действий сверху тоже невоз-

можно без их участия. Известное выражение «Que messieurs les assassins commencent» (Господа убийцы, начните первыми - перестаньте убивать) в этой ситуации, пожалуй, уместно обратить к правительству. Вместо этого правительство, похоже, полагается исключительно на прошлый опыт, надеясь, что «машина» - в данном случае бюрократический аппарат - не остановится. Хотя на самом деле она остановится; даже самому неумеренному энтузиазму приходит конец. С другой стороны, не видно, чтобы энергия русского радикализма пошла на убыль. Особенно после того, как в борьбе против нынешнего режима сложилось кадровое ядро социал-демократов и социалистов-революционеров. И особенно в условиях полного развала экономики.

Русская освободительная борьба не поражает особым «величием» и ничем особенно не вдохновляет внешнего незаинтересованного наблюдателя - что правда то правда. Прежде всего потому, что, за исключением малопонятных требований аграрной программы, все ее остальные лозунги утратили для нас на Западе привлекательность новизны. Они потеряли оригинальность, свойственную им во времена Кроуэлла и Мирабо, а как чисто политические требования, они в действительности лишены реального содержания. Они тривиальны для нас (обычно), как ежедневное умывание. К этому добавляется еще одно: у обеих сторон конфликта нет «большого вождя», который придал бы движению патетическое звучание, способное, так сказать, увлечь «посторонних». Ни прекрасный политический публицист, ни эксперт по социально-политическим проблемам - а их сколько угодно - не могут быть «вождями». Не может им быть и даже самый смелый «практический» революционер. Все, что происходит теперь, выглядит весьма эпигонски. Все идеи, выдвинутые разными сторонами, не только по существу, но и по форме выражения - «коллективный продукт». Издалека, из положения политически и экономически «сытых» народов невозможно разглядеть сквозь туман про-

грамм и коллективных действий какой-либо единичной судьбы. Безоглядного идеализма, непреклонной энергии, всплеск надежды и приступов меланхолии могучих борцов - ничего этого нет. Для внешнего наблюдателя отдельные, часто драматические судьбы вплетены в клубок событий, происходящих со всеми. Это порочный круг бессмысленных убийств и беспощадного произвола в таких масштабах, что сама его мрачная жестокость становится привычной. В наше время сражение на поле боя, лишенное романтических одежд рыцарства, стало механическим процессом, где участвуют инструменты и объективированные продукты умственных усилий лабораторий и мастерских, воплощающие бесстрастную силу денег. Вместе с тем это постоянное и страшное напряжение нервов для вождей и сотен тысяч солдат. То же самое можно сказать и о революции. Все в ней - во всяком случае для наблюдателя - «техника» и крепкие нервы. В России, где полицейский режим комбинирует грубую силу и рафинированное азиатское коварство, участникам борьбы приходится тратить так много сил на чистую «тактику» и «партийно-политические соображения», что в этих условиях, пожалуй, трудно найти какую-либо роль для «крупной личности». Против полчищ насекомых не могут никакие великие дела. А на другой стороне их нет вообще. В России множество высокопрофессиональных чиновников - в этом легко убедиться даже при беглом взгляде извне. В существующей системе они могут все, но только не выдвигать из своей среды «государственных деятелей», способных осуществлять большие реформы. Этому мешают уже одни династические амбиции, - точно так же, как и у нас в Германии¹. При ознакомлении с

¹ Происходящее в России позволяет увидеть специфику монархий в современном мире. К несчастью, они неизбежно зависят от монархов с их опасным политическим дилетантизмом; в лучшем случае эти монархи имеют одностороннюю военную подготовку.

документами российской государственной жизни поражаешься, какой в них вложен огромный труд и как тщательно они бывают разработаны. Но они всегда направлены к одной и той же цели - самосохранению полицейского режима. Объективная бессмысленность этой цели устрашает. Не видно, какие, даже самые скромные «моральные» или «культурные» ценности этот режим может реализовать. И это придает всем намерениям и поступкам самих властителей, но также и «профессиональной работе» слуг государства, даже самых «дельных» среди них, пугающую призрачность. Эта атмосфера так хорошо оттеняется аполитичностью Льва Толстого в романе «Воскресенье». Сравнивают русскую революцию с французской. Не говоря о бесчисленных прочих различиях между ними, достаточно назвать одно, - даже для «буржуазных» представителей освободительного движения собственность перестала быть священной и вообще отсутствует в списке взыскваемых ценностей. О ее «священном характере» возмещает сегодня - поздно с точки зрения собственных интересов - сам царь. Это означает конец всей славянофильской романтики и «старой» Руси. В русском обществе действуют импортированные новейшие силы крупного капитала, тогда как это общество все еще покоится на фундаменте архаического крестьянского коммунизма. Они развязывают в рабочей среде радикальные социалистические настроения и в то же время противопоставляют им организацию ультрасовременного типа, абсолютно «враждебную свободе». Пути политического развития в этой ситуации непредсказуемы, даже в том случае, если идея «святости собственности» одержит верх, что вполне может произойти. Из истории России оказались исключены все те стадии развития, на которых сильные экономические интересы собственников служили буржуазному движению за свободу. Маломощный промышленный пролетариат пока себя почти не проявил, а крестьянские идеалы принадлежат нереальному миру. Нигде борьба за свободу не велась в таких

трудных условиях, как в России. Нигде она не велась с таким самопожертвованием, и немцы, сохранившие еще какие-то остатки идеализма наших отцов, должны испытывать естественную симпатию к этой борьбе.

Реакционным «реалист-политикам» здесь в Германии следует спросить себя: а правильно ли они поступают, возбуждая против себя Россию, как это делал Наполеон III до 1870 года, возбуждая нашу ненависть против себя? Достаточно заглянуть в русские реакционные газеты и официозы, чтобы заметить, с каким искусством они используют враждебность к демократам нашей «охранительной» прессы, чтобы направить ненависть народа вовне, то есть на нас. Безусловно, жалкий царский режим, потрясаемый каждой войной до самых оснований, представляется «удобным» соседом. Подлинно конституционная Россия будет сильнее и чувствительнее к инстинктам масс, а потому беспокойнее. Но не следует себя обманывать: эта Россия грядет - так или иначе. И чем раньше, тем лучше, пока мы с точки зрения как раз «реальной политики» можем опереться на превосходящую силу и пока существует больше шансов полюбовно разобраться в хаосе существующих между нами проблем. Будет гораздо хуже, если эти проблемы придется решать нашим внукам: к тому времени все духовные силы этого рвущегося вперед народа обернутся против нас.

Пока обе нации плохо понимают друг друга. Я не встречал до сих пор ни одного русского демократа, питающего бы симпатию к немецкой культуре; это невозможно без глубокого понимания. Что же касается немцев, то бремя нарастающего благополучия и укореняющаяся привычка к «реальной политике» мешает им сочувственно воспринимать возбужденно-нервное существо русского радикализма. Разумеется, во враждебном мире мы должны быть бдительны, но не следует забывать - мы сами подарили миру самое ценное в те времена, когда были нищими и чуждым остальному миру народом, а будущее сытых народов не зелено, а серо.

переход ееееее к псевдodemократии¹

Автор не претендует на то, что знает о положении дел в России больше, чем кто-либо другой. Но, может быть, он способен к более трезвым суждениям, чем те, кто теперь находится у руля правления. Хотя я по-прежнему горячо сочувствую русскому освободительному движению, я должен особо подчеркнуть: никак невозможно ожидать, что влиятельное большинство в российском правительстве обнаружит искреннее стремление к миру и тем более дружеские чувства к немецкому народу (я подчеркиваю: «к немецкому народу», а не только к нынешнему немецкому правительству). Мирные предложения центральных держав, несмотря на крайне вызывающие и воинственные заявления профессора Милюкова, были вполне искренни. Более того, политически совершенно правильно, вопреки поведению Милюкова, продолжать в том же духе. Потому что мы должны заглядывать дальше вперед. Но должен перемениться характер событий и соотношение сил, чтобы можно было рассчитывать на быстрый успех.

Предрекать ход революции - пустое дело, даже для самых информированных наблюдателей. Предположить, что царская власть рухнет во время войны или даже после войны, не решались и гораздо более информированные люди, чем я. Аграрная реформа Столыпина была ум-

¹ Перевод по: Gesammelte Politische Schriften. Tübingen, 1988. S. 197-215.

ним маневром, потому что она расколола главную силу социальной революции - крестьянство коренных русских областей на две неравные и глубоко враждебные друг другу части. На одной стороне оказались новые, вырвавшиеся из сельского коммунизма собственники - экономически самый сильный элемент крестьянства, тесно привязанный своей собственностью к нынешнему режиму. На другой стороне - оставшаяся в лоне сельского коммунизма пролетаризованная крестьянская масса, считающая увод земли в частные руки грубой несправедливостью к выгоде одних и в ущерб другим. В то же время казалось возможным, что другой носитель социал-революционной идеи - так называемый «третий элемент» - может повести себя иначе, нежели раньше. К «третьему элементу» относятся многочисленные, но плохо оплачиваемые земские служащие. Почти вся как-то занятая в реальном управлении «интеллигенция» принадлежит именно к этой категории. Это - столь важные для России агрономы, ветеринары и вообще все занятые в «народном хозяйстве», а также учителя светских (не церковных) школ и сельские врачи, в отличие от наших получающие твердое жалованье. Именно эти круги «интеллигенции» постоянно имеют дело с крестьянством в его повседневной жизни и пользуются его доверием. Во время предыдущей революции они противостояли государственным органам управления, почти целиком сосредоточенным на полицейской функции, и были главным инструментом социал-революционной пропаганды на селе. Точно так же они были в оппозиции к почетно-добровольному земскому персоналу из имущих сословий, прежде всего землевладельцев. После некоторых перемен в содержании земской работы, а также в составе этого слоя в результате мер правительства Столыпина и самих земств после революции (1905 года. - АК.) позиции этих элементов в революции выглядят не вполне определенными. Конечно, пролетаризация слоев бедней-

шего крестьянства и новое распределение частной собственности ведет к сильному росту численности промышленного пролетариата, не связанного больше с деревней правом на земельный надел. Это было важным фактором уже в предыдущей революции. Но все же этот класс недостаточно многочислен, и происшедшее после Манифеста о конституции подтверждает подозрения, возникающие у всех, кто наблюдает за развитием теперь, а именно: сегодня долговременный успех революции не могут обеспечить в одиночку ни буржуазия и бужуазная интеллигенция, ни пролетарские массы и пролетарская интеллигенция. Все перевороты и всеобщие забастовки терпели крушение, как только их отказывалась поддерживать буржуазия и ее важнейший отряд в российских условиях - землевладельческие круги земства. Даже там, где восставшими массами руководят способные и по крайней мере не чисто эгоистические предводители, как в России, им не хватает по крайней мере для длительной борьбы одной, но зато крайне важной вещи - кредитоспособности. Ею зато располагает буржуазия. И в силу этого она может добыть деньги, а они сегодня абсолютно необходимы для длительного управления любой организации власти (Machtorganisation), пусть даже она называется революционной. Люди нуждаются прежде всего в материальных средствах существования. И чтобы платить армии пусть даже идеалистически настроенных служащих и без конца изыскивать средства для длительного отправления власти, нужны что? Деньги. Так что теперь все зависит от того, поддержат ли буржуазные круги продолжение революции (второй тур - abermalige Revolution). Крупные предприниматели существуют в тяжелой индустрии, их немного, и они настроены безусловно реакционно - повсюду и, конечно, в России (они настолько реакционны, что именно их позиция и возбуждает в массах, как у нас, революционные настроения). А насчет поведения большинства буржуазной интеллигенции и земских

кругов, когда-то побуждавших общество к реформам, с начала революции не может быть никаких сомнений. Их самолюбие, так жестоко пострадавшее, когда рухнули их надежды на власть внутри страны, теперь находит себе выход в романтическом и страстном стремлении к господству на международной арене. Ничего удивительного: кадры высшей русской бюрократии и офицерского корпуса набираются в России, как и повсюду, прежде всего из этих имущих слоев. Константинополь и так называемое «освобождение» славян - это кажется практичным: выполнение этих задач национальной великорусской бюрократией подменяют теперь пустые мечты о «правах человека» и «учредительном собрании». Этот империалистический миф и особенно идея великорусского господства внутри самой России оставались близки буржуазной интеллигенции на протяжении всего освободительного движения. Она боролась как будто бы только за одну свободу, но, как только появились признаки, что эта цель достигнута (1905), все крупные личности в «освободительном движении» (только не Петр Струве, хотя именно его несправедливо за это поносят) обратили свои взгляды на Константинополь и западную границу. Существование украинской нации они отрицали, а Польскую автономию были готовы обсуждать только потому, что для будущей экспансии России нужны были «друзья на западной границе». «Освобождение» всех и всяческих народов было провозглашено особой задачей Великороссийства, в то время как в самой России дело свободы нужно было еще начать и кончить. Маленькая группа идеологов старой драгомановской школы, стремившейся к превращению России в федерацию подлинно равноправных национальностей, или продолжала заниматься самообманом, или полностью потеряла влияние и жила в вечном страхе еще больше раздражить своих товарищей, погрязших в великорусском шовинизме. Вопрос национальной автономии внутри России оказался также,

как с полным основанием подчеркивает профессор Галлер (J. Haller) в появившейся недавно полезной работе «Русская опасность в немецком доме» (Штутгарт, 1917), важным инструментов в руках Столыпина, намеревавшегося подвести демократическую оппозицию, возбуждая настроения великорусского национализма. Твердая вера в якобы «неизбежный» распад Австро-Венгрии и ослабление Турции в Балканской войне крайне возбудили надежды этой империалистической интеллигенции. В Думе она оказалась главным агентом подготовки к войне и вступила в войну под лозунгом «Война до последнего!». С момента совещания великого князя Николая с лидерами кадетов в июле 1917 года (Галлер, С. 80) они весьма неожиданно перешли в лагерь поджигателей войны. От продолжения войны они ожидали укрепления финансовых позиций буржуазии. Представители кадетской партии в начале войны держались мнения, что политическая эволюция России в либеральную сторону «пойдет сама собой». Как именно это происходило бы, коль скоро са-

¹ Эта статья направлена против книги и статей в газете Kreuzzeitung проф. Хетцша (Hoetzsch). Этот господин, постоянно бывающий в России и подающий себя с большим апломбом, демонстрирует поразительное непонимание нынешних российских политических партий. Его книга крайне поверхностна и во всех остальных отношениях и не может служить источником информации о политическом положении в России. А при чтении моих написанных по горячим следам хроник русской революции 1905-06 года нужно иметь в виду, что 1) сегодня даже у нас о России знают гораздо больше, чем тогда, и 2) с тех пор была проведена реформа Столыпина. Значение Столыпина тогда еще нельзя было заметить. Для ориентации в партийных течениях России и соотношении сил между ними (частично изменившемся с тех пор) эти непретенциозные хроники остаются полезным чтением для совершенно неинформированных, если они не поленятся их прочесть (что поленился сделать господин Хетцш).

модержавие и бюрократия после победы в войне неслыханно укрепили бы свой престиж, покрыто полным мраком. Это было бы возможно только в случае тяжелого поражения, на что русские империалисты никоим образом не рассчитывали. Революция ввиду всего этого казалась очень мало вероятной.

Но если все-таки до этого дойдет, то после наших военных успехов решающим будет для этого личное поведение царя. Поражение 1915 года он использовал для того, чтобы нейтрализовать «короля-гражданина» великого князя Николая. Но частичный успех в 1916 году он не использовал, чтобы выйти из войны с почетным миром. Так случилось из-за того, что он надеялся на большее из-за его глубокой ненависти к немецкому кайзеру. После поражения в Румынии оставалась еще возможность добиться взаимопонимания с абсолютно националистическим буржуазным и монархически настроенным большинством в Думе, избранной на основе откровенно классового избирательного права. Пойти к ней и, таким образом, склониться в сторону парламентаризма, очевидно, мешало царю его роковое тщеславие. Быть может, тут была некоторая легкая патология, что позволяет подозревать его особенная «благочестивость», которая в конце концов глубоко оскорбила даже наиболее преданных ему людей. Но это не так уж и важно. Потому что главную роль тут играло его пагубное и необоснованное желание править самому. Но такой монарх, как царь, может делать вид, что действительно правит сам только в том случае, если какой-то чрезвычайно одаренный государственный деятель помогает ему создавать эту видимость. Царь совсем потерял бы ориентацию уже во время предыдущей (1905. - АК) революции, после того как он из ревности и тщеславия уволил графа Витте, если бы рядом с ним не появилась бы (против всех ожиданий) адекватная ситуации фигура Столыпина, которому царь безоговорочно доверился. Без такого опорного помощника неустраани-

мый дилетантизм царя и его беспорядочные и непредсказуемые вмешательства (даже если бы он был куда более одаренным) сделали бы невозможной целенаправленную политику и поставили бы на карту само существование страны и Короны. Вступив на престол в молодые годы, он не приобрел никаких знаний о технике современного управления. Но не это главное. Потому что об этой стороне дела при условии, что монарх не будет мешать, позаботятся толковые чиновники. Но слишком легко забывают, что даже самый выдающийся чиновник именно в силу этого своего качества не годится для того, чтобы быть политиком, и наоборот. А царь был таким политиком еще меньше. От тех, кто действует на скользком льду политики, требуются особые качества: жесткий практицизм (*Sachlichkeit*), точный глазомер, бесстрастное хладнокровие, способность действовать молча. Эти свойства не есть наследственное достоинство Короны. Развить эти свойства трудно любому монарху, потому что само положение монарха располагает его к романтическим фантазиям. А этому монарху такая задача оказалась и вовсе не по плечу. Как раз в монархических государствах нужны сейчас сильные правители, способные в случае необходимости именно исключить из игры политически бездарного государя в интересах государства.

Такое исключение монарха по ходу этой войны становилось все более настоятельным в России именно для наиболее дельного слоя самых что ни на есть недемократических империалистов. Тут не требовалось никаких английских козней. Это было очевидно для входивших в «прогрессивный блок», порой очень социал-консервативных кругов, просто по соображениям интересов дела. Большая политика всегда делается в узких кругах. Но для успеха нужно, чтобы: 1) в их решения не вмешивался такой бездарный монарх, как нынешний царь; 2) им была обеспечена достаточно широкая общественная поддержка; 3) они знали, как ведется силовая борьба там, где в си-

лу самой природы дела регламент, приказы и бюрократическое послушание непригодны как средства достижения цели, а именно так обстоит дело в большой политике. Так вот, исключить по практическим соображениям в его же интересах и в интересах страны бездарного монарха из политического процесса, не разрушая политической структуры, может только очень сильная и пользующаяся доверием широких слоев избирателей парламентская власть. Но такие тривиальные человеческие качества, как ревность профессионального чиновничества, лъстивость напускающих на себя «монархизм» плутократов и эстетический снобизм образованных филистеров и литераторов (всегда пресмыкающихся перед тем, что теперь в моде и, стало быть, «благородно»), десятилетиями мешали установлению этого простого порядка вещей. Эстетически парламент никого не вдохновляет. С точки зрения чистого управления это пустая трата сил и возможность почесать языком для тщеславных людей; любой прилежный чиновник чувствует, что даст им сто очков вперед в сфере своей профессиональной компетенции. В парламент их привлекают только мелкие выгоды и скрытое участие в патронаже должностей, что как раз и отсекает их от реальной власти и ответственности. На самом деле все это справедливо именно в отношении безвластного и поэтому политически безответственного парламента, где самые большие дарования с их вполне оправданным политическим честолюбием остаются не у дел. Это - «псевдоконституционализм», и в этих условиях политическое действие лишено настоящего качества. В Германии, например, самые лучшие и самые честные профессиональные чиновники в мире. В этой войне Германия показала все лучшее, на что способны военная дисциплина и служебное прилежание. Но страшные неудачи немецкой политики показали также, чего этими средствами добиться нельзя. Парламентская власть с помощью простого отбора обрекает - и в этом ее самая важная положительная

функция - политически бездарного правителя и только его на бездействие. Но политически одаренному монарху она оставляет возможность значительного влияния, чем и пользовался, например, Эдуард VII - больше, чем какой-либо другой монарх Новейшего времени. Царю надо было выбирать: или та реальная власть, оставляющая каждому монарху возможность благодаря своему уму и самообладанию влиять на государственные дела, или суетная романтика и патетика внешней видимости власти, затягивающая его в театральное и громогласное вмешательство в ответственные политические решения с пагубными последствиями для политики и, возможно, для самой Короны. Конечно, в России (в отличие от нас) наказуема (как разглашение дворцовой информации) всякая публикация речей и телеграмм монарха, пока на это не даст разрешение уполномоченный чиновник. Но, поскольку этот чиновник всего лишь дворцовый чиновник и за ним нет власти парламента, способного противостоять монарху, опираясь на свой независимый статус, этого не раз оказывалось недостаточно, чтобы воспрепятствовать огласке политически неумных высказываний царя. Нет, его бездарному, беспорядочному вмешательству в политику определенно ничто не мешало. Поэтому даже консервативные круги российского имущего слоя и, можно сказать, именно они стали во время войны приверженцами парламентаризма. Царь, однако, выбрал романтику видимости и до последней минуты не решался разделить формальную власть даже с социал-консервативными силами денежной буржуазии, господствующими теперь в Думе. Но сохранить контроль над страной в ее нынешнем положении, опираясь только на безусловно преданную царю из своих властных интересов полицию и «черные сотни», было никак невозможно. Они показали свою способность организовать покушения, всеобщие забастовки и погромы, чтобы приструнить неудобных министров, - на этот счет есть надежная информация. Они действова-

ли совершенно по собственному усмотрению и были действительно изрядной силой. Но вся материальная основа власти - в полном согласии с чисто полицейским характером государства - находилась в руках именно тех земских кругов, которые были особенно ненавистны царю. Поэтому, когда эти представители «общества» намеренно устранились от дел, дезорганизовались или даже доводились до обструкции, неизбежно останавливалось хозяйственное снабжение страны и главных городов. Это было очевидно и вместе с параличом российских железных дорог в результате переброски войск на румынский театр военных действий сразу же привело к возмущениям.

Но без поддержки буржуазной интеллигенции против старого режима даже как будто бы столь успешное массовое возмущение в скором времени выдохлось бы и было бы потоплено в крови, как это случилось зимой 1905-1906 года и как это случилось бы с пучком болтунов нашей «группы Либкнехта», даже если бы их оказалось в 20 раз больше. Но из-за поведения царя не только грамотные лидеры рабочих, но и ведущие слои буржуазной интеллигенции примкнули к возмущению. Большинство армейских и все офицеры запаса (а их было намного больше) не были готовы долго вести свои батальоны на тех, кто происходил из тех же семей, что и они сами. К тому же даже самые добросовестные из них сочли по практическим соображениям (*sachlich*) неизбежным прекратить непредсказуемое личное вмешательство этого монарха, после того как обнаружились последствия его дилетантизма. Конечно, это «прекращение» пошло существенно иначе, чем большинство из них хотело бы. Оно привело к падению династии, а не к появлению на троне одного из великих князей в роли «короля-гражданина» или к военной диктатуре. Но так случилось, потому что столичным вождям движения сперва пришлось заручиться поддержкой могучего пролетариата, столь необходимого им союзника в борьбе с царем. Го-

лод начался исключительно из-за пробок на железных дорогах, перегруженных из-за того, что наступление в Румынии растянуло фронт. И тут же оказалось, что вожди пролетарских слоев «интеллигенции» так контролируют «своих людей», то есть государственных и других мелких служащих, а также работников железных дорог, почты и телеграфа, что под их нажимом пришлось вручить власть Керенскому и смириться с полным устранением династии. А шансы на скорое установление открытой или замаскированной военной диктатуры в случае продолжения войны были очень велики. В этой обстановке естественно было обратиться за поддержкой к имущим слоям. Но большинство профессиональных офицеров и уж безусловно буржуазные слои нынешней классовой Думы и Временное правительство боялись действительной демократии. А прежде всего ее боялись кредиторы (*Geldgeber*) в самой стране и в союзных странах. Отчасти потому, что они хотели продолжения войны, отчасти потому, что были озабочены сохранностью своих денег. И этот фактор был самый главный. Во время предыдущей революции правительство графа Витте шло то на уступки, то на репрессии, в зависимости от того, что было более целесообразным, чтобы поддержать доверие кредиторов. У буржуазных предводителей нынешнего режима нет выбора: они должны вести себя точно так же. Благодаря иностранным кредитам царь смог в 1906 году уволить Витте, октроировать псевдоконституцию, снова укрепить полицейский режим и «Черную сотню», затем игнорировать Думу и, наконец, совершить государственный переворот. И если найдутся исполнители, то они и на этот раз отыщут деньги, чтобы усмирить страну, воспользовавшись каким угодно псевдodemократическим режимом. Эта задача вполне выполнима — нужно только найти исполнителей. Иностранцу невозможно судить, найдутся ли они. Но совершенно ясно, что режим, который поддерживали деньгами такие люди, как Морозов и

другие предводители архиреакционного крупного капитала, не может быть «демократическим». Господа Милюков и Гучков надеются на отечественные и иностранные банки, а теперь и на Америку даже не столько для продолжения войны, сколько для того, чтобы удержаться в седле против радикалов.

В этих обстоятельствах особенно важно, как будет себя вести правительство в отношении крестьян. Это - красноречивый симптом соотношения политических сил в стране, что было характерно и для предыдущей революции.

По-настоящему хотят мира прежде всего крестьяне, то есть огромное большинство русского народа. Чтобы их умиротворить, нужны в соответствии с их идеалами и реальными интересами экспроприация всей некрестьянской земельной собственности; списание всех иностранных долгов России. Второе - самое главное. Потому что если крестьянам придется платить проценты по этим долгам, то опять начнется уже хорошо известный русским экономистам процесс: этот огромный недоедающий слой населения будет вынужден отдавать зерно и продавать его под давлением непосильных налогов, чтобы страна могла платить проценты по внешним долгам. Так уже было раньше.

Но выполнение крестьянской программы, очевидно, столкнется на практике с непреодолимыми трудностями. Прежде всего экспроприация: она проблематична даже не сама по себе, а из-за того, что в ходе ее осуществления столкнутся интересы отдельных групп самого крестьянства, прежде всего региональных и локальных групп. Если в одном округе экспроприация даст крестьянину 6 га, а в другом 15 га, то, естественно, крестьяне первого округа будут требовать единообразного распределения, а крестьяне второго округа захотят оставить землю своего округа в своем исключительном пользовании. Такие конфликты играли определенную роль уже на первой стадии

предыдущей революции. Помимо этого есть, конечно, и другая трудность: крестьяне не хотят платить за землю, а это означает неразрешимый конфликт с земельной буржуазией. Устранить эти трудности может только долгая социально-революционная диктатура (под социал-революционным правлением я разумею не каких-то особых живодеров, а просто такого политического лидера, для которого «молодая» в российских условиях частная земельная собственность не является безусловной «святыней»). Есть ли в России такие люди, я не знаю. Но прийти к власти надолго они могут, только если будет заключен мир. Потому что только тогда крестьяне вернутся домой и их можно будет политически использовать. Сейчас в деревне одни старики, дети и женщины. А крестьяне подчинены дисциплине, что означает власть господ-собственников и происходящих из той же среды офицеров. Дисциплина сейчас, конечно, очень упала, и наступательная способность армии понизилась, но в интересах имущих слоев эта дисциплина благодаря продолжению войны свое дело делает. Эти слои, естественно, заклятые враги всякого крестьянского движения, поскольку они связаны с господствующими в земствах интересами крупного землевладения. Они, конечно, за продолжение войны, даже если она не сулит им никакого успеха, ради нее самой, поскольку она помогает удерживать крестьян подальше от дома. Только так можно, во-первых, удерживать крестьянскую массу в окопах под командованием генералов и подальше от дома; во-вторых, укрепить новую власть имущих классов до заключения мира и, таким образом, в-третьих, обеспечить денежную поддержку со стороны отечественных и иностранных банков с тем, чтобы организационно укрепить новую власть и подавить крестьянское движение. Ситуация напоминает нашу тем, что наши консерваторы теперь тоже хотели бы за спиной армии, находящейся на чужбине, реформировать прусское избирательное право. Никогда бы такие реак-

ционеры, как Гучков и подобные личности, не вошли бы в теперешнее правительство без гарантий, что настоящее крестьянское движение будет подавлено. Только на таких условиях они вошли в правительство. Это очевидно. И с другой стороны, никогда бы архиреакционные капитаны тяжелой промышленности и председатели торговых палат и банков не подписались бы на «добровольные» займы, а доноры в союзных странах никогда не дали бы кредит новому режиму без гарантий, что они не потеряют деньги, уже одолженные ранее. И это тоже очевидно. Конечно, деньги могут не все. Но без денег невозможно ни одно серьезное предприятие. С миллиардами «добровольных» займов будет возможно, насколько это вообще в человеческих силах, 1) по-прежнему держать крестьянскую массу в окопах и тем самым нейтрализовать ее и 2) пресекать все попытки демократов внутри страны взять власть. Путчи и восстания могут до некоторой степени ограничить власть денег и ее значение для общественной жизни в состоянии войны. Но совсем избавиться от нее невозможно без полного прекращения войны. О соотношении сил между двумя враждебными лагерями до сих пор можно было судить только по такому факту: часть отечественного крупного капитала колеблется, следует ли давать правительству эти добровольные займы, не очень, похоже, доверяя буржуазно-плутократическому правительству. Это - важный симптом.

Но демократы до сих пор не обнаружили способности серьезно поколебать власть финансов. Им, конечно, сделали уступки: предоставили некоторую меру свободы передвижения и свободы агитации (что очень важно практически), а также пообещали республику и вообще много чего наобещали, как это обычно и делается и как это делало царское правительство. Они как будто бы пока что контролируют часть средств сообщения, в частности внутренние телеграфные линии и железные дороги. Но банки выдают кредиты не им, и, пока кредит продолжает-

ся, их способность создать регулярно действующий правительственный аппарат имеет четкие и узкие пределы. Даже многочисленные лояльные к ним служащие прежде всего хотят, чтобы им платили. А деньги от банков поступает только тот, кто 1) продолжает войну и 2) бескомпромиссно подавляет крестьян, чьи идеалы так несовместимы с интересами кредиторов Российского государства.

Правительство никогда не обещало конституанты. Если бы 1) выборы в нее были действительно свободными, 2) а крестьяне были бы должным образом осведомлены о положении дел, то крестьянские представители оказались бы в ней в подавляющем большинстве. И потребовали бы 1) экспроприации земли, 2) списания долгов и 3) мира. Поэтому господствующие имущие слои и высшее офицерство, так же как и крупный капитал внутри и вне страны, заинтересованы в том, чтобы дезинформировать крестьян и фальсифицировать выборы, а если это невозможно, то задерживать их как можно дольше. Но прежде всего им нужно, чтобы строевые солдаты, то есть масса наиболее дееспособных крестьян, любой ценой не были допущены к выборам в конституанту.

Многие социал-демократы, представляющие русских рабочих, тоже не в восторге от трех пунктов естественной крестьянской программы. Подлинные чаяния крестьян кажутся марксистским социал-демократам, как, например, Плеханову, столь же утопичными, как и в 1905 году. Плеханов и другие этически ориентированные марксисты-эволюционисты - заклятые враги «мелкобуржуазных крестьянских идеалов равенства и передела». К этому добавляются и материальные соображения. Рабочие требовали высоких цен и дешевого хлеба. Крестьяне придерживали зерно, а при попытках конфискации оказывали силовое сопротивление. Рабочие в военной промышленности хорошо зарабатывали. Если крестьянам удастся осуществить свои намерения, то капитали-

стическое промышленное развитие России задержится на долгие годы. А социалистически ориентированные рабочие, как и всюду в мире, придя к власти (например, в социалистических городах), оказываются сознательными проводниками капиталистического развития. Но пока они должны делить власть с движением огромного и чуждого им большинства. А они совершенно так же, как и немецкие либералы, убеждены в его детской «незрелости». Естественно, это не мешает их искренней эмоциональной солидарности с крестьянами. И это не мешает рабочим, не занятым в военном производстве, и эволюционно настроенным социалистам выступать за мир. Наконец, это не мешает им требовать конституанты как единственного полномочного органа, во всяком случае «в принципе», что и зафиксировано в их программе. Но это вполне влияет на фактические политические позиции находящихся у власти социалистических политиков, каковы бы ни были все их принципы.

Социалистически настроенные вожди рабочих могут с помощью обструкции вырвать уступки у буржуазного правительства, но не у крестьянской конституанты. Собственными силами, без участия буржуазных слоев они не сумеют организовать длительное управление страной, пока продолжается война. И главная причина этому - их недостаточная кредитоспособность. Именно кредитоспособность остается важнейшим фактором участия во власти, пока длится война. Но решительно выступить против продолжения войны они, тем не менее, не рискуют. Потому что как раз теперь они не могут обойтись без единственно кредитоспособных буржуазных слоев в качестве союзников. А те в свою очередь без продолжения войны кредитов не получают. Таким образом, пока ситуация не изменится, социал-демократы и социалисты-революционеры могут оставаться только «попутчиками», и их участие в правительстве будет желательно лишь постольку, поскольку оно будет симулировать революци-

онный характер правительства. Но главный вопрос о войне и мире будут решать не они, а имущие буржуазные слои, офицерство и конечно же банки. Все, что произошло до сих пор, - не революция, а лишь устранение неспособного монарха. Реальная власть по крайней мере наполовину остается в руках монархически настроенных кругов, и они участвуют в нынешнем республиканском балагане только потому, что монарх, к их сожалению, оказался неспособен выполнять то, что от него требуется в рамках его компетенции. И не так уж важно, установится ли в результате глупостей и ничтожества династии «республика» (по крайней мере по форме) на долгое время, чего эти круги на самом деле не хотели бы. Это зависит только от того, сумеют ли действительно «демократические» элементы - крестьяне, ремесленники, рабочие вне военной промышленности - захватить власть. Нельзя сказать, что это невозможно. Но пока это во всяком случае не произошло. Но, как только представители буржуазии в правительстве Гучков, Милиуков и др. получат деньги от Америки и от банков, наступит удобный момент для того, чтобы совсем избавиться от революционных попутчиков с помощью офицерства и гвардии. И когда нужно будет решаться на действительно революционные шаги, социалистические идеологи обнаружат, что сила денег и господствующие ныне буржуазные круги окажутся вместе против них. Все политики, еще сохраняющие свой радикализм и готовые править вместе с этими силами, будут обречены на те жалкие роли, которые теперь играют такие люди, как Керенский и Чхеидзе. Тут действует очень простая логика.

Для тех, кто сомневается в этой логике (а такие наивные умы наверняка найдутся в нейтральных странах и даже у нас), проделаем несколько упражнений, которые как будто должны убедить всякого непредвзятого человека.

1. Вся масса крестьян сейчас находится на фронте. Радикалы, если они в самом деле «антимилитаристы», должны прежде всего настаивать на том, чтобы люди могли выразить свое мнение тайным голосованием и на выборах (тайна их голоса должна быть строго гарантирована). А реакционеры и только они, как говорилось раньше, заинтересованы в том, чтобы удержать крестьян на фронте и не допустить участия фронта в голосовании. Пока в деревне только старики, женщины и дети, крестьянство бессильно. А тем, кто остался в тылу, легко агитировать за продолжение войны. Они зарабатывают на войне деньги, и для них те, кто где-то там воюют, - клиентура. Все это совершенно ясно. А если все же радикалы участвуют в попытках устранить армию от выборов, значит, они не хотят мира, потому что «не могут хотеть». Если корреспонденции не просто сфабрикованы, то что может значить такое: эмиссары нового правительства, включая реакционера Гучкова и революционера Керенского, находились в ставке (архиреакционного) генерала Брусилова. И что же там происходило? Они были заодно (по вопросу об участии армии в выборах. - АК). Согласно более поздним сообщениям участие армии [в выборах] в какой-то форме все же состоится. Но многое еще надо проверить.

2. «Радикальным» (якобы) петербургским вождям были отправлены совершенно открытое и недвусмысленное разъяснение центральных держав, а также телеграмма немецкой социал-демократической партии. Простая проверка выглядит так: попытается ли нынешнее правительство, где сильная личность - Керенский, или хотя бы конкурирующее правительство (видимо, Петроградский совет. - АК), где сильный человек - Чхеидзе, настоять на мирных переговорах между центральными державами и Антантой. Если они заставят своих партнеров войти в мирные переговоры (угрожая, что они сделают это сами), то это будет второй проверкой. В ближайшем будущем это станет ясно.

3. Возможны и другие мысленные упражнения. Например, переговоры о мире невозможно начинать с открытого прокламирования условий, которые противник должен принять в качестве «ультиматума» до начала переговоров. На это не пойдет ни один противник. Но именно так поступает профессор Миллюков (и «радикал» Керенский не возражает) в своем манифесте относительно Польши и разъяснениях по поводу Сербии. Во всей Германии, как ему прекрасно известно, не найдется никого, кто бы согласился вести переговоры о тех областях рейха, где органично сожительствуют немцы и поляки. Но именно об этом и идет речь. Предлагается, чтобы независимость поляков, гарантированная Россией в 1815 году после того, как русский царь коварно нарушил это обещание, была бы теперь гарантирована заново. Вопрос в том, где будет проходить восточная граница этой области (Польши. - АК). По немецким представлениям тут решающим должно быть мнение поляков. Поляки теперь вышли из Думы, и, таким образом, Дума теперь не может говорить от их имени. Так что полномочия, предоставленные профессору Миллюкову обсуждать этот вопрос, попросту фиктивны.

Кроме того, есть еще проблема национальностей внутри самой России. Украинец Драгоманов в свое время предложил подлинно демократический путь решения этой проблемы: совершенно свободная федерация с союзным парламентом, контролирующим только формальную законность актов автономных местных парламентов (ландтагов) и управляющих делами отдельных народов. Теперешнее русское правительство не могло обойти проблему национальностей и пообещало некоторое равноправие. Но нет и речи о замене великорусского чиновничества и офицерского корпуса функционерами, которых свободно выбирала бы себе каждая национальность, или о ландтагах или других подобных правомочных институтах, то есть о такой автономии, ка-

кой пользуются, скажем, чехи, хорваты или словенцы в Австро-Венгрии.

Так что, пока нынешнее правительство у власти, демократия в России имеет весьма жесткие границы. И это потому, что империалистически настроенные члены правительства и в особенности думские круги хотят именно господства бюрократии и офицерского корпуса, формируемых исключительно из их среды, то есть великорусской среды, над другими народами. Так было всегда, независимо от того, кто правил Россией. Из-за этой проблемы и вспышки великорусского национализма потерпела поражение предыдущая революция. Социалисты, опасаясь, что это может повториться, тоже должны как-то к этому приспособиться. Господин Гучков и другие депутаты классовой Думы дают обещания по «национальному вопросу». Но никто не верит, что они будут добросовестно выполнены, как не были выполнены и царские обещания. Не верит в это и сам господин Гучков. И уж тем более не верят в это господа Керенский и Чхеидзе. Но им приходится принимать во всем этом участие.

Потому что - повторим это еще раз - политики, участвующие в нынешней власти, независимо от их направления, нуждаются в банках с их деньгами. Лишь ничтожная часть этих денег расходуется на войну с центральными державами. Львиная их доля расходуется на то, чтобы обеспечить господство над страной представителей капиталистических интересов и интересов великорусской имущей интеллигенции (Intelligenz). Для этого прежде всего нужна армия (Wehrmacht), столь же лояльная буржуазному режиму, как были «черные сотни» в отношении царского режима. Эта армия в первую очередь ориентирована на внутреннего врага. Только что именно на это дали авансы банки и крупные промышленники. Затем, необходимо держать под арестом всех тех, кто пользуется влиянием среди крестьян, помогая им отстаивать их интересы. К этому средству прибегал и царский режим.

Аресты уже начались. Этих радикалов объявляют немецкими агентами. А атмосфера выборов в конституанту (если эти выборы вообще состоятся во время войны) отравлена лживыми утверждениями, будто «Германия поддерживала старый режим». Несколько слов об этом.

В 1905 году один академически образованный русский, бывший тогда в Германии, со всей серьезностью спрашивал меня, может ли Германия вмешаться, если в России произойдет экспроприация земельной собственности, и если да, то сможет ли социал-демократия этому помешать. Любому в Германии оба эти вопроса покажутся смехотворными, но мой отрицательный ответ на них вызвал у моего собеседника глубокое недоверие. Конечно, поведение консервативной прусской полиции помогло возникновению таких представлений: ее недостойное поведение и те медвежьи политические услуги, которые она нам оказала, я не буду здесь опять перечислять. Я надеюсь, что это теперь уже в прошлом. А что касается всяких дурацких сказок, то их прямым инициатором был в 1905 году архиреакционный губернатор Варшавы Скалон, который очень хорошо знал, что делает. Ни один сегодняшний петербургский властитель этой чепухе не верит. Но нуждается в ней так же, как когда-то Скалон. То же самое, по-видимому, относится и к русским социалистам. Их представители должны выбирать, или они принимают участие в этих жалких играх, или отказываются от участия во власти. Точно так же они вместе с партнерами должны игнорировать призыв к миру со стороны центральных держав и терпеть появление военных манифестов и интервью, где в качестве целей войны называются: «уничтожение прусского милитаризма», «свержение Гогенцоллернов» и раздел турецких, австрийских или немецких земель. Потому что иначе не будет денег для поддержания их господства в стране.

Это предельно ясное положение русской псевдodemократии и в особенности социалистических вождей в

России ставит серьезные задачи перед немецкой социал-демократической партией и ее вождями.

Ибо дело теперь обстоит так. Наряду с уже упомянутыми очень материальными обстоятельствами русские социалистические вожди исходят из одной базовой предпосылки. Они думают, что, когда у наших границ стоят полчища негров, гуркхов и прочей варварской нечисти, готовые опустошить нашу страну в угаре бешенства, мстительности и алчности, немецкая социал-демократия купится на мошеннические уловки российской думской плутократии и согласится нанести моральный удар в спину армии, которая защищает нашу страну от дикарей. Одновременно они очень сильно недооценивают немецкую военную мощь и нашу готовность, если будет нужно, принять на себя все лишения, чтобы добиться длительного мира, если русским властителям, как можно предвидеть, опять удастся сорвать мирные переговоры. Немецкий народ должен обязательно знать: в России сейчас нет и речи о «демократии» и понимать почему. С подлинно демократической Россией можно было бы в любой момент заключить почетный мир. С нынешней, очевидно, нельзя: ее властителям, чтобы сохранить власть, нужна война.

Конечно, ужасно, что наши войска после трех лет войны все еще должны оставаться на фронте из-за того, что плутократическая половина нынешнего российского правительства пытается сохранить власть в стране, удерживая крестьян в окопах и используя банковские кредиты, а также потому, что социалисты недостаточно сильны как некредитоспособные и вынуждены из-за этого жить с волками и выть по-волчьи. Однако, если не случится новый переворот или изменение в распределении власти, пройдут по меньшей мере месяцы, прежде чем заинтересованность широких буржуазных элементов в России в порядке, для которого нужен устойчивый мир, так или иначе пробьет себе дорогу. Такой момент безусловно на-

ступит. Но до того будет продолжаться бескомпромиссная война. Этому на самом деле нет альтернативы. Пока есть настоящая надежда, что в России победят силы мира, есть и основания предоставить русских самим себе. Но, если окажется, что там верх берут силы, заинтересованные в войне, эти основания исчезают.

Что касается нас самих, то, наблюдая теперешнюю псевдодемократию в [России], мы можем извлечь только один урок: такой балаган, как нынешняя Дума, избранная на основе такого избирательного права, не должна нанести моральный ущерб Короне¹. Подчеркнуть это кажется своевременным еще и сейчас.

¹ Так у Вебера. В апреле 1917 года никакой «короны» вроде бы уже нет, так что не совсем понятно, что он имеет в виду. - *Прим. пер.*

XXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX

и внешняя янания

(XXXXXXXXX)¹

Сперва я должен сделать некоторые замечания в адрес «левых».

После того как и у нас дело дошло до частичной политической забастовки, социал-демократия оказалась одним из лидеров этого неорганизованного движения. В государственно-политическом смысле это, может быть, полезно. Но в чисто практическом плане следует настоятельно напомнить (хотя я знаю, что в социалистических кругах не склонны прислушиваться к советам посторонних), что всякая партия, прямо или косвенно виновная в заключении невыгодного или ненадежного мира и наносящая удар в спину немецким дипломатам, ведущим переговоры, на самом деле затрудняет заключение мира и тем самым исключает себя из немецкой политической жизни. Десятилетиями ей будут об этом напоминать. А опасность [такого мира] сохраняется. И вот почему.

Мы заключили бы мир на Востоке с теми, кто будет лояльно выполнять его условия, кто бы это ни был. Лучше всех знающие большевиков, насколько мне известно, по личным контактам и самые объективные свидетели (из радикально-социалистических кругов) уверены, что большевики продержатся у власти не больше нескольких

¹ Перевод по: *Gesammelte Politische Schriften*. Tübingen, 1988. S. 292-294.

месяцев. Ясно во всяком случае, что их правительство - это правительство ничтожного меньшинства. Оно опирается на уставшую от войны армию. В силу обстоятельств (и совершенно независимо от искренности их убеждений) они обречены на чисто военную диктатуру и при этом не диктатуру генералов, а диктатуру капралов. Видеть за ними «классово сознательную» пролетарскую массу европейского образца - совершеннейший бред. За ними стоит солдатский пролетариат. Это имеет последствия. Какие бы цели ни преследовали петербургские литераторы¹, их аппарат власти - солдаты - ждут и требуют только одного: зарплат и военной добычи. И этим определяется все. Я должен напомнить социал-демократам: ожидалось, что зависимость Керенского от его вполне конкретных инструментов власти будет иметь последствия, и эти ожидания в значительной мере оправдались. Хорошо оплаченная Красная гвардия абсолютно не будет заинтересована в мире: она в этом случае лишится работы и дохода. Так же мало нужен мир солдатам, которые вторгаются на Украину, в Финляндию и в другие области (включая коренные русские) под предлогом их «освобождения» и взимают с них контрибуцию. Единственное авторитетное учреждение России, по крайней мере формально демократически избранное, а именно Учредительное собрание, с треском лопнуло. Не из-за каких-то принципиальных расхождений - самая сильная партия в Учредительном собрании соблюдала перемирие и продолжала вести переговоры о мире. А из опасений, что новые распорядители ресурсов могли бы допустить к зарплатам и военной добыче других преторианцев и служащих, а также другие войска. Такого откровенного милитаризма в настоящее время нет больше нигде. Все ост-

¹ Так Вебер иногда иронически называл политически активную интеллигенцию. - *Прим. пер.*

тальное, объективно говоря, жульничество. Цели, объявляемые руководством, только вводят в заблуждение. Даже если в субъективном плане они провозглашаются вполне искренне. Но даже эти цели насквозь империалистические. И с ними солидарны почти без исключения все русские интеллектуалы. Ибо неправда, что существует только буржуазный империализм. Империалист - это всякий, кто под благовидными предложениями вмешивается в дела других народов еще до того, как наведен порядок в его собственном доме. Солдатский империализм большевиков, пока он существует, угрожает безопасности и независимости сопредельных народов, и очень маловероятно, что правительство, зависящее от таких милитаристских массовых инстинктов, сможет вообще заключить искренний мир, даже если оно этого хочет. Отсюда вытекает все. Искренне миролюбивая федеральная и республиканская Россия была бы, разумеется, прекрасным соседом, а мы безусловно заинтересованы даже во временной безопасности. В этом случае нам было бы совершенно безразлично, что происходит по ту сторону границы. Но прежде всего пока не видно, чтобы русский радикализм совершил такой пацифистский поворот, а какой ярлык наклеен на русский империалистический экспансионизм - царистский, кадетский или большевистский, для нас безразлично: его результат для нас одинаков. И таким образом, когда забастовщики требуют мира, это значит, что они не имеют никакого представления о реальности. И заключение мира на условиях, выдвигаемых правительством [другой стороны], которое хочет не мира, а власти, дискредитирует всякого, кто пойдет на сделку с таким правительством. И как бы ни были эти факты неудобны для вождей рабочих, они должны объяснить им это с предельной ясностью; в противном случае тут нечего обсуждать.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
(XXXXXXXX)¹

Подчеркнем с самого начала, что, разумеется, избирательная реформа никак не связана с тем, что теперь происходит в России. В том смысле, что мы никоим образом не пытаемся стать более «демократичными», соревнуясь с новоиспеченной русской «демократией». Пока Россией правит комитет в виде Думы, избранной на основе сугубо классового (куриального. - А/С) избирательного права. Если нейтралам и американцам теперь нравится в связи с Россией употреблять такие слова, как «революция», «свержение царя», «республика», то это их дело. На самом деле пока имела место только *чисто техническая* операция: *устранение* совершающего дилетантскую ошибку царя; он хочет «править сам» и из тщеславия не признает необходимости - в его же собственных интересах - разделить свое право с сильной парламентской властью. Конечно, никто сейчас не знает, каковы могут оказаться нежелательные побочные последствия этого упрямства царя. Вождями революции были монархисты, крупные землевладельцы и офицеры, а за кулисами и великие князья (существовало взаимопонимание между великим князем Николаем, буржуазным королем *in spe*², и вождями кадетов, как замечает профессор J. Haller в своей работе «Русская опасность в немецком доме» [Die russische Gefahr im deutschen Hause, Stuttgart, 1917. S. 80], указывая на разго-

¹ Перевод по: Max Weber. Gesamtausgabe. 1/15. Mohr Siebeck, 1984. S. 224-227.

² В будущем (лат.).

вор Милюкова и великого князя Николая Николаевича в июле 1914 года). Эти в высшей степени недемократические круги русских империалистов устранили старый режим по чисто *деловым* соображениям. Они безусловно сами сожалеют, что им пришлось прибегнуть к таким радикальным мерам. Но против организованной царской полиции им пока, конечно, нужно содействие пролетариата как пушечного мяса. Его помощь будет им нужна до тех пор, пока они не создадут собственный надежный аппарат господства, и вопрос только в том, каким образом и как быстро им это удастся. Но, чтобы иметь возможность заняться этим без помех, необходимы два условия. Прежде всего, нужно удержать в окопах *крестьян*, от которых исходит угроза настоящей революции: безвозмездной ликвидации крупного некрестьянского землевладения и аннулирование государственного долга. Дисциплина в армии делает армию недееспособной, но пока ее все-таки хватает, чтобы помешать массовому прибытию крестьянской молодежи обратно в деревню, где сейчас остались одни женщины, старики и дети, не способные к революционным действиям. Далее, им нужны *кредиты* от своих и зарубежных банков, чтобы организовать власть. Для всего этого, очевидно, нужно продолжать войну, до тех пор, когда можно будет безбоязненно позволить крестьянам вернуться домой. Такая «демократия» - бравурный блеф и надувательство. Нам тут совершенно нечему «учиться». Разве что нужно принять к сведению замечание до сих пор архиреакционного «Нового времени», что царь безнадежно утратил доверие крестьян, поскольку он «не держит слова, данного им публично» (Вебер намекает, что то же самое произошло и с кайзером. *AJQ*). Новый режим, таким образом, остается для нас все тем же старым режимом под новой маркой. Поэтому разъяснение имперского правительства по поводу наших отношений с русской демократией выглядят правильно и политически благоразумно. Мы снова и снова должны подчеркивать, поскольку это правда, что мы готовы были бы легко и в любую минуту договориться о

почетном мире с любым действительно демократическим русским правительством. Легче всего нам было бы с крестьянами, которым мир нужен гораздо больше, чем петербургским рабочим военных заводов или буржуазии, заинтересованной в капиталистической экспансии России.

Для нашей же внутренней политики положение в России практически означает то же самое, что и вступление в войну Америки, а именно что война пока *будет продолжаться неопределенно долго. Именно поэтому* необходима реформа прусского избирательного закона, ибо только так мы сможем избежать опасности крайнего озлобления народа. Каждому на фронте ясно: *если Англия глубоко реформировала избирательное право в ходе войны, мы тоже можем это сделать.*

Но самое главное: нельзя ни в коем случае пойти на *мошеничество*, как это случилось в России в 1905 году и как это, судя по всему, происходит теперь.

русская ccccccccc и aaa¹

Падение правительства, которое было настроено на войну с нами самым решительным образом, конечно, могло бы решительно изменить наши отношения с Россией. Если бы можно было реалистически надеяться, что Россия станет на долгую перспективу «¹империалистическим государством и превратится в федеральную демократию, то само собой наши страны могли бы жить рядом в мире и дружбе и мы могли бы прекратить войну без всяких дополнительных гарантий. Более того, существование такой России позволило бы нам уладить наши внутренние проблемы без оглядки на страшную угрозу, которой уже 30 лет чревато для нас соседство с ней. Тогда третейские решения о сокращении вооружений приобретут на практике то значение, которое они пока имели только для пацифистов. Вопрос в том, возникла ли уже такая федерально-демократическая Россия и может ли она возникнуть и длительно существовать. Я горячо сочувствую русскому освободительному движению, но это не мешает мне сомневаться в такой возможности, пока дела обстоят так, как они обстоят сейчас.

Очевидно, что русское правительство ведет двойную игру. Некоторые члены этого правительства делали заявления, адресованные русским радикалам, склонным к почетному миру. Другие же говорили то, что приятно слышать Антанте или империалистической буржуазии. Вме-

сте они представляют собой своего рода дипломатические качели. Правительство как единое целое (самая сильная личность там во внутренней политике Керенский, во всяком случае был до сих пор) разъясняет, что не хочет никаких аннексий и возмещений и в качестве «гарантий» удовлетворится разоружением и третейским решением. Но министр иностранных дел профессор Миллюков ведет тайную корреспонденцию, называет себя «незаменимым» на этом посту с точки зрения Антанты и идентифицирует себя с империалистическими целями. Его опровергают, но он остается в должности с согласия других и время от времени, несмотря на все опровержения, повторяет свои империалистические высказывания. Теперь он, может быть, не будет этого делать открыто, но в корреспонденции он все больше связывает себя с Антантой.

Возможность неимпериалистической политики зависит от состава органов власти. Есть официальное «временное правительство». Есть фактически параллельный ему «совет рабочих и солдатских депутатов», чья роль как будто бы состоит в том, чтобы контролировать другой орган власти. Официальное правительство формально легитимировано Думой. Большинство в Думе настроено крайне империалистически. Ее председатель монархист Родзянко продолжает настаивать, что мир невозможен без сохранения «верности» Антанте и «победы» России. Это значит, что мира пока не видать. Важная фигура во временном правительстве господин Гучков, способный управленец, состоящий в партии «Союз 17 октября», связанной с крупными землевладельцами и буржуазией. Ему совершенно чужды демократия и федерализм. «Союз 17 октября» и создан-то был когда-то, чтобы им противостоять, как противовес «кадетам», которые тогда были по меньшей мере официально демократами и до некоторой степени федералистами. Кадеты составляют ядро официального правительства. Они настроены империали-

¹ Перевод по: Max Weber. Gesamtausgabe. 1/15. Mohr Siebeck, 1984. S. 291-297.

листически и склоняются к «буржуазной монархии». С июля 1914 года, после упомянутого уже разговора с великим князем Николаем, центральный орган кадетов газета «Речь», враждебная до этого войне, перешла на сторону милитаристского лагеря. Профессор Милуков, один из лидеров кадетской партии и высокочтимый ученый, полностью погрузился в империалистическую романтику и превратился в ходе войны в главного пропагандиста империалистической идеи как у себя дома, так и за рубежом. У этой партии сильные связи с Англией, и она не пойдет против нее. Буржуазная монархия сейчас пока невозможна, но со временем может установиться сравнительно легко. Военные цели профессора Милукова абсолютно *те же самые*, что у царя. Это правительство никогда не допустит подлинного федерализма, то есть автономии инородцев со своими ландтагами, собственным (не русским) офицерским корпусом и укомплектованным из их собственной среды управленческим аппаратом. «Кадеты» тоже слишком сильно связаны с пребедарными интересами великорусского чиновничества и панславистской мифологией.

Как же обстоит дело с *радикальными* членами правительства вроде Керенского и с неофициальным правительством, где сильная фигура теперь Чхеидзе? На Керенского возлагают большие надежды украинские автономисты. Они будут разочарованы, пока у власти находится правительство с нынешним составом. Керенский не может, даже если он в самом деле хотел бы, провести в жизнь федералистские требования. Хотя он на публике и дезавуирует империалистические требования своих кадетских коллег, по всему видно, что на самом деле он их приемлет; он даже не может помешать ненавистническим речам Родзянко и должен мириться с тем, что окончательное слово принадлежит империалистической Думе. У него немалая власть, но она намного слабее власти буржуазных кругов, связанных с английским посланни-

ком. Между тем очень маловероятно, что состав правительства изменится. Чуть позже мы увидим почему. Все кадетские лидеры объявили о своей солидарности с Милуковым.

Не приходится сомневаться в субъективной честности Чхеидзе и других членов параллельного правительства. Но это «интеллектуалы», и по опыту известно, что русский «интеллектуал», к какой бы партии он ни принадлежал, становится, если эта партия участвует во власти, не «национально» ориентирован, как радикалы во всех странах, а «националистиче~~ш~~» и империалистически ориентирован. Эта ориентация может принимать разный колорит, но суть дела остается неизменной.

Есть только *один критерий* подлинно демократического и неимпериалистического настроения. Подлинный демократ тот, кто не лезет в чужие дела и готов установить демократический порядок в собственной стране. Если он к этому *не готов*, то он империалист, отдаст ли он сам себе в этом отчет или не отдаст. Чхеидзе, едва оказавшись у власти, призвал немецких рабочих «свергнуть Гогенцоллернов», в противном случае война будет продолжаться до последнего патрона. Такое вмешательство в наши внутренние дела - империализм. И нам совершенно безразлично, в какой форме этот империализм выступает - деспотической, либеральной или социалистической. Империалист это тот, кто *за пределами* сферы интересов своей нации *силой вмешивается* в дела *других* наций. Скажем это напрямик В России Чхеидзе и его партии всю работу предстоит начать и кончить. Если же они, как это характерно для всех русских интеллектуалов, вместо того, чтобы обеспечить правовой порядок у себя дома, будут заботиться об освобождении *других* народов, то на это возможен один ответ - как и царскому режиму: *война* и создание военных *гарантий* (безопасности. - АК) на востоке в качестве цели этой войны. Немецкому народу, может быть, противно находиться под сапо-

гом плутократии, заседающей в прусском трехсословном парламенте, но еще меньше ему улыбается попасть под господство заграничных империалистических грамотеев (Literaten). Русские политики должны забыть о делах чужих наций; *только так* они могут доказать, что они подлинные демократы.

Ввиду всего этого теперь надлежит спросить: есть ли гарантии, что русское правительство, если его сейчас все же считать демократическим, останется демократическим *в будущем* и будет соблюдать обещания тех, кто сейчас у власти? Для этого тоже есть *только один* критерий. Русское правительство должно вынудить своих союзников приступить к *мирным* переговорам на основе его программы, угрожая союзникам, что если они за ним не последуют, то оно сделает это без них. Если у демократии нет сил это сделать, то у нее не найдется и сил для того, чтобы участвовать во власти в самой России. А в таком случае рано или поздно империалистическая буржуазия установит полный контроль над страной. Если опасаться *этого*, то нам, разумеется, следует продолжать борьбу, и если так, к нашему глубокому сожалению, случится, то в дальнейшем придется требовать гарантий нашей безопасности. Наша *заинтересованность* в мире в данный момент не больше, чем была в начале. В ближайшее время ожидаются трудности с продовольствием, но мир *не может* их устранить. Потому что неурожай во всем мире и неимоверно высокие цены помешают импорту продовольствия в Германию. Но, если мы сможем сберечь один урожай, наша заинтересованность в мире становится меньше, чем у противника. Потому что, только пока продолжается война, мы владеем *румынской житницей* и можем распоряжаться ее урожаем по своему усмотрению. Это в Германии знает каждый, во всяком случае, может знать. Поэтому со стороны русских демократов в высшей степени глупо, если они рассчитывают, а они, кажется, рассчитывают, что заинтересованность Германии в мире

возрастает. Но я думаю, что их поведение все же определяется не этим. И не опасениями России, что в случае распада Антанты Япония нападет на азиатские владения России. Есть такая версия, и я с ней тоже не согласен. Если русские демократы боятся реализовать себя по этой причине, то это тоже, по меньшей мере, попросту глупость. И я думаю, что на самом деле они прекрасно понимают это сами. Потому что если японское правительство это сделает, то оно повесит себе на шею опасность русского отмщения в будущем и лишится безопасного тыла в своем противостоянии Америке. Япония это прекрасно знает. Поведение русского правительства определяется полностью *внутриполитической* обстановкой в России.

Реакционные в социальном смысле элементы в Думе и во Временном правительстве, где важную роль играют крупные землевладельцы, стоят перед необходимостью прежде всего [укрепить] *свою собственную власть* в стране. Для этого им нужно, во-первых, усмирить крестьян, требующих безвозмездного распределения крупных частных владений, а во-вторых, им нужны *деньги*. Демократически настроенных крестьян можно нейтрализовать, только удержав их в окопах в тисках военной дисциплины. А деньги можно получить только у собственных банков и крупных промышленников или у стран Антанты. Но денежные мешки - как отечественные, так и зарубежные - дадут деньги только в том случае, если будут усмирены радикально-революционные крестьяне, то есть если будет продолжаться война. Все заемные средства, таким образом, будут пущены в первую очередь на борьбу с внутренним врагом, угрожающим нынешней власти, а не на борьбу с внешним врагом, для чего нужны гарантии, что он не будет активно действовать на фронте, если его не будут провоцировать. Об этом свидетельствуют предложенные общественности сообщения о недавних консультациях. Дума продолжает войну, чтобы

удержаться у власти. Только продолжая войну, русская плутократия получит возможность фальсифицировать в удобном для нее смысле выборы в конституанту, когда это окажется уже неизбежным. Если же правительство будет сформировано из радикалов, то оно не сможет утвердиться у власти, поскольку ему не доверят деньги, не считая его кредитоспособным. Поэтому радикалы мирятся с двуличием своих партнеров по правительству и сами выступают как империалисты. В долгосрочной перспективе они, таким образом, сами роют себе могилу.

Ввиду всего этого *немецкому* правительству трудно объяснить общественности, ради чего ведется война. Поэтому что в данный момент война кажется совершенно *бесцельной*. Но, несмотря на это, правительство, надо надеяться, сделает честный и *в силу этого* политически верный шаг, а именно объяснит, что на основании последнего совместного (Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. - А/С.) заявления Германия *готова к немедленному миру с Россией на тех основаниях, которые в этом заявлении изложены* [имеется в виду заявление от 4-5 мая с предложением мира без аннексий и с соблюдением права всех народов на самоопределение].

Ганс Дельбрюк,
Макс Вебер,
Макс граф Монжеля,
Альбрехт Мендельсон -Бартальди

ОБЪЯВЛЕНИЕ О
СОЮЗНИКОВ И АССОЦИИРОВАННЫХ
НИ ВОЗНОСХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ОБЪЯВЛЕНИЕ¹

у
51

I. О необходимости
беспристрастного расследования

Мы, авторы этого письма, полагаем, что вопрос об ответственности за развязывание войны не может быть решен одной стороной, то есть одной из партий в войне. Лишь беспристрастная комиссия, признанная обеими сторонами, имеющая доступ ко всем архивам и доводящая до сведения обеих сторон все материалы, может позволить себе выносить приговор, определяя меру ответственности каждого правительства за катастрофу, обрушившуюся на все человечество.

¹ Перевод по: Gesammelte Politische Schriften. Tubingen, 1988. S. 571-586.

В докладе Комиссии союзников и ассоциированных стран содержатся совершенно несостоятельные суждения. В приложениях II и III мы рассмотрим те из них, которые касаются чисто военных аспектов дела. В следующих параграфах мы займемся, по возможности кратко, политическими аспектами.

И Дипломатические переговоры

Прежде всего, не может быть и речи о каком-то военном превосходстве Германии. Надежные цифры показывают, что, если не брать в расчет ландштурм и подобные формирования, Германия и Австро-Венгрия при населении 116 млн человек имели под ружьем 6 млн. Россия и Франция с населением 210 млн человек располагали армиями в 9 млн. Впечатляющее превосходство и, как видим, не в пользу Германии.

Что касается высказывания генерала Мольтке, которое ему ошибочно приписывают, мы займемся им в приложении IV, Мольтке вообще относился неодобрительно ко всякой войне. Один из подписавших это письмо, граф Монжела, два года работал под началом Мольтке, и он подтверждает фактами отрицательное отношение генерала к войне вообще и, в частности, его скептицизм относительно исхода мировой войны.

Сербско-австрийский конфликт имел глубокие корни. Экономически Сербия была слаба, но тем не менее правительство в Белграде имело великосербские устремления, которые представляли угрозу Австро-Венгрии. Эту проблему мы не можем здесь обсуждать подробно. Все же следует решительно отвергнуть мнение, будто между Берлином и Веной существовал тайный сговор уничтожить Сербию. Германское правительство открыто заяви-

ло в докладе Рейхстагу 3 августа 1914 года, что оно после покушения в Сараеве понимает настроения в Вене и согласно, что Австро-Венгрия должна что-то сделать. Цели австро-венгерской акции Берлин не определил, но предполагалось, что они должны быть вполне ограниченными и ни в коем случае не аннексионистскими. Граф Тиса сообщает, что он согласился на ультиматум при условии, что в нем ничего не будет говориться о возможных аннексиях.

Сомнительные разоблачения Эйснера и других, позднее включенные в доклад Комиссии, если и не искажают истинное положение дел, то, во всяком случае, не добавляют ничего нового. Переписка между двумя кайзерами и их правительствами полностью опубликована. Коронный совет 5 июля не заседал. В докладе Комиссии говорится лишь очень неопределенно о каких-то решающих совещаниях. В приложении V мы скажем о том, были ли такие совещания на самом деле. Поездка кайзера на север состоялась в соответствии с его нормальным годовым календарем. Прусский военный министр испросил себе отпуск уже 2 июля. Кстати, следует заметить, что упоминаемый Комиссией «Баварский доклад», указывающий на многочисленные ошибки (уже признанные открыто), составил не посланник граф Лерхенфельд, а легат-советник фон Шен. Далее, совершенно необоснованно утверждение (со ссылками на германские документы), что Болгарию в то время побуждали к войне с Сербией.

Австрия действительно ввиду несдержанных обещаний Сербии считала, что не может больше удовлетвориться дипломатическими ходами, но должна теперь полагаться на военную экспедицию. Германия была согласна и поощряла Австрию - это правда.

Сегодня мир мечтает о таком союзе народов, который не допустил бы больше военных мер и в котором все нации, большие и малые, сильные или слабые, располагали бы одинаковыми политическими и экономическими

правами. Но тогда страны, выступавшие против Сербии, действовали в согласии с опытом других стран и надеялись, что эта мера ликвидирует опасный источник мировой войны. Тем не менее само германское правительство в 1914 году считало ультиматум слишком решительным («Синяя книга», § 18). В нем, по мнению подписавшихся, особенно жестким выглядит короткий и, несмотря на последующие просьбы, так и не продленный 48-часовой срок выполнения ультиматума.

Кроме того, германское правительство в своей ноте от 28 июля само признало примирительный характер сербского ответа. После этого ответа третейское решение по поводу еще остававшихся разногласий больше бы отвечало духу взаимного доверия, на что указывал 30 июля сэр Эдвард Грей. Тому духу, который, будем надеяться, в будущем восторжествует. Предпосылкой доверия, в котором так нуждались все остальные, было убеждение, что английский министр иностранных дел проявит не только волю, не зависящую от соображений момента, но и способность сдерживать несомненную воинственность России. Что касается доброй воли сэра Эдварда Грея, в ней никто из подписавшихся не сомневается. Сомнение только в том, оказался ли он способен реализовать эту добрую волю: похоже, что он не сумел понять, насколько поведение России было губительным для всей ситуации, и вовремя найти общий язык с Германией. А ведь унастроение российского царизма было страшно архаично, и об этом с несомненностью свидетельствуют российско-сербские документы, теперь полностью опубликованные (см. приложение VI).

Правительство в Берлине само пыталось уладить конфликт между Австро-Венгрией и Сербией дипломатическими методами и сначала относилось отрицательно к аналогичным попыткам других стран, особенно Англии: германское правительство думало, что таким путем не удастся устранить постоянную опасность миро-

вой войны. Тем не менее в докладе Комиссии удивительным образом не упоминается, что германская сторона настаивала на прямых консультациях между Петербургом и Веней и что сэр Эдвард Грей сам считал это наиболее целесообразным («Синяя книга», § 67). Труднообъяснимая ошибка содержится в «Синей книге» (§ 43), где утверждается, что Германия не хотела посредничества «большой четверки». На самом деле телеграмма, на которую ссылаются, касалась не самого этого предложения, а идеи вполне конкретной конференции. Германия всегда была готова посредничать между Австро-Венгрией и Россией («Синяя книга», § 18 и 46). Наконец, особенно странно, что в докладе Комиссии не упоминаются давно известные три германские ноты, из которых видно, какое давление Берлин оказывал на Вену начиная с 28 июля. Мы позволим себе сослаться на некоторые из этих документов.

28 июля Вене было указано на примирительный характер сербского ответа. Было также выдвинуто требование, чтобы Вена больше не уклонялась от посредничества Германии и других стран (содержится в телеграмме ведомства Вольфа от 12 октября 1917 года).

29 июля (в ночь на 30-е) было указано, что уклонение от обмена мнениями с Петербургом - тяжелая ошибка. И сказано следующее: «Мы готовы выполнить наш союзный долг, но мы не хотим, чтобы Вена, легкомысленно и не слушая наших советов, втянула нас в мировой пожар» (опубликовано в «Вестминстер газетт» от 1 августа 1915 года).

Той же ночью в Вену была отправлена телеграмма в поддержку предложения Грея («Синяя книга», § 88). В ней говорилось: «Если Австрия отклонит всякое посредничество, нам предстоит следующее: Англия будет против нас, Италия и Румыния по всем признакам не с нами, и мы окажемся вдвоем против четырех великих держав. Из-за противостояния Англии главная тяжесть войны падет на

Германию. Для спасения политического престижа Австрии, чести ее оружия и удовлетворения ее справедливых претензий к Сербии будет достаточно, если Австрия займет Белград и другие территории. Усмирив Сербию, она получит сильную позицию на Балканах против России. При этих обстоятельствах мы настоятельно предлагаем принять посредничество, которое бы обеспечило достойные для нее условия. В противном случае, нам и Австрии грозят исключительно тяжелые последствия» (доложено на Главной комиссии Рейхстага 9 ноября 1916 года).

В упомянутом предложении от 29 июля о посредничестве («Синяя книга», § 88) был найден путь к сохранению мира. Берлин был готов вступить на этот путь и оказывал на Вену такое жесткое давление, какого ранее не приходилось наблюдать в практике двух союзных стран в трудную минуту. Не вина Германии, что дипломатические переговоры, которые были столь близки к успеху и могли бы привести к счастливому решению, были сорваны военными мерами противной стороны.

Что же касается документов, опубликованных сербским посланником в Париже, то авторам доклада Визнера (от 13 июля 1914 года) они не были известны. А телеграмма австро-венгерского посланника графа Шеденьи от 25 июля 1914 года, рекомендовавшая в случае объявления войны быстрые военные действия, происходила из уже упомянутой доктрины, согласно которой быстрое решение этого конфликта - лучшее средство помешать его разрастанию. Остается еще послание графа Шеденьи от 27 июля с отказом от английского посредничества. По этому поводу Комиссии уже давали разъяснения бывший канцлер Бетман-Хольвег и министр иностранных дел Ягов. Оба они указывают, что доклад по этому поводу нельзя считать удовлетворительным. Мы доверяем этим господам, особенно если иметь в виду, что австро-

венгерский посланник был чрезвычайно стар. По крайней мере, германское правительство действовало на самом деле в совершенно противоположном духе: с 28 июля оно сделало все возможное, чтобы склонить Австро-Венгрию принять предложение о посредничестве. Не была исключена даже возможность прямых переговоров («Красная книга», § 50). Настоятельно необходимо, чтобы независимая комиссия изучила многие детали, по которым посол давал показания.

Наконец, надо разобраться, почему предложение царя (от 29 июля) передать австро-венгерскую проблему на рассмотрение третейского суда в Гааге не было принято. Документы не позволяют судить об основаниях Германии и Австро-Венгрии, но известно, что в тот же день Россия объявила о мобилизации 13 армейских корпусов. Мы полагаем, что предложение царя можно было бы принять всерьез только в том случае, если бы Россия прекратила мобилизацию. На самом же деле в тот самый день, когда царь выступил со своим предложением, его военные и дипломатические советники решили превратить частичную мобилизацию во всеобщую.

III. Катастрофа

Именно из-за всеобщей мобилизации в России была упущена возможность предотвратить войну, что пыталась сделать Германия в духе «Синей книги» (§ 88). Мобилизационная готовность России (подробнее об этом в приложении I) была в последние годы значительно повышена. Подготовка к войне, в частности против Германии, для всей европейской части России началась 26 июля. Решение о частичной мобилизации было принято 25 июля, а 29 июля был отдан приказ. Превосходство России над Австро-Венгрией было таким образом превра-

щено в боевую готовность. Решение Австро-Венгрии о всеобщей мобилизации было принято 29 июля, и приказ был отдан 30 июля. Это не было оправдано никакими военными мерами со стороны Германии или Австро-Венгрии.

Все эти аспекты совершенно не упоминаются в докладе Комиссии. То, что доклад хранит молчание по поводу российской всеобщей мобилизации и ничего не говорит о значении этого шага, тем более удивительно, потому что в 1914 году на этот счет все были единого мнения. Известно, как настойчиво предостерегал от этого рокового шага британский посол в Петербурге («Синяя книга», § 17). Всеобщее мнение выразил 30 июля в газете «Тайме» полковник Перингтон: «Будет чудом, если после объявления российской мобилизации вся Европа не окажется очень скоро в огне войны».

Еще меньше сомнений по поводу значения российской мобилизации было во Франции: 18 августа 1892 года при заключении русско-французского военного договора генерал Буадеффе объяснил царю, «что мобилизация будет равнозначна войне» (36-я французская «Желтая книга», § 71). Франция сознавала, насколько рискованна эта мера. Вот почему, в частности, французское правительство старалось как можно дольше держать в тайне российскую мобилизацию. Еще 31 июля в 7 часов вечера (9 часов в Петербурге) французский министр иностранных дел говорил германскому послу, что «о мнимой всеобщей мобилизации российской армии и флота ничего не известно» («Желтая книга», § 117). Между тем приказ был уже опубликован рано утром, и о нем должен был знать каждый находящийся в Петербурге дипломат. Кстати, «Правда» 9 марта 1919 года рассказала о тайной телеграмме Извольского, сообщавшей, что телеграмма французского посла из Петербурга известила

правительство в Париже «о полной мобилизации русской армии» утром 31 июля.

Любому компетентному человеку ясно, что российская мобилизация означала для Германии. Предстояла война на два фронта с превосходящими Германию силами. На западе против Германии стоят силы более высокой боевой готовности. Обороняться на обоих фронтах было бы губительно. В военных кругах не только в Берлине, но и повсюду тогда считалось, что спасти Германию может только наступательная война. При этом она должна быть очень быстрой, рассчитанной буквально по дням, и наступление должно вестись сперва на западе, то есть против более оперативно способного противника. При объявлении войны Франции Германия необдуманно использовала непроверенные сообщения о налетах французской авиации: их следовало сперва проверить. Но это обстоятельство не должно заслонять от нас сути дела: как только вслед за Францией Россия объявила всеобщую мобилизацию, Германия должна была планировать войну на два фронта. Это представление вытекало из хорошо известного теперь русско-французского военного договора от 17 августа 1892 года. Там говорилось, что в случае мобилизации хотя бы в одной из стран Тройственного союза Россия и Франция проводят мобилизацию одновременно в расчете на быстрейшее вступление в решающую схватку.

Любое германское правительство, которому придется иметь дело со всеобщей русской мобилизацией, берет на себя страшную и никем не разделяемую ответственность, если оно будет выжидать, сделав предложение о переговорах. Из документов, переданных правительствам стран-противников, видно, что германское правительство не могло взять на себя такую ответственность, зная о планах царизма. Это было бы возможно, если бы международный и достаточно сильный орган располагал пол-

номочиями гарантировать, что переговоры не будут использованы для того, чтобы Россия смогла развернуть свое огромное преимущество, затем оборвать переговоры и втянуть Германию в войну, исход которой был заранее известен. Но такого органа в то время не существовало.

IV. Последствия

Германия согласилась с мнением Австрии, что придется покончить с великосербской пропагандой военными методами. Но было чрезвычайно важно, чтобы по получении сербского ответа 27 июля Вена воздержалась от роковых шагов, дав возможность Берлину убедиться в том, что Сербия зашла слишком далеко. После тщательного изучения ноты 28 июля было сделано все возможное, чтобы склонить к этому Вену. 9 июля после полудня сэр Эдвард Грей предложил успокоить Австро-Венгрию от имени всех великих держав. Германия поддержала его самым решительным образом. Почему Вена не ответила сразу же на это предложение, нам не известно. Этот вопрос - один из самых важных, которые еще нуждаются в объяснении. Что же касается Берлина, то документы определенно указывают на перемену мнения между 26 и 28 июля. То, что окончательные выводы не были сделаны уже 27-го, объясняется, по нашему мнению, просто недостаточной решимостью.

Если принять во внимание, что мировая война была для Германии очень рискованным делом, то ясно, что Германия ее не хотела. Более 40 лет Германия была «борцом за мир» - так ее называл сам доклад Комиссии («Желтая книга», § 6). Завоевательные планы были совершенно чужды ведущим государственным деятелям Германии.

Нельзя сказать того же о России. Ведущие панславистские круги России не могли достичь своих целей без войны. Эти враждебные миру элементы сумели навязать свою волю в решающие дни. Как раз в тот момент, когда мир казался возможным, Россия сделала шаги, уничтожившие эту возможность.

V. Нарушение нейтралитета Бельгии и Люксембурга

В отношении бельгийского и люксембургского нейтралитета мы полностью поддерживаем позицию германского рейхсканцлера, которую он занял под аплодисменты Рейхстага 4 августа 1914 года. Рейхсканцлер назвал тогда эту акцию «несправедливостью, которая потом будет компенсирована». Жаль, что в ходе войны трактовка эта была забыта, и германская сторона приняла попытку оправдать введение германских войск в эти страны.

VI. Обобщения

Мы считаем теперь нужным сделать следующие замечания: вопрос о причинах войны в докладе Комиссии решается простым перечислением формальных поводов, которые позволили превратить политическое напряжение в состояние войны. Мы думаем, что это порочный метод. Мало того, что в докладе допущены грубые и странные ошибки. Весь метод фундаментально порочен. Правильно было бы поставить такие вопросы.

1. Какие правительства в прошлом больше других создавали длительную угрозу войны, державшую в напряжении Европу несколько предвоенных лет?

2. У каких правительств были политические и экономические интересы, которые можно было удовлетворить только с помощью войны?

По второму вопросу следует заметить вот что. Для ответа на него будет важно, какие именно условия мира будут предложены на будущее, особенно экономические и территориальные условия, которые теперь обсуждаются.

По поводу же обоих вопросов, столь важных для выяснения проблемы, можно сказать следующее: бывшее германское правительство совершило, по нашему мнению, тяжелую ошибку. Но эта ошибка лежит не там, где ее ищет часть общественного мнения в странах, воевавших против Германии. Дело вовсе не в «премедитировании» войны с одним из будущих противников, в чем обвиняют ответственных государственных деятелей Германии. Такая политика не нашла бы у немецкого народа никакой поддержки. Часть общественного мнения за пределами Германии делает достойное сожаления ошибку, когда толкует выходки небольшой презренной и безответственной группы литераторов-шовинистов как выражение настроений немецкого народа. Тем более что, к сожалению, еще более широкие круги в других странах были в такой же мере восторженно шовинистичны.

Действительные ошибки германской политики в другом. Германский рейхсканцлер в 1914 году принял политическое наследство, которое с самого начала обречено на неудачу его попытки смягчить международную напряженность. Кроме того, эта задача требовала такого политического искусства и воли к принятию решений, какими он не обладал. А тогдашний государственный строй Германии помешал ему сделать даже то, что он лично был в состоянии сделать. Крайне тяжелая ошибка - искать моральную вину там, где все несчастье проис-

ходит от нервозности и от слабости в отношении той шумной и безответственной группы, о которой мы говорили выше. Добавим к этому неспособность принимать быстрые и непротиворечивые решения в трудной обстановке. Последнее обстоятельство прекрасно документировано в многотомном труде, посвященном германской дипломатии накануне войны. Но всякий, кто знаком с инструкциями рейхсканцлера в самое последнее время перед началом войны, должен с нами согласиться. Сначала германское правительство, опираясь на информацию Вены, считало, что австрийская военная экспедиция необходима в интересах сохранения мира. Оно считало также, что вмешательство России вынудит Германию выполнить свои союзные обязательства. Относительно требований Австрии к Сербии Берлин сперва предоставил своему союзнику полную свободу. Потом, когда последовал сербский ответ на ультиматум, Берлин счел этот ответ достаточным, чтобы отказаться от экспедиции. Берлин сообщил свое мнение Вене. Но, доверяя тем, кто руководил внешней политикой Австрии, германское правительство сделало это не сразу, а на следующий день. При этом оно проявило всю возможную энергию и прибегло к последнему средству, угрожая отказаться от союзной помощи Австрии. Впрочем, нельзя быть уверенным, что войну удалось бы предотвратить, если бы Берлин действовал быстрее.

Относительно вопроса об ответственности, как он ставится теперь, мы должны определенно сказать: в Европе были великие державы, во всяком случае одна, которая многие года перед войной планомерно преследовала цели, достижимые только с помощью военного нападения, и которая сознательно работала в этом направлении. Этим занимался русский царизм вкупе с влиятельными кругами, которые были втянуты в эту политику. Уже цитированные (до сих пор неизвестные) документы, например письмо Сазонова послу в Белграде Гартвигу, до-

называют, что российское правительство через инструкции своим представителям в Белграде и другими средствами планомерно толкало Сербию к завоеваниям за счет территории Австро-Венгрии, в границы которой входила сербская «обетованная земля». Россия имела в виду, что будет воевать вместе с Сербией. По нашему мнению, Россия делала это не из бескорыстной дружбы к Сербии, а потому, что в собственных политических интересах стремилась к разрушению Австро-Венгрии. Далее, и это само главное, Россия стремилась устранить все препятствия к своей экспансии на Балканах и в особенности к выходу на Средиземное море. Россия испытывала неодолимое желание захватить не только Босфор, но и Дарданеллы и планомерно готовилась к этому. Это следует из документов (приложение VI). При этом нам точно известно, что ни германская нация, ни министры ее правительства не считали войну с Россией желательной. Военные авторитеты относились к перспективам такой войны крайне скептически. И даже в случае военного успеха никто не ожидал от победы какой-либо пользы.

С другой стороны, Россия знала, что Германия исторически связана с Австрией и культурно родственна ей и что если Дунайской монархии будет что-то угрожать, то нужно будет иметь в виду военное сопротивление Германии. Поэтому Россия заключила в 1892 году военный, а в 1912 году морской и расширенный военный договор с Францией. Эти договоры и ряд последующих соглашений создавали условия для того, чтобы в решающий момент включить «механизм Антанты» и вовлечь своих друзей в давно предусмотренную войну. Здесь мы и находим действительную причину мировой войны.

Как мы думаем, отчасти злая судьба, но отчасти ошибки нашего политического руководства привели к тому, что, вступив в неизбежный конфликт с царизмом, мы оказались в конце концов в состоянии войны со странами, с которыми нас объединяют духовные интере-

сы и с которыми, как мы убеждены, было возможно взаимопонимание.

Разумеется, следует подчеркнуть и то, что французское правительство так никогда и не отказалось от претензий на Эльзас-Лотарингию. А эти претензии можно было удовлетворить только с помощью войны. И не было видно, как удалось бы достигнуть взаимопонимания с предвоенным французским правительством.

Напротив, взгляды на сей счет французских социалистов во главе с Жоресом, немецких социалистов и буржуазно-демократических кругов в Германии были чрезвычайно близки. Но они не оказали влияния на возможность мирного урегулирования франко-германских отношений. Этому мешало то, что Франция была привязана тесным союзом к политике царизма. Из документов видно, что, если германо-российские отношения обострялись, Франция никогда не давала России советов, расходившихся с ее воинственной политикой, но часто давала советы, поощрявшие Россию. Так, посол Извольский в телеграмме 369 от 17-18 ноября 1912 года (он предварительно согласовал ее с Пуанкаре) извещал министра Сазонова, что если Германия поддержит Австрию в Балканском конфликте, то Франция будет соблюдать договор с Россией. 25 февраля 1913 года посол Бенкендорф извещал свое правительство: по его впечатлению, Франция — единственная из великих держав, которая смотрит на возможность войны без сожалений. 24 июля 1914 года, то есть перед разрывом австрийско-сербских отношений, французский посол в Петербурге объяснил, что Франция, помимо настойчивой дипломатической поддержки, в случае необходимости выполнит все обязательства перед Россией, предусмотренные договором.

При таком положении дел трактовать действия Германии против Франции как «агрессию» лишь на том основании, что Германия начала наступательные военные действия, было бы неверно. Это были вынужденные действия: Франция была тесно привязана к царизму. Что ка-

сается Англии, то здесь мы не можем детально расследовать, какие шаги нужно было делать или, наоборот, не делать, чтобы устранить очевидное роковое взаимное недоверие. Английское правительство часто разъясняло, что зависит от общественного мнения в своей стране. А в общественном мнении Англии очень сильны круги, которые считают всякое понимание между Германией и Англией невозможным. Укажем на известные слова Ллойд Джорджа (1908), пытавшегося изменить это положение. В 1912 году только из-за этого недоверия не смогли выработать общую формулу Бетман-Хольвег и Холдейн. И в этом последняя причина, почему для германского правительства оказалось невозможным принять английское предложение о конференции. Со своей стороны мы охотно допускаем, что не сам факт, а масштабы и дух германских усилий по созданию ВМФ вызвали в последние годы подозрения в Англии. Хотя это взаимное недоверие было главным источником напряжения в Европе, можно сомневаться, что не было путей его устранить. Германии следовало вести себя иначе в отношении Гаагской конференции и создать иную атмосферу вокруг расширения своего флота. С другой стороны, мы можем сослаться на известные и часто цитируемые статьи в английской прессе, на кампанию в газетах Нортклифа, на такие действия, как отказ палаты лордов кодифицировать морское право. Все это вызывало недоверие в Германии.

Прискорбно, что дурную службу миру сослужил и очень одаренный американский автор Веблен. В своей книге «Теория делового предприятия» он настаивал на естественной необходимости «торговых войн». Такие совершенно ошибочные взгляды были распространены в известных кругах всех стран, а теория Веблена придала им авторитета. Так во всех странах поднималась волна национализма. И ввиду этого достойно сожаления, что нынешние условия мир: укрепят в германском общественном мнении взгляд, с которым мы пытаемся бороться,

а именно что Англия подготовила и вела эту войну для подавления опасного конкурента.

Следует помнить, что в то время еще не ставился вопрос, что войны следует избегать в принципе. В этих условиях решающим для Германии было то, что без войны против казавшегося несокрушимым царизма Германия не могла сохранить не только свою честь, предполагавшую соблюдение союзных обязательств, но и национальную независимость. Единственным спасением для нее в тех обстоятельствах мог бы стать прочный и обязывающий союз с Англией. Он укрепил бы доверие между двумя сторонами и удержал бы Германию и Францию от войны друг с другом.

Остается только ждать, когда появятся доказательства, что английский министр пытался в последние годы склонить общественное мнение своей страны к такому союзу, вопреки тенденциям, которые мы рассмотрели выше. Повторяем: мы готовы оценить по достоинству каждый шаг английского правительства в этом направлении, если удастся подтвердить, что такие шаги были, и мы готовы признать как ошибку всякое уклонение германского правительства от встречных шагов.

Царизм, с которым никакое взаимопонимание невозможно, построил самую страшную из мыслимых систему порабощения народов за всю историю. С ней можно сравнить разве что нынешний проект мирного договора. Немецкий народ мог решительно и единодушно принять эту войну только как оборонительную войну против царизма. На это с полным правом в свое время указывали немецкие социал-демократы. Даже сейчас, когда военная мощь Германии уничтожена навсегда, мы считаем, что эта оборонительная война была неизбежна. Но в тот момент, когда цель свержения царского режима была достигнута, война стала бессмысленной. Мы считали бы ее продолжение кощунством со стороны германского правительства, если бы имелось несомненное доказательст-

во того, что противник был готов заключить мир без победителей и побежденных, на основаниях взаимного уважения и чести. До сих пор свидетельств этому нет. Те условия мира, которые вопреки торжественным обещаниям предложены народу демократически обновленной Германии, выглядят так, что свидетельствуют о прямо противоположном. Судя по ним, искомые свидетельства не будут явлены никогда.

•Нл

Макс Вебер

О России
Избранное

<ПШ4<

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Художественный редактор *АКСорокин*
Художественное оформление *АВКубанов*
Компьютерная верстка *ЕЮЕгорина*

0000066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 08.02.2007.
00000000 70x100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,45. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1315

Издательство «Российская политическая
энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации).

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14